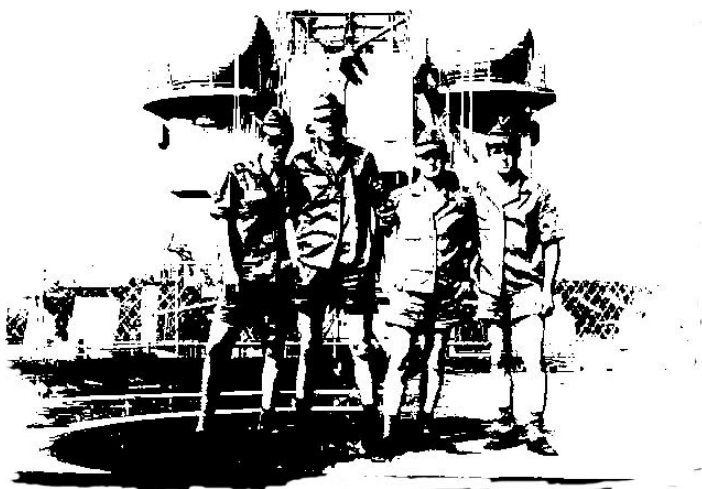

Генрих Залтанс

Средиземка

Иллюстрации:

Ева Залтане

А.Носков

www.voyage.narod.ru

Г.Залтанс

www.rasmys.narod.ru

Иллюстрацию для обложки любезно предоставил Анатолий

Пустовит

www.pustovit.ru

Корректор Т. Дымбовская

Средиземка. Миниатюры./ Г.Залтанс, Огре. 2006. – 176 с.

В книге представлены: повесть «Средиземка» и сборник юмористических и сатирических миниатюр.

«Средиземка» – повесть о советском моряке Лёше Переверзневe. Он попадает служить в Средиземноморскую эскадру. Суровые испытания выпадают на долю молодого матроса. Здесь мало выжить, здесь ещё нужно сохранить человечность. Но первый моряк из деревни Трофимовки с гордостью проходит все эти испытания. В основу повести легли реальные события, происходившие в Средиземном море в 1982-85 годах.

© Г.Залтанс

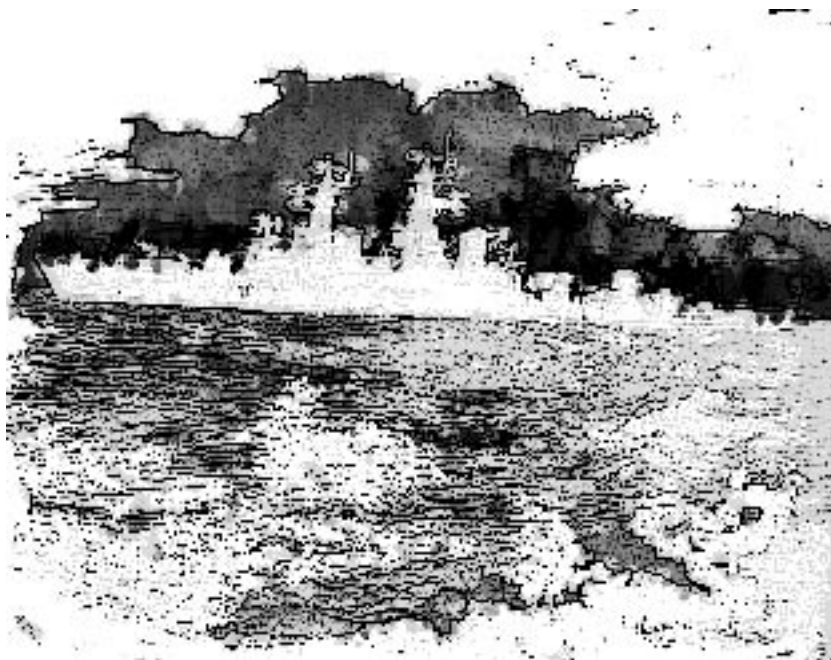
© обложка, А.Пустовит

Генрих Залтанс

Средиземка

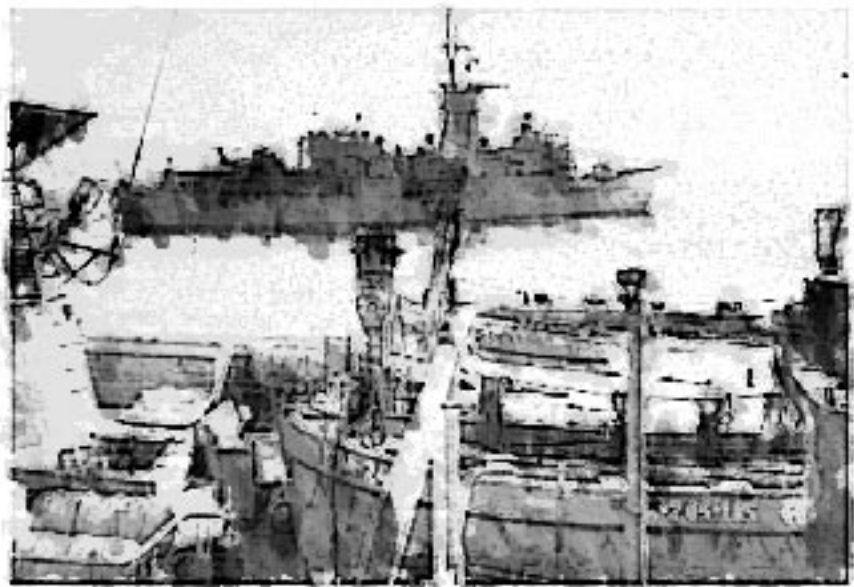
Повесть

Все имена и фамилии вымышлены, любое совпадение
является случайным.

Глава первая
«Виктор Котельников»

1

Говорят, что море – это йод.
Ну так что ж, тогда совсем не странно,
Что когда беда ко мне придет,
Буду морем врачевать я раны.
(Неизвестный автор)

Леша был очень послушным и старательным моряком. Одно обстоятельство не давало ему служить спокойно и без приключений: все считали его глупым. Да, в общем, слово «глупый» даже и не подходит, а другое

я написать не могу – цензура не пропустит. Алексей в свои девятнадцать лет не умел делить и умножать, хотя имел за спиной десять классов советской средней школы. И, что немаловажно, получил настоящий аттестат зрелости. Как он его получил, не знает никто, даже, наверное, и он сам. Но самое интересное, что попал он с таким багажом знаний служить на корабль. Кто-то может подумать, что я пишу о моряке, который ходил вместе с Христофором Колумбом на «Пинте» открывать Америку. Нет, уважаемый читатель, это рассказ о советском моряке Алексее Ивановиче Переверзнев, уроженце села Трофимовка Мордовской АССР.

Корабль, куда попал наш герой, назывался ПБПЛ (плавбаза подводных лодок) «Виктор Котельников», названный в честь героя-подводника. Это был корабль второго ранга, и в его задачи входило обеспечение всем необходимым подводных лодок, находящихся в водах Средиземного моря. А заодно он был флагманским кораблем, то есть – на нем находился штаб Средиземноморской эскадры. Но пока он стоял у «стенки» на ремонте в городе-герое Севастополе.

Леша никогда в жизни не видел корабля больше, чем плоскодонка соседа Ивана Кузьмича, потому что лодки больше, чем у Кузьмича, в селе ни у кого не было. Ее даже прозвали линкор «Императрица Мария». Кто такая «императрица», Леша не знал, а вот про Марию догадался: это учительница сельская, Мария Михайловна, ее Кузьмич часто на пруду катал по весне. Наверное, поэтому и назвал «Мария», но почему «Императрица» – Леша никак не мог сообразить. Всех жителей села Леша переписал в общую тетрадь – нет никого с именем таким. Пошел на кладбище, переписал всех умерших – тоже ничего похожего. Так бы и мучился человек, если бы не повестка в армию. И загремел наш Алексей на три года

в Военно-Морской Флот. Сначала он попал в учебный отряд в городе Ломоносов под Ленинградом. Там его полгода учили на радиометриста и даже выучили, но вот вылечить так и не смогли.

Первая встреча с кораблем прошла очень интересно и больно. Интересно потому, что на корабле Леша никогда не был, а больно было оттого, что вели его в кубрик по центральному проходу. И когда он шел, все стоящие там годки (матросы, отслужившие 2,5 года) не могли удержаться от радости, что к ним привели еще одного духа (матрос, отслуживший полгода). Радость эту они выражали сильным ударом ему под зад ногой и громким хохотом. В итоге, пройдя этот короткий, но трудный маршрут, Алексей понял всем своим телом, что сидеть он не будет долго.

Ему немного повезло, что шел он не один, и часть радостных приветствий с ним разделили еще трое молодых матросов. Но вот наконец они спустились в кубрик. Старшина, который их привел, весело закричал:
– Становись! Духи идут!

После его команды к ним подошли четыре матроса. Глядя на них, Леше стало как-то страшновато. Уж больно они были злые на вид. Он закрыл глаза, набрал полные легкие воздуха и приготовился к удару. Но удара не последовало, а по кубрику прокатился громкий хохот. Леша не поддался на провокацию и глаза не открыл. Тогда один из годков подошел к нему, обнял и шепнул на ухо:
– Добро пожаловать, товарищ матрос. Не бойся, здесь тебя никто не обидит. Здесь живут добрые дяди.

После этих слов в кубрике снова раздался хохот. Леша понял, что пока его бить не будут, и открыл глаза. Перед ним стоял огромного размера человек. Хотя человеком-то его назвать было трудно – уж больно он был похож на

быка. Да-да, того самого быка, которого Леша видел в колхозном коровнике. Единственное, чего ему не хватало - так это кольца в ноздрях.

«Наверно, снял временно» – подумал Леша. И как-то после этих мыслей ему стало спокойней на душе. Он приобрел какую-то внутреннюю уверенность в себе, и страх моментально исчез.

И в самом деле, никто бить их не собирался. Наоборот, всех четверых посадили на рундуки (шкафчик-кровать) и стали задавать вопросы. В основном спрашивали, кто откуда родом, и если в кубрике находился чей-то земляк, радости его не было предела. Он уводил духа в конец кубрика, и там они долго беседовали о своей маленькой Родине. Но нашему герою не повезло, у него на корабле земляков не оказалось. А это означало, что служба у него будет тяжелой и без поблажек. Одно доставляло удовольствие – гордость за то, что он единственный за всю историю человек из села Трофимовка, который попал служить на корабль. В итоге через некоторое время Алексей остался сидеть один. И хотя физическая боль очень мучила нижнюю часть тела, встать он не решался. Так и просидел он до самого вечернего построения с огромной гордостью за Трофимовку и с благодарностью судьбе за то, что она послала его служить на военный корабль.

После вечернего построения вся команда разошлась по кубрикам. Молодым матросам показали, где их койки и приказали через 5 минут заснуть. Что они незамедлительно сделали. День так вымотал их физически и психологически, что все действительно через пару минут уже спали.

Засыпая, наш герой успел подумать: как хорошо, что он попал служить именно на этот корабль. Что завтра он обязательно напишет маме, как ему повезло. Последнее,

что он успел запомнить, отправляясь в мир сновидений - это то, как чей-то грубый голос сказал:

– Радченко, ночью разбудишь духов на картофан...

2

И приснился Алексею замечательный сон. Идет он по деревне в морской форме, с дипломатом в руках, на плечах блестят погоны главстаршины. Вся деревня вышла посмотреть на первого в истории Трофимовки моряка. А когда он сворачивает к своему дому, навстречу к нему выходит самая красивая девушка деревни – Аня Молотова. Леша смутился, сделал шаг в сторону, чтобы уступить ей дорогу. Но Аня подошла вплотную, нежно положила свои руки ему на плечи и крепко поцеловала в губы. Лешу раньше никто так не целовал, если, конечно, не считать поцелуя от председателя колхоза Михалыча на проводах. Но от того поцелуя его чуть не стошнило. Уж больно сильно от Михалыча несло перегаром и чесноком. А от Ани – другое дело, от ее губ исходил приятный, давно забытый вкус семечек. И Алексей почувствовал, что с телом его стали происходить непонятные изменения. Голова закружилась, сердце забилося с бешеной скоростью, ноги подкосились. И он, наверное, упал бы, если бы Аня не оторвалась от его губ. Она прижала свои ладони к его щекам, посмотрела в глаза и грубым мужским голосом сказала:

– Душара, вставай!

Он удивленно посмотрел на нее и спросил:

– Анечка, что с твоим голосом?

– Я те сейчас покажу Анечку, карась жареный. Вставай картошку чистить, – снова раздался мужской голос.

Леха открыл глаза и увидел перед собой все то же страшное лицо. Лицо изобразило что-то похожее на

улыбку и сказало:

– Даю одну минуту на сбор! Время ноль!

Леша не стал испытывать судьбу, вскочил с люльки (кровать) и начал быстро одеваться. Все-таки полгода, проведенные в учебном отряде, не прошли даром. Там он очень хорошо усвоил, что повторять на флоте два раза не любят. И если ты не выполнил приказ старослужащего, то за этим последует очень суровое физическое наказание.

Поэтому ровно через 55 секунд он уже стоял одетый, чем даже немного расстроил будившего.

– Тебе повезло, зэма (обращение к моряку), – недовольно пробурчал он. Повернулся к нему спиной и скомандовал:

– Пошли со мной!

И все молодые матросы, а их было шесть человек (четыре духа и два карася), послушно пошли за ним. Пока они продвигались к месту назначения, Алексей узнал, что это страшное лицо имеет имя и фамилию – Алексей Радченко. Был он полторашником и отвечал в кубрике за порядок, который, в свою очередь, обеспечивали духи и караси (матросы, отслужившие год).

3

Радченко привел их на камбуз. Посередине камбуза стояли две баночки (стулья), а между ними ванна с водой, рядом с ней в баках – картошка. Он приказал всем взять ножи и сесть, что, естественно, сразу было сделано.

– Так, карасня, – «ласково» обратился он к ним. – Нам надо начистить полванны картофана. Ясно?

И не дожидаясь ответа, продолжил:

– А я очень люблю спать, но меня подорвали из-за вас с люльки, и это означает, что я не выплюсь, как следует. Поэтому, чем быстрее мы почистим картош-

ку, тем лучше для вас и приятней для меня. Время пошло!

После этих слов он сел, взял в руки нож и стал чистить картошку.

Леша сидел напротив и очень удивился, как его тезка чистил картофан. Он делал это так быстро и ловко, что мог бы, наверное, сам за пару часов всю ванну перечистить. У Лехи еще мелькнула мысль:

«Зачем было нас будить, если сам мог справиться?»

Но Радченко успевал не только чистить, он умудрялся поглядывать за скоростью работы своих духов. И естественно, первый взгляд упал на нашего героя, так как он выбрал самое опасное для жизни место – напротив полторашника.

Через пять минут работы Радченко посмотрел на Леху и грубо сказал:

– Карасина, очень медленно чистишь. Пока ты одну почистил, я уже две успел. Картошку надо крутить, понял?

И в этом коротком слове «понял» было что-то настораживающее и пугающее. У Лехи затряслись руки, он схватил картошку и стал лихорадочно ее крутить. Но от страха получалось еще медленней. Это заметил Радченко. Лицо у него стало багровым, он вскочил с баночки и заорал на Леху:

– Встань!

Алексей встал.

– Я сказал крутить! – Заорал полторашник и со всей силы ударил Леху в грудь. Леша не ожидал удара, потерял равновесие и перелетел через баночку. Ему повезло, что возле переборки была рассыпана картошка, иначе голова была бы разбита. Дыхание у него перехватило, и он стал задыхаться.

Радченко подскочил к нему, схватил за робу, притащил к банке и посадил. Голова у Лехи гудела от удара. Он

посмотрел на своего обидчика. Радченко улыбался всеми оставшимися зубами (половину зубов он потерял в первый год службы).

– Ну как, будем крутить или еще полетать желаем?
– обратился он ко всем.

– Будем, будем, – моментально ответили караси.

– Тогда быстро сели - и за работу! – отрезал он.

После такого наглядного урока работа пошла значительно быстрее. Через час ванна была наполовину заполнена очищенной картошкой. Правда, за этот час Алексей успел еще два раза перелететь через банку. А карась, который точил ножи, один раз тоже составил ему компанию. Полторашнику показалось, что ножи тупые.

Радченко ушел спать, приказав духам все убрать и помыть. Через полчаса уборка была сделана, и духи пошли в кубрик. Леха шел по центральному проходу последним. Грудь у него горела огнем, затылок болел. Ему было очень больно, так больно, что хотелось зареветь. Одна мысль его удерживала от плача и помогла выдержать эти довольно сильные удары тезки: что он – первый моряк на деревне, и когда он вернется, Аня Молотова обязательно его поцелует, как во сне!

Так и пролежал Алексей с открытыми глазами до подъема – с болью в душе и с надеждой на новый день. Одно он решил твердо: матери напишет, что попал на замечательный корабль с очень веселой и заботливой командой.

4

Но вот, наконец, из «трансляшки» прозвучал голос:

– Команде, вставать!

Заиграл гимн Советского Союза. Весь кубрик проснулся и стал одеваться, кроме гражданских (матрос,

отслуживший 3 года). Те даже не шевельнулись в своих койках и продолжали спать. Гимн сменила песня «С добрым утром, Москва». Очень хорошая песня, которую Леша слушал каждый день с начала своей службы. Она ему до боли надоела, так надоела, что он с удовольствием сровнял бы с асфальтом и эту Москву, и автора этой песни, хотя ни город, ни автор ни в чем не виноваты.

Проиграв до конца всеми «любимую» песенку, «трансляшка» сообщила:

– Форма одежды на физзарядку – голый торс.

После этой команды все направились к выходу. Физзарядка на корабле происходила на шкафуте. Пространства там было мало, поэтому бежать приходилось на месте. Леша очень обрадовался этому обстоятельству, потому что в учебке их заставляли бегать вокруг плаца, и к концу этого мероприятия новобранцы еле волочили ноги. А кто отстал во время бега от основной массы, тот после обеда занимался два часа строевой подготовкой.

А тут – благодать! Бежишь себе на месте под музыку и ни от кого не отстаешь. И музыка была такая хорошая, что даже у Леши поднялось настроение, несмотря на ночные кошмары. Когда музыка закончилась, а вместе с ней и физзарядка, все пошли умываться. Пока наш герой мылся, в кубрик принесли завтрак. Леша очень удивился, что у него не отобрали масло, как это делали в учебке. А еще больше удивился, когда один из старых матросов отдал ему свою порцию. После этого проявления доброты со стороны годка у Алексея на душе совсем полегчало. И то, что произошло ночью, - казалось теперь кошмарным сном, и не более.

После завтрака на корабле началась утренняя приборка. Приборка на корабле – это очень важное мероприятие, можно сказать – традиция. Во время приборки не спит никто, даже гражданские. Они тоже

присутствуют на ней. Правда, сами ничего не делают, но все равно присутствуют. И чтобы как-то убить время, начинают обучать молодых, кто словом, а кто делом – то есть кулаком или пинком под зад.

На этот раз Лехе повезло. Ему достался спокойный наставник. Звали его Сергей, ему оставалось служить каких-то две-три недели. Он подозвал к себе Лешу и приказал идти следом. Когда они пришли на шкафут, Сергей объяснил, что отныне это будет Лешино место приборки. И первое, что надо уметь – это швабрить палубу. Он взял в руки огромную швабру и сказал:

– Перед тем как швабрить, ее надо помыть. Пойдем со мной, покажу, где это делается. – И направился к трапу. Леша последовал за ним. Они спустились по трапу на стенку. Сергей подошел к воде, опустил в нее швабру и сильными движениями вверх-вниз стал полоскать. Леша внимательно следил за его действиями, стараясь не пропустить ни одной тонкости. Когда Сергей закончил полоскать, то протянул швабру Лехе и сказал:

– Ну, теперь попробуй сам.

Алексей с радостью взял швабру и, опустив в воду, стал что есть силы полоскать. Он очень хотел доказать годку, что не зря провел полгода в учебном отряде, и из него выйдет хороший моряк. Но после очередного раза, когда Леха резко опустил швабру вниз и рванул ее наверх, та почему-то не оказала сопротивления воде. Леша потерял равновесие и упал на землю. Не понимая, что произошло, он посмотрел на орудие приборки, которое, несмотря на падение, не выпустил из рук. В руках у него была одна палка, а швабра куда-то бесследно исчезла. «Все! Сейчас будет бить!» – первая мысль, которая посетила Лехину голову после падения, и он морально приготовился к заслуженному наказанию. Но вместо удара почувствовал, как Сергей схватил его за руку и поднял на ноги:

– Ничего страшного, бывает хуже, но реже. Сейчас

научу тебя швабру делать. Пойдем на коробку. – сказал он.

Они поднялись на корабль. Сергей взял на камбузе нож, приказал Лехе ждать его на шкафуте, а сам пошел на бак (нос корабля).

Через минут пять он вернулся, держа в руках большой кусок каната. Быстро его распустил, положил на конец палки, затем вытащил из кармана капроновый шнур и крепко привязал распущенный канат к палке. Леха и глазом не успел моргнуть, как швабра была готова. Серега вручил Леше швабру и пожелал не утопить ее снова.

Но этого он мог и не говорить. Алексей полоскал швабру с особой нежностью, двумя руками, многократно повторяя про себя «Отче наш», - единственную молитву, которую он знал, и то благодаря своему деду Егору. Он всего за год с помощью божьего слова и розги заставил Леху запомнить эту молитву на всю оставшуюся жизнь.

5

Но вот полоскание швабры закончилось, и Леша подошел к Сергею, улыбаясь и держа швабру в правой руке.

– Что дальше делать? – спросил он.

– А дальше - начнем швабрить палубу, – ответил Сергей.

– Сегодня суббота, а это значит – большая приборка на корабле. Продлится она до обеда. Мыть надо все очень тщательно, с большим энтузиазмом и старанием, потому что проверять качество приборки будет старпом.

Нет никого страшнее из всех живых существ на корабле, чем старпом Зайцев. Боялись его все, начиная с

духов и заканчивая «гражданскими», даже постоянные жители корабля – крысы – и те старались не попадаться ему на глаза.

В прошлом году одна такая крыса имела неосторожность перебежать дорогу Зайцеву. Увидев это, старпом задумался на два дня. Правда, перед этим успел объявить строгий выговор дежурному по кораблю старшему лейтенанту Козлову и на месяц запретил тому сход с корабля. Через два дня голову старпома посетила первая мысль. Он вызвал писаря и приказал издать приказ по кораблю.

Приказ гласил: «Кто принесет и покажет старпому 50 крысиных хвостов, тот получит 10 суток отпуска с выездом на Родину». Как только приказ огласили, на корабле началась тотальная охота на крыс. После отбоя спали только духи и карасы, все остальные, вооружившись палками, всю ночь гоняли крыс. Бедным животным не было покоя. Их били на камбузе, в трюме, в кубриках, в каютах. В конце концов, через какой-то месяц крыса на «Котельникове» была занесена в красную книгу как исчезающий вид грызунов. А те, которые остались живы, сидели глубоко в трюме и старались оттуда не высовываться.

– Поэтому шутить со старпомом не стоит. Не советую никому, – закончил свой рассказ Сергей. – Я тебе покажу, как правильно швабрить, и – вперед. Времени у тебя много, поэтому не торопись, швабри качественно, не испытывай свою судьбу – не надо.

6

Он взял у Леши швабру и стал драить шкафут, чтобы Алексей запомнил правильные движения этого несложного орудия приборки. На половине борта остановился, отдал швабру Лехе и сказал:

– Ну, все! Дальше давай сам. И помни о старпоме!

Повернулся спиной и через мгновение скрылся за переборкой, ведущей в центральный проход.

Леша остался один со шваброй. В душе его появилась тревога. «Кто такой этот страшный человек старпом Зайцев? И почему его боятся крысы?» – задал сам себе вопрос Леша.

И неизвестно, как долго бы он размышлял об этом, если бы проходящий мимо незнакомый годок не заметил очень задумчивое лицо нашего героя. А годки на “Котельникове” очень не любили задумчивых лиц у духов и карасей. Сильный удар ботинком под зад мгновенно вернул Леху к реальности, а крик «На корабле большая приборка!» напомнил Лехе, где он находится.

Леша, не глядя на обидчика, сразу же нагнулся и стал швабрить. Он прошелся шваброй от начала и до конца шкафута примерно раз двадцать. Когда вернулся его учитель проверять сделанную работу, палуба на шкафуте блестела, как зеркало.

– Красота! – не скрывая восторга, оценил работу Сергей.
– Молодец! Я и не думал, что мне такой толковый ученик попадется. Сейчас придет старпом проверять приборку, думаю, он останется очень доволен нами.

Слово «нами» он произнес особой интонацией. Леша от таких слов весь растаял и почувствовал, как за спиной у него выросли крылья. Чувство гордости за себя и за свою деревню снова вернулось, но долго этим наслаждаться не пришлось. На горизонте появился сам старпом в сопровождении дежурного по кораблю. Сергей и Леша замерли по стойке «смирно» вдоль переборки, при этом Алексей услышал за спиной хруст сломанных крыльев.

По шкафуту медленно, походкой Наполеона, шел сам старпом Зайцев. За ним, пригнувшись, следовал дежурный по кораблю. Они подошли к Алексею и Сергею. Старпом злым взглядом обвел матросов и

снисходительно спросил:

– Кто старший приборки?

– Старший приборки матрос Стицурин, – четко доложил Сергей.

– Вы что это, товарищ матрос, никогда приборку на корабле не делали? А? Почему палуба не блестит? На гауптвахту захотели? Вашу мать! – далее последовал целый набор настоящих морских выражений, от которых у Лехи полностью отпали обломки крыльев. Ноги у него задрожали. Видно, Зайцев обладал не только командными свойствами, но еще был и телепатом, потому что сразу перевел взгляд на Алексея.

– А это что за чучело? – глядя в глаза Алексею, заорал старпом. – Почему плохо подстрижен?

Леша открыл рот, чтобы ответить, но не успел сказать ни слова, потому что старпом продолжал орать.

– Отставить, молчать! Дежурный по кораблю! Наказать обоих! Палубу помыть с мылом и щеткой!

И, не дожидаясь ответа, закинув руки за спину, продолжил шествие по кораблю. Дежурный поспешил за ним, все время повторяя:

– Есть. Так точно. Слушаюсь.

Как только старпом скрылся за переборкой, Серега громко выругался:

– Придунок, чтоб тебя акула сожрала.

Леха подумал, что эти слова относятся к нему, и ответил:

– Виноват, но я старался, как мог.

– Да нет, это я не тебе, а тому остолопу.

– Почему остолоп, это же был старпом.

– Старпом и остолоп – это синонимы, запомни раз и навсегда!

Что такое синонимы, Леша, конечно же, не знал, но спросить гражданского не решился. В словах Сергея было раздражение, а он не очень-то хотел испытать

это раздражение на себе. Поэтому в этот раз Леха промолчал.

– Ты слышал приказ старпома, так что бери щетку, мыло и драй палубу, да так, чтобы не только мне понравилось, но и Зайчику тоже. Понял?

– Ага! – ответил Леха.

– Тогда вперед, с песней и пляской! Если меня будут искать, скажи – я на вахте, – дал указания гражданский и направился в сторону бака.

7

Леша взял мыло, щетку и принялся снова драить палубу. Не успел он помыть половину шкафута, как прозвучала команда:

– Закончить большую приборку!

Пришлось Алексею всю пену на палубе смывать, чтобы успеть на построение.

На построении старпом опять ругал всех и вся. Зайцев долго объяснял команде, что все они лентяи, мамочкины сыночки, и что его задача сделать из них настоящих моряков. А кто не захочет стать настоящим моряком, того он прямо с корабля отправит в дисциплинарный батальон.

В завершение своего выступления он с радостью объявил Сергею Стицурину 5 суток ареста. Не забыв при этом сказать про нестриженое чучело. И предупредил, что если еще раз увидит на корабле плохо постриженного матроса, то отправит его вслед за Стицуриным.

Выступление старпома так расстроило команду, что когда прозвучала команда дежурного «Разойдись!», какое-то время моряки стояли не шелохнувшись. И только повторный крик заставил их разбежаться по кубрикам.

Не успел Леша спуститься в кубрик, сразу же за ним

зашел какой-то мичман. Он подозвал к себе Радченко и стал что-то ему говорить. Радченко внимательно выслушал, потом громко скомандовал:

– Переверзнев, Пэдуре! Ко мне!

Леха и еще один молодой матрос моментально подбежали к полторашнику.

– Вот, товарищ мичман, это Переверзнев и Пэдуре.

Мичман посмотрел на моряков, улыбнулся и сказал:

– Так, товарищи матросы! Я мичман Подплето, из штаба Средиземноморской эскадры. Хочу сообщить, что вам выпала огромная честь служить в штабе эскадры. Пока я буду оформлять ваши документы, будете находиться на «Котельникове». А когда все бумажные дела улажу, с первой оказией отправимся в Средиземное море. Все ясно?

– Так точно, товарищ мичман! – залпом ответили духи.

– Ну, раз ясно, то до скорой встречи! – попрощался Подплето и вышел из кубрика. В кубрике воцарилось молчание. Леха и Пэдуре стояли посередине кубрика, их лица сияли от радости. Мысленно они уже качались на волнах Средиземки.

– Ну, духи, пора вам вешаться, – нарушил молчание Радченко.– Теперь вы родной берег долго не увидите! И эти идиотские улыбки надолго исчезнут с ваших глупых лиц. Вы хоть знаете, что такое эскадра?

– Нет, не знаем, – ответили матросы.

– Эскадра, карасики, это вся служба в Средиземном море. Вы будете как цыгане с корабля на корабль прыгать со своими шмотками. А Союз увидите только после демобилизации. Я бы на вашем месте пошел к старпому и попросился в дисбат. Там, конечно, тоже несладко, зато на берегу.

Последние слова Радченко сказал даже как-то с

сочувствием, что для него было большой редкостью. Сочувствия и сострадания к духам у него никогда не было. Тех, кто отслужил меньше него, он просто не считал людьми. К ним Радченко относился как к низшим существам. Хотя не так давно был таким же. Но для него это было забытое «давно», о котором он старался не вспоминать. Полторашник достал из рундука сигареты и вышел из кубрика «успокоить нервы», то есть покурить.

Молодые матросы остались одни. Леха посмотрел на товарища по несчастью, протянул руку и сказал:

– Меня Алексеем звать.

– А я Иван, – ответил матрос, пожимая Лешину руку.

В процессе разговора Леша узнал, что Иван Пэдуре из Молдавии. Где эта Молдавия, Леха Переверзнев не знал, но из рассказа Ивана понял, что это очень красивая страна и там много-много вина. И это вино там пьют утром и вечером вместо чая и дети, и взрослые. В конце рассказа Иван обещал Лехе, что после демобилизации они вместе поедут к нему домой. Спустятся в подвал, где хранится вино, и выйдут оттуда через год! Потому что столько вина, сколько у него в подвале - быстрее, чем за год - не выпить.

Алексей никогда в жизни не пил вино – считал это плохим занятием. Но после рассказа нового знакомого ему очень захотелось попробовать этого чудесного напитка. И на предложение Ивана погостить у него годик он с радостью согласился.

Пока они говорили, подошел еще один матрос. Он стоял рядом и слушал их разговор. Когда новые друзья закончили говорить, он обратился к ним:

– А я тоже в эскадру попал. Только в Индийский океан. Это намного дальше Средиземного моря. Я буду служить на такой же плавбазе с названием «Волга». Эта «Волга» там уже два года болтается. Давайте знакомиться. Меня

Игорем зовут. Я с Украины, из города Чернигов.

Игорь протянул руку. Они поздоровались и стали рассказывать о себе. И так разговорились, что не заметили, как вернулся их общий «друг» Радченко.

Но Радченко, выкурив на баке две подряд сигареты «Ватра», полностью справился с мимолетной слабостью. Поэтому, когда увидел у себя под носом душевно беседующих духов, у него моментально сработал рефлекс полторашника. Он заорал на весь кубрик:

– А ну разбежались, караси немытые! Чтoб я вас до вечернего построения не видел и не слышал!

Духи со скоростью звука выскочили из кубрика. Когда они остановились на шкафуте, Иван спросил у Игоря:

– Ты давно на корабле?

– Уже вторую неделю, – ответил Игорь.

– Ты не знаешь, где тут санчасть? У меня голова болит, надо таблетку выпить.

– Знаю, могу даже показать.

– Я тоже зайду, – присоединился к Ивану Леха. – У меня что-то горло побаливает.

– Пойдем за мной, – позвал их Игорь и пошел в сторону кормы.

Друзья последовали за ним.

8

Через некоторое время они были около санчасти. Игорь остался снаружи, Леха с Иваном зашли внутрь.

За баком с лекарствами и пробирками сидели два огромных моряка.

«Доктора», – сообразил Леха.

Но, что странно, заметил он, они как две капли воды были похожи друг на друга. Он никогда не видел близнецов, а это как раз были два брата-близнеца

Феоклистовы – Федя и Николай.

– Ну что, матросики, на что жалуемся? – участливо спросил Федя.

– Голова болит, – ответил Иван.

– А у меня горло, – добавил Леха.

– Так-с, голова и горло, – задумчиво произнес Федя.

– Это очень, очень плохо, брат. Что будем делать? – обратился он к Николаю.

– Болезнь надо обязательно лечить, чтобы не заразить других людей. Я так думаю, брат, – ответил Николай.

– Правильно думаешь, брат. Ну, что ты будешь лечить: горло или голову? – спросил Федя.

– Ты же знаешь, я спец по головам, – уже улыбаясь, ответил Николай. – Иди ко мне, матросик, – позвал он Ваню. – Я твою головку попробую вылечить. Нельзя, чтобы головка у моряка болела.

– Садись на баночку и наклони голову, я у тебя температурку померяю.

Иван сел на банку и наклонил голову.

Николай размял пальцы, положил ладонь на голову, оттянул второй рукой средний палец и затем резко его отпустил. Получился сильный удар по голове, так называемый «фофан». В голове у Ивана зазвенело так, что он чуть не упал с банки. Сквозь звон послышался голос лекаря:

– Ну как, полегчало? Или еще таблеточку прописать?

– Не-е-а, – промямлил Иван.

– Ну, тогда ступай с богом и не болей. Болеть очень нехорошо.

Ваня встал и, качаясь, поплелся к выходу.

Леха с ужасом наблюдал за этой картиной. Увидев метод лечения, он решил поспешно удалиться вслед за Иваном, но не успел. Крепкие руки Федора сжали

его как тиски.

– Ну, садись, посмотрим твоё горлышко.

– Горлышко важнее головы. В горлышко ты ешь. А если не сможешь есть – умрешь, – спокойным голосом заговорил Федя. – Но мы этого не допустим. Сейчас мы его смажем замечательной мазью, и оно пройдет.

После слова «смажем» Леха успокоился и понял, что «фофан» его миновал.

– Покажи горлышко, матросик, – ласково попросил Николай.

Леша открыл рот. Николай взял палочку с ватой и стал мазать Лешино горло.

Горло защищало, но Леша терпел.

– Все готово! Я тебя, можно сказать, из могилы вытащил. Ступай к своему другу и не болей. А если что – приходи, помажем ещё.

Алексей ничего не ответил, так как горло у него горело огнем. Он пулей вылетел из санчасти.

Ваня и Игорь, увидев Лешу, выбегающего из санчасти с открытым ртом, спросили:

– Что случилось? Почему у тебя рот зелёный?

– Не-е-з-знаю! – с трудом ответил Леха и стал плевать за борт.

– Наверное, эти «братья Пироговы» ему горло зелёнкой помазали, – первым сообразил Иван.

Минут пять Алексей терпел боль. И когда горло немного отпустило, он посмотрел на своего друга по несчастью.

Иван чесал на макушке только что полученную шишку.

– А голова действительно уже не болит, – улыбаясь, сказал он.

– И у меня горло в порядке, – сказал Леха. И, сами не зная отчего, они стали хохотать. Настроение дру-

зей передалось Игорю, и он засмеялся с ними.

Насмеявшись вдоволь, они решили отметить свое излечение перекурором на баке.

К счастью молодых матросов, на баке никого из годков не было. Они спокойно закурили. Во время перекура взгляд Алексея упал на стоящую на крутом берегу беседку.

Солнце освещало ее так, что с корабля казалось, она окружена золотым ореолом. А внутри этого ореола выделялись два целующихся силуэта. Какая-то молодая пара пришла полюбоваться красотой бухты.

От лицемерия такой картины сердце у Алексея сжалось, голову пронзила страшная мысль: «А вдруг там Аня Молотова?»

И ему нестерпимо захотелось домой, проверить свою догадку. Он с грустью сказал:

– Эх, мужики, сейчас бы плюнуть на всю эту службу и махнуть домой, на гражданку.

– Куда махнуть? – изумился Игорь. – В Севастополе ты в форме и десять шагов не сделаешь. Тут кругом патрули. С «Котельникова» даже годки в увольнение не ходят. Бесполезно.

Те, кто пытался сходить в город, оказывались в лапах патруля однозначно. Патруль знал, к чему придраться. Вот и приходилось вместо увольнения строевыми в комендатуре заниматься, или на губе сидеть. Поэтому в город мало кто ходил. А тех, кто пытался сходить в увольнение, называли «камикадзами».

– А ты говоришь, на гражданку. Забудь о ней и не вспоминай. И с такими мыслями скорее в дисбате окажешься, чем на гражданке.

– Всё, ребята, пора сматываться. Годки идут, – прервал их Иван.

И действительно, по правому борту на бак шли три годка. Встреча с ними не входила в планы молодых

матросов, поэтому они быстро покинули бак по левому борту.

На шкафуте Леша и Иван попрощались с Игорем и пошли в кубрик. Осторожно, не привлекая внимания Радченко, они затихарились в углу кубрика. Полторашник лежал на люльке и сладко спал, поэтому появление духов прошло для них самих безболезненно. Леша и Иван сели на рундук и, прислонившись спинами к переборке, задремали. Это было очень опасно. За сон в дневное время духов обязательно бы строго наказали, но бороться со сном они уже не могли – усталость победила страх.

9

Выходные прошли для Лехи без приключений. Корабль отдыхал, духи и караси работали.

Новая неделя началась довольно необычно. В понедельник после построения в кубрик пришел зам командира БЧ-7 (радиометристов) мичман Козлов (однофамилец ст. лейтенанта Козлова) и сообщил Сергею Стицуруну, чтобы он готовился к посещению гауптвахты.

– Во вторник утром я имею честь лично отвезти вас, товарищ матрос, в пятизвездочный отель города-героя Севастополь для последующего отдыха от нелегкой корабельной жизни. За пять суток отдыха вы полностью перестанете мечтать о гражданке и займетесь службой, – сострил мичман. – Так что готовьте форму одежды, завтра в 8. 30 я жду вас у трапа. Ясно?

– Так точно, – ответил Сергей. – Товарищ мичман, разрешите вопрос задать.

– Задавайте.

– А девочки там будут? – спросил Стицурун мичмана.

– Когда я тебя туда отведу, девочки тебе уже не понадобятся. Там тебе будет не до девочек. Я лично об этом позабочусь, – ответил Козлов и удалился.

И вот наступил вторник. Сергей попрощался с товарищами и отправился на губу. Мичман, улыбаясь, стоял у трапа.

– Ну, пойдем, остряк. Посмотрим на тебя через пять суток, как ты тогда шутить будешь.

Они спустились с корабля и пошли в комендатуру.

Начальник гауптвахты капитан-лейтенант Мурыжный был очень нехорошим человеком. Можно даже сказать – редиска. Он ненавидел всех, кого сажали на губу. Мало того, что он ненавидел их, он также плохо относился к сопровождающим. Разницы между наказуемым и тем, кто приводил, каплей не видел. И те, и другие мешали ему разгадывать кроссворды и читать любимый журнал «Крокодил».

Поэтому, оглядев двух очередных нарушителей спокойствия, он злобно приказал Сергею:

– Покажи носки.

Сергей сделал шаг правой ногой и задрал штанину.

– Так, носки неуставные, – сделал заключение Мурыжный. – Берите документы – и назад на корабль, приводить форму в порядок. Завтра в это же время ко мне, – сказав это, Мурыжный протянул документы мичману.

Мичман возражать не стал. Он знал, что шутки с комендантом заканчивались довольно трагично. Поэтому, отдав честь, они с Сергеем покинули комендатуру.

На корабле Козлов отругал Стицурина за нарушение формы одежды, применив при этом весь свой запас ругательных слов. И приказал к следующему посещению гауптвахты одеться строго по уставу.

В среду утром, в назначенный срок они стояли перед

Мурыжным. Но комендант, к удивлению мичмана, не стал проверять носки. А взглянув на Сергея, спокойно сказал:

– Покажи трусы.

Сергей отстегнул две пуговицы штанов, которые у всех моряков расстегиваются сбоку, показал трусы.

– Да вы что, издеваться надо мной пришли, товарищ мичман?! – покраснев от злости, закричал каплей. – Вы чё это матроса на гауптвахту привели в неуставных трусах? А ну, оба бегом на корабль и привести форму одежды в порядок, мать вашу...

Тут Мурыжный не выдержал и дополнил свою речь целым комплектом морских выражений.

На корабль Козлов возвращался в очень нехорошем настроении. Он весь кипел от злости.

– Если ты, сукин сын, завтра на губу не попадешь, я тебя 31 июня домой отправлю. Ты у меня самый последний с корабля уйдешь и вспоминать будешь мичмана Козлова до самой смерти! – шипел он, потеряв от бешенства голос.

Утром третьего дня, перед очередным походом в комендатуру мичман лично проверил уставную форму у Стицурина. Трусы и носки строго соответствовали уставу, то есть были синими. Довольный собой, Козлов повел Сергея на губу, уже не сомневаясь в успехе этого мероприятия.

Но беда его была в том, что он недооценил коменданта. И когда Мурыжный увидел своих «знакомых», он встал, вытащил из ящика стола линейку и подошел к матросу. Линейкой каплей измерил расстояние от низа шинели до пола. Посмотрев на результат измерения, Мурыжный покраснел как кирпич и заорал на всю комендатуру:

– Почему длина шинели не соответствует уставу? Вы что, товарищ мичман, матроса не можете на гауптвахту привести? Или сами захотели к нам в камеру?

Я вам это мигом устрою! Завтра, если еще нарушение найду – матроса отправлю на корабль, а вас арестую. Может, это научит вас относиться более ответственно к несению службы! А теперь вон отсюда, идите и готовьте свою форму одежды тоже, а я вам пока камеру похолоднее подберу!

Последние слова полностью сломали Козлова. Всю дорогу на корабль он молча плелся за Стицуриным. Поднявшись на корабль, он, ничего не говоря, побрел в свою каюту.

Примерно через час вахтенный матрос, проходя мимо каюты Козлова, заметил, что дверь приоткрыта. Естественно, он туда заглянул.

На полу каюты лежал мичман. Сообразив, что случилось что-то страшное, матрос побежал к дежурному.

Скорая успела вовремя, мичман был еще жив. Его срочно увезли в госпиталь.

После этого случая больше на корабле его никто не видел. Потом кто-то сказал, что Козлова списали со службы по состоянию здоровья. Но об этом никто не сожалел. Слишком много он доставил неприятностей своим подчиненным, чтобы ему сочувствовали.

В связи с этим событием о Стицурине забыли. И через неделю включили в список демобилизации. Он и еще 14 «гражданских» благополучно сошли на берег под звуки марша «Прощание славянки».

На прощание Сергей пожелал Лехе не принимать все близко к сердцу и постараться продержаться до конца службы. Затем пожал руку сослуживцам, отдал, по вечной флотской традиции, честь кораблю и спустился по трапу на берег.

Первый раз Алексей увидел мужские слезы. «Гражданские», прощаясь с кораблем, плакали.

«Странно, – подумал Леха. – Почему они плачут? Покидая это адское место, надо радоваться, а не плакать.

Да разве может быть что-то лучше родного дома, тем более, это не больше, чем железный ящик, на котором тебя все время бьют и унижают. Нет, я уж точно плакать не буду. Было бы из-за чего плакать! Странные эти люди - «гражданские». Наверно, у них с мозгами что-то не так».

10

Прошел почти месяц пребывания Алексея на корабле. От мичмана Подплето не было ни слуху, ни духу. И Леша даже как-то стал свыкаться с мыслью, что останется на «Котельникове» до конца службы. Он потихоньку приспособился к особенностям корабельной жизни и был даже немного доволен ею, если бы не одно ЧП.

Однажды после обеда к ним в кубрик забежал матрос из соседнего кубрика и, тяжело дыша, закричал:

– Помогите, дух повесился!

Все, кто был в кубрике, бросились к выходу. Леша тоже побежал с ними.

Когда они подбежали к месту происшествия, повешенного уже сняли. Корабельный врач, стоя на коленях, делал ему искусственное дыхание. Леша протиснулся через толпу и посмотрел на матроса. На палубе лежал Игорь. Какое-то время Алексей стоял как оглушенный. Он перестал слышать и соображать. Вокруг все суетились, кричали, но Леша стоял как вкопанный, все время повторяя про себя: «Игорь, Игорь, зачем, зачем?»

Кровь бешено стучала в висках. Он даже не заметил, как на носилках Игоря унесли на причал. Пришел в

себя он только в кубрике.

Леша посмотрел на сидящего рядом с ним Ивана и произнес:

– Почему он это сделал?

Иван, опустив голову, молчал.

И тут Алексей увидел, что Ваня плачет. И у него вырвались слёзы, сердце схватила жгучая боль. Друг, с которым они так сошлись, решил покончить с собой. Почему не поделился с ними своими мыслями? Зачем так поступил?

Если б они знали, что он задумал, наверняка отговорили бы его от этого поступка. Мысль, что можно было спасти друга, но не удалось, еще больше заставляла их плакать.

Время на «Котельникове», казалось, остановилось. Матросы старались громко не разговаривать. Даже вахтенный, отбивая склянки, делал это как можно тише.

Вечером вернулся врач. По кораблю прошла новость, что Игорь еще живой, но не пришел в сознание. Эта новость немного успокоила друзей, хотя осадок от того, что произошло, остался.

Прошла неделя, но Игорь так и продолжал лежать в коме. На десятый день, не приходя в сознание, он умер. Служба для него закончилась, так толком и не успев начаться.

Кто-то потом говорил, что он дурак и слабак. Другие ругали его «маменькиным сыночком». А Алексей, когда слышал эти высказывания, с трудом сдерживал слезы и сжимал кулаки, говоря про себя: «Какая разница, кем он был, но был бы живым. Для своей матери он самый любимый и единственный сын, а теперь его нет. И в том, что Игоря не стало, виноваты вы, безмозглые бараны, с вашей проклятой годковщиной».

Ему было до боли жаль своего нового друга, но вернуть его он был не в силах. Недели две после смерти

Игоря Леша ходил сам не свой. У него была апатия ко всему. Единственное, о чем он думал, это поскорее попасть в эту самую эскадру. Хотя, узнав обстоятельства смерти Игоря, Леша немного изменил представление о будущем месте службы.

Дело в том, что Игорю здорово «помогли» в кубрике годки. Они, узнав, куда он попал служить, рассказали ему о чудовищной годковщине на «Волге». Они так напугали Игоря, что после этого разговора он решил расстаться с жизнью. Ему не было еще и двадцати лет!

11

Несмотря на несчастный случай, служба на «Котельникове» продолжалась. Погруженный в работу на корабле, Алексей стал понемногу забывать о погибшем друге. За день он так уставал, что как только ложился в кровать, моментально засыпал. У него даже не было времени написать письмо домой.

Днем кроме работы ему приходилось заниматься изучением корабля. Естественно, изучал он его не по своей инициативе, а под чутким руководством «годков».

Каждый молодой матрос, попав на корабль, должен в течение месяца полностью узнать корабль, до каждого шпангоута. А чтобы молодые быстрее запоминали все морские названия, для них придумывали всякие приколы.

Однажды после обеда в кубрике Радченко подозвал Лешу и сказал:

– Дух, возьми чайник в баке и сбегай на клотик, принеси мне кипятка. Хочу чайку попить. Даю тебе пять минут. Время пошло.

Это «время пошло» на корабле означало то же самое, что для спортсменов-бегунов выстрел из пистолета. Не прошло и минуты, как Леха уже стоял с чайником на

верхней палубе. Мимо него в это время проходил такой же, как он, молодой матрос.

– Ты не знаешь, где здесь клотик? – спросил его Алексей.

– Зачем тебе нужен клотик? – с недоумением спросил его моряк, глядя на чайник в руках Леша.

– Да кипятка для полторашника набрать надо.

– Там, – ответил он улыбаясь и показывая пальцем на конец самой высокой мачты. – Это прикол, там кипятка не было и никогда не будет, – уже с сочувствием сказал матрос и удалился.

Леша с опущенной головой, с чайником в руках спустился в кубрик.

– Ну что, тормоз, принес кипятка? – хохоча, спросил Радченко.

Алексей молчал.

– За то, что рассмешил меня, сегодня бить не буду. Ну, а если еще раз попадешься на прикол – ответишь по всей строгости военного положения, – то ли серьезно, то ли в шутку закончил «полторашник».

И Леха, конечно же, попадался. И так часто, что Радченко в конце концов устал его бить. Он стал называть Леху работой в гальюне.

И слово «гальюн» наш герой запомнил на всю жизнь.

Но методы обучения Радченко не прошли даром. Через три недели Леха уже очень хорошо ориентировался на корабле и выучил все морские названия. Постоянные удары в грудь и тяжелая работа заставили мозг Алексея работать быстрее. В конце концов полторашник понял, что дальше «прихватывать», то есть гонять, этого духа нет смысла, и принялся обучать других молодых матросов. Для Лехи на корабле настала более спокойная служба. Если, конечно, службу молодого матроса на корабле можно считать спокойной. Полтора года жизнь

у молодых очень тяжела и полна опасностей.

Как-то раз Леха познакомился с одним молодым матросом из кубрика мотористов. Звали нового знакомого Сулейман Сулейманов. Он был родом из Азербайджана. При разговоре с Алексеем он часто повторял, что к нему должен приехать брат.

Однажды Леха не вытерпел и спросил:

– Сулейман, твой брат младше тебя или старше?

– Старше, – ответил Сулейман.

– А сколько ему лет?

– Пятьдесят.

– ...?

– А маме сколько?

– Маме – восемьдесят.

– А сколько тогда отцу?

– Папе моему всего восемьдесят пять.

Леха остолбенел. Брат Сулеймана был старше матери Алексея.

Сулейман был очень веселым и добрым человеком. И Леша с ним быстро сдружился. Сулейман оказался единственным азербайджанцем на корабле, и годки дали ему кличку «Сулико».

Сулейман был родом с юга. И как у каждого нормального южанина, у него очень быстро росли борода и усы. А так как на корабле усы и бороду носить молодым запрещено, то ему приходилось бриться два раза в день. Однажды после обеда Леха и Сулейман зашли в умывальное помещение. Там над умывальниками висело маленькое полуразбитое зеркало. И Сулейман, увидев его, решил побриться. У Алексея усы почти не росли, а бороды не было даже в зародыше, поэтому он встал у самого крайнего умывальника, чтобы вымыть руки. Сулико тем временем намазком помазком лицо и достал из футляра станок для бритья. В это время в помещение спустились три здоровых годка. Увидев бреющего и улыбающегося

Сулеймана (а Сулейман всегда улыбался, когда брился), один из них заорал:

– Сулико, ты что это брешься возле моего зеркала?

Сулейман с недоумением повернулся к кричавшему. Но ответить не успел. Три сильных удара обрушились на его челюсть. Сулико согнулся от боли. Годок схватил его за рубу, оттащил к выходу и на прощанье дал пинка.

Желание умываться у Алексея моментально пропало. Чтобы не привлечь внимание годков, он осторожно вышел вдоль переборки. После этого случая Сулико больше никогда не брился в умывальном помещении. Он это делал в помещении для хранения орудий приборки. Он заходил туда в свободное время, доставал из кармана станок и «на сухую» брился. Было очень неприятно, но безопасно.

12

Прошло три месяца пребывания Алексея на «Котельникове», а от мичмана Подплето не было никаких известий. И Леха уже перестал верить, что когда-нибудь покинет этот корабль. Но как всегда бывает, то, чего мы меньше ожидаем, всегда случается.

То же произошло с нашим героем. В одно солнечное воскресенье его и Пэдуре вызвал дежурный по кораблю и сообщил, что завтра они отправятся к постоянному месту своей службы. Приказал собрать свои вещи, а утром в 8.00 быть готовыми к отправке.

В понедельник утром на корабль поднялся Подплето. Леха и Пэдурэ с аттестатами (вещмешками) стояли у трапа. Мичман поздоровался с ними и сказал:

- Ну что, моряки, не надоело на берегу сидеть?
- Надоело, товарищ мичман, – ответил Иван.

– Ну, раз так, то пойдём со мной к новому месту службы. Сейчас отведу вас на другой корабль, а завтра на нём выйдем в море. Даю вам десять минут, чтобы попрощаться с друзьями. Через десять минут встречаемся на этом же месте.

Леха пошел в кубрик к Сулейману. Сулейман сидел на рундуке и чистил годку пряжку. Увидев Леху, одетого в парадную форму одежды, он улыбнулся:

– Куда это ты собрался, неужели в увольнение?

– Нет, Сулейман, я в эскадру ухожу. Пришел попрощаться.

– Как попрощаться, совсем уходишь?

– Да, насовсем.

– Ай-ай-ай, такой хороший друг меня покидает, что я теперь один буду делать? Мне без тебя совсем плохо будет, – с грустью сказал Сулико.

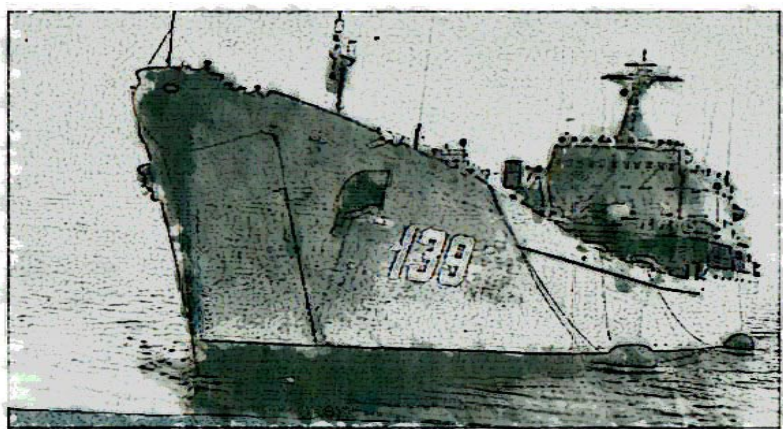
– Что сделаешь, служба есть служба. Но я тебе обещаю, как только прибуду в эскадру, сразу письмо напишу. А сейчас давай прощаться, может, больше никогда не увидимся.

Леха подошел к Сулейману, и они крепко обнялись. Прощавшись, Леха вышел из кубрика и пошел к трапу. Иван был уже там. Мичман, оглядев их, командовал:

– За мной шагом марш!

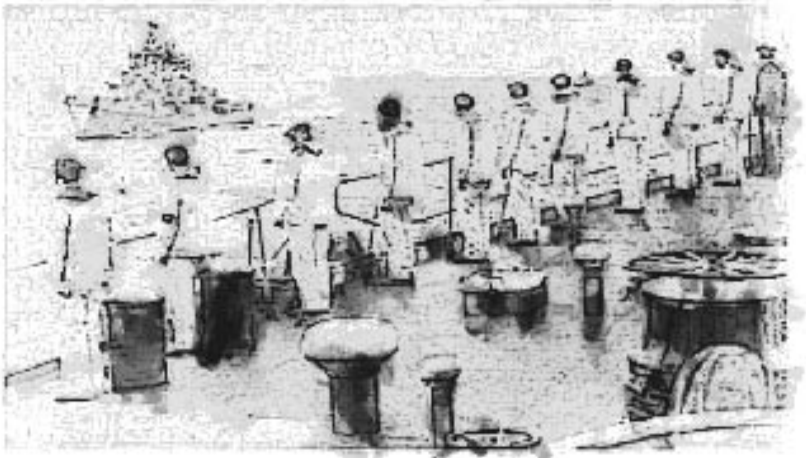
И первым стал спускаться с трапа. За ним пошел Иван. Алексей уходил с корабля последним. Отдавая честь кораблю, он повернулся и в последний раз посмотрел на «Котельников». У борта увидел Сулеймана. Тот стоял и махал Лехе рукой. Леша тоже помахал ему. Уже спускаясь с трапа, Алексей краем глаза взглянул на обрыв, где стояла беседка. Там никого не было.

– Нет, это была не Аня, – успокоил себя Леха и шагнул на причал.

Глава вторая Средиземное море

1

Я не позволю себя,
сорокалетнего мужика,
тереть головой об бак.
(мичман Бидяк)

Мичман привел моряков на другой корабль. Это был старенький сухогруз, ходивший под полувоенным флагом. Подчинился корабль военным, но служили на нем гражданские моряки. Подплето сдал документы на Леху и Ивана вахтенному (дежурному), а сам сошел на берег. Перед тем, как уйти, он объяснил матросам, что теперь они подчиняются вахтенному, а Подплето прибывает на корабль вечером.

Вахтенный попросил их следовать за ним. Они

спустились в большой трюм. Трюм был заполнен военными моряками, которые отдыхали на матрасах. Вахтенный показал Лехе и Ивану на два матраса в углу трюма и с улыбкой сказал:

– Это ваша каюта на время перехода. Завтрак, обед, ужин - по команде. Камбуз находится на верхней палубе. Будут вопросы – обращайтесь ко мне. Меня зовут Андреем. Я дежурю до утра. Счастливо оставаться!

И ушел, оставив молодых матросов одних. Леша сел на матрас и осмотрелся. Рядом с ними были не только молодые, но и старослужащие. Леху охватило беспокойство.

«А вдруг тут будет то же самое, что и на «Котельникове»? – подумал он. – Так же будут бить и унижать?»

Но на них никто не обращал внимания. Кто-то читал, кто-то спал, другие просто лежали и смотрели в потолок. И Леша понял, что никому нет дела до двух вновь прибывших духов. Осмелев, он предложил Ивану прогуляться по кораблю. Иван охотно согласился, и они направились на верхнюю палубу.

Они вышли на шкафут и закурили. Там кроме них было еще несколько моряков. В процессе разговора с ними Алексей с Иваном узнали, что завтра рано утром корабль выйдет в море. Но прежде чем попасть в Средиземное море, они пройдут проливы Босфор и Дарданеллы.

А после проливов корабль направится в Сирийский порт Латакия. Там сейчас стоит на рейде флагман эскадры КРУ (крейсер управления) «Жданов». Куда, собственно, и должны прибыть Леша с Иваном.

Узнав об этом, молодые матросы чуть было не запрыгали от радости. Они первый раз в жизни увидят за границу. Да еще какую – Турцию и Сирию. Про эти страны даже Леша слышал, когда смотрел у соседей по телевизору (у Алексея его не было) программу «Время». Там эти

страны упоминали довольно часто, он и запомнил их названия. После перекура Леха с Иваном в приподнятом настроении спустились в трюм. С трудом найдя свои матрасы, они плюхнулись на них и погрузились в раздумья.

Алексей представлял себе, как он рассказывает друзьям о Сирии и Турции. А они, открыв рты, слушают его, не перебивая.

Иван в мыслях сидел за столом в своем доме и рассказывал гостям, какое вкусное вино в этих странах.

Но, к сожалению, усталость взяла верх и, в конце концов, ребята заснули. Они так крепко спали, что пропустили обед и проснулись только перед самым ужином.

После ужина к ним в трюм спустился Подплето посмотреть, как устроились его подчиненные. Осмотрев место дислокации моряков, произнес:

– Ну, ничего, в тесноте, да не в обиде. Придется несколько дней потерпеть.

– Потерпим, товарищ мичман, – ответили моряки.

– Если у Вас возникнут вопросы, то приходите ко мне в каюту. Она находится в надстройке, номер 37. Найдете или показать?

– Найдем, – ответил Иван. – А если что – спросим у вахтенного.

– Молодцы! Завтра мы выйдем в море, и я хочу попросить вас во время перехода каждое утро после завтрака отмечаться у меня в каюте. Договорились?

– Так точно, товарищ мичман, – ответили моряки.

– Отлично! Теперь отдыхайте, по кораблю не болтайте, чтобы не мешать погрузке! А завтра утром жду у себя, – дал указания Подплето и направился к выходу.

Вечером, после отбоя, Леша долго не мог заснуть. Он очень переживал. Алексей никогда в жизни не выходил в открытое море. Но слышал, что там люди болеют

морской болезнью. Что такое морская болезнь, Леха, естественно, не знал, но заразиться боялся. А вдруг она неизлечима, и он умрет, так и не добравшись до эскадры? Эти страшные мысли не давали ему заснуть. Он долго ворочался с бока на бок, пока, наконец, размышления не перешли в глубокий сон.

2

Леха проснулся рано утром. Палуба вибрировала под ним, а в трюме раздавался непонятный гул. Сквозь шум очень отчетливо из трансляции доносилась песня Юрия Антонова «Море, море – мир бездонный». Леха разбудил Ивана и спросил его:

– Что это за гул такой?

– Не знаю, – протирая глаза, ответил Пэдуре. Но сидевший рядом с ними матрос, услышав их разговор, сказал:

– В море вышли, а это машина так громко работает.

– В море? – не скрывая удивления, воскликнул Алексей.

– Иван, пошли скорее на шкафут, посмотрим.

– Пошли, – воскликнул Иван и стал одеваться.

Они выбежали на шкафут. У борта стояла толпа зевак, состоявшая из таких же молодых матросов. Друзья протиснулись между ними, чтобы посмотреть на море.

Леха никогда не был в открытом море и представлял, что волны там огромного размера. А корабль будет качать так сильно, что трудно будет устоять на ногах. Да и еще эта неизвестная морская болезнь.

Но, взглянув на гладкое море и не ощутив ни малейшей качки, Леха очень удивился.

– Оказывается, не так страшен черт, как о нем говорят, – сказал вслух Алексей.

– В смысле?– спросил Иван.

– Я думал, что корабль будет сильно качать в море, а оказалось совсем не так.

– Если честно, я тоже боялся открытого моря, но только тебе не говорил и всю ночь почти не спал, – признался Иван и зарделся. Признание рассмешило друзей, и они засмеялись.

И это веселое настроение не покидало их весь день. Погода была отличная, Леха с Иваном все время находились на верхней палубе, любуясь морским пейзажем. Они радовались всему: пролетавшей чайке, кораблю, проходившему мимо – все это было впервые в их жизни. Таких новых ощущений они не испытывали уже давно. Поэтому, едва пообедав, снова бежали на шкафут. Так прошел весь первый день молодых моряков. К вечеру они усталые спустились в трюм, расстелили матрасы и мгновенно заснули. Не только сильная усталость заставила их уснуть, но еще новость о том, что утром они будут проходить проливы и, если повезет, своими глазами увидят турецкий берег. А чтобы ускорить встречу с Турцией, ребята старались побыстрее заснуть. В конце концов им это удалось.

3

Наконец наступило долгожданное утро. В трюм ворвалась песня Аллы Пугачевой «Миллион алых роз». Она раздавалась из «трансляшки» так громко, что разбудила всех спящих. Проснувшись, Алексей понял, чем отличается гражданский корабль от военного. На военном корабле каждое утро играют одну и ту же песню, а на гражданском новое утро начинается с новой. Это открытие подняло ему настроение, и он с гордостью поделился им с Иваном.

На что Иван пробурчал что-то непонятное на своем родном языке. Затем после небольшой паузы сказал Лехе:

– Пошли завтракать.

От завтрака Леха отказываться не собирался, поэтому с радостью принял предложение друга.

После завтрака друзья пошли отмечаться у мичмана Подплето. Когда они зашли в каюту, мичман сидел за столом и читал. Оглядев моряков, он похвалил их за дисциплинированность. Потом дал указания, чтобы во время прохода проливов они находились на надстройке (верхняя палуба) и никуда больше не отлучались. А главное: не бросали в воду посторонние предметы и не пользовались туалетом – это запрещено.

Услышав от моряков его любимое “Так точно”, он отпустил их. Едва Леха с Иваном ушли, мичман взял в руки книгу (это был устав) и задремал. Когда Подплето хотел заснуть, он всегда читал устав. За все свои годы, проведенные на флоте, у него не было лучшего снотворного, чем Военно-Морской Устав.

Пока мичман наслаждался сном, Алексей с Иваном с нетерпением ждали встречи с Турцией. Они провели на верхней палубе все утро, стараясь не пропустить появление турецкого берега. Терпение их было вознаграждено. Около двенадцати часов дня Алексей первый увидел, как сквозь дымку на горизонте показалась едва заметная черная полоска.

– Смотри, Иван, что там? – обратился он к другу.

– Я думаю, это земля! – не скрывая радости, ответил Иван. – Точно, Турция!

– Ух, ты! Как в сказке! – восторженно крикнул Леха, не обращая внимания на рядом стоящих моряков. Удивлению его не было предела.

Но наш герой не учел тот факт, что рядом с ним стояли

не простые моряки, а годки. А годки – они и в Северной Африке годки. Поэтому, после недолгого визуального осмотра одним из них Лехи и Ивана, матрос подошел к морякам и спросил:

– Караси, вы первый раз в море?

– Да! – ответили друзья.

– А вы разве не знаете, что у каждого моряка в море должен быть свой спасательный жилет?

– Нет, не знаем.

– И вам их никто не выдал?

– Нет, – ответил Леша.

– А если корабль перевернется, что будете делать?

И не дожидаясь ответа, продолжил:

– У меня есть в запасе два жилета, я их вам подарю.

Пойдем со мной.

Леха с Иваном двинулись за ним. Вслед, улыбаясь, двинулись и все остальные годки.

Годок долго водил молодых по кораблю, пока, наконец, не завел в какое-то темное помещение с открытым иллюминатором. У переборки Леша заметил ведро с привязанной к нему веревкой. И тут молодые почувствовали что-то неладное, потому что следовавшие за ними матросы встали возле входа и закрыли его собой.

Лешу мгновенно охватило чувство беспокойства. То беспокойство, которое он постоянно испытывал на «Котельникове».

Тем временем годок, который их привел, взял в руки веревку с ведром, повернулся к духам и сказал:

– Я хочу вас поздравить с первым выходом в море! А чтобы вы почувствовали себя настоящими моряками, у нас на флоте есть традиция. Каждый моряк, впервые вышедший в море, должен выпить плафон морской воды. Но предупреждаю, что выпить его надо, не отрываясь губами от него и не разлив ни капли. Если нарушите эти

правила, будете пить еще один.

После этих слов он взял ведро и, держа за конец веревки рукой, кинул его в открытый иллюминатор, потом вытащил, наполненное морской водой. Другой матрос моментально достал откуда-то плафон и протянул к годку. Тот наполнил его до краев и передал Лехе. Алексей с ужасом посмотрел на сосуд с морской водой. Он тянул примерно литра на два. Столько воды Леха ни разу не пил, тем более соленой. Но отказать сейчас не смог. Не рискнул.

Поэтому послушно взял емкость в руки и поднес к губам.

– Мамочка, родная, помоги мне, – прошептал Леха...

Первые несколько глотков прошли хорошо. Но затем стало нестерпимо тошнить. У него было одно желание - выбросить этот противный плафон вместе с водой к чертовой матери. Но страх, что придется еще раз пить эту гадость, удержал его от этого «смертельного» шага. И он все-таки выпил его до дна, не разлив ни капли. И даже услышал восторженные поздравления годков.

Затем настала очередь Ивана. Он взял плафон и стал пить. Ему оставалась пара глотков, когда из плафона на палубу упало несколько капель. И, естественно, годки этого не могли не заметить. Тут же был налит второй плафон, и годок с радостью преподнес его Пэдуре. Ивану пришлось снова пить. Он сделал это с большим трудом, и во второй раз на палубу не пролилось ни одной капли.

Годок, который привел их, подошел к ним, похлопал обоих по плечу и сказал:

– С этого дня вы стали настоящими мореманами, то есть моряками. Поздравляю!

И пожал им руку. Затем то же самое проделали остальные моряки. После поздравления годки направились к выходу.

Леха с Иваном остались одни. Животы у них вздулись, а от вкуса морской воды тошнило. Единственное, что заставляло их удержаться от рвоты, это гордость за себя – они стали настоящими моряками.

Правда, вскоре Иван об этом забыл, все-таки два плафона морской воды не смогли спокойно находиться в его натренированном вином желудке. Через пару минут после ухода годков он подбежал к иллюминатору и его вытошнило. Но гордость осталась.

Придя немного в себя, ребята вспомнили, что впереди их ждет встреча с иностранным берегом. Они поднялись на шкафут. Там уже шло приготовление к проходу проливов. Все корабельные матросы были одеты в спасательные жилеты. Боцман как всегда, орал на них. Была обычная рабочая атмосфера на корабле.

И тут к Ивану с Лехой подошел Подплето.

– Что вы тут делаете? Я же говорил не шляться во время прохода проливов! А ну марш на надстройку, и чтоб оттуда никуда, пока в Средиземку не войдем! Ясно?

– Так точно, ясно, товарищ мичман! – ответил за всех Иван.

– А ты молодец, понимаешь службу, – улыбаясь, похвалил его Подплето.

Когда матросы поднялись на надстройку, там было уже много народу. В основном это были молодые матросы, которые, как и Леха с Иваном, направлялись на свои корабли, к месту службы. Ну и для поддержания дисциплины находилось несколько офицеров и мичманов.

Иван и Леха встали вдоль леера (поручень). Первое, что они увидели – это большой скалистый берег, который по мере приближения к нему корабля

становился все больше и красивей. Потом появились первые турецкие дома, расположенные на склоне скал. Удивлению Алексея не было предела. Вот тут, рядом с ним, настоящая заграница, о которой он совсем недавно еще слышал по радио и которую видел по телевизору. А теперь это все в каком-то километре от него. Такое не приснится даже во сне. Корабль медленно входил в пролив, а Лехе казалось, что он парит над водой, как птица. Потому что туда, где сейчас он находился, могли долететь только птицы. Напрасно Алексей щипал себя, чтобы проснуться – это был не сон, это была реальность. Удивительно счастливая реальность, которая выпадает не всем. Чем заслужил Алексей эту награду от жизни, он не мог никак понять. Глядя на Босфор, на турков, проплывающих мимо них на маленьких лодках, Леша полностью забыл, где находится, и зачем он здесь. Ради таких счастливых минут он готов был вынести любые унижения, страдания и физическую боль. Его больше не мучило от морской воды – он был счастлив. И если бы не было рядом офицеров, Алексей обязательно бы закричал на весь Босфор: «Люди, я счастлив!»

Но рядом находились строгие надзиратели, которые не хотели рисковать своими погонями и карьерой. Поэтому они внимательно наблюдали за находящимся на надстройке морским составом. У одного из них Леша даже заметил кобуру на поясе. Это как-то немного охладило его радость.

«Интересно, – подумал он про себя, – если бы сейчас прыгнуть в пролив, успеет офицер его застрелить, или нет?»

После минутных раздумий, Леша пришел к выводу, что успеет. Поэтому мысль о прыжке моментально пропала, и он обратил свой взор к пейзажу. А там было, на что посмотреть. Их корабль проходил под огромным мостом. Рядом стоящий мичман громко

сказал:

– Этот мост соединяет Европу с Азией.

Хотя Алексей не умел делить и умножать, он не был абсолютно тупым человеком. Поэтому, что такое Европа и Азия, примерно знал. Слава Богу, мичман показал пальцем на правый берег и сказал:

– Там Европа.

Где находится Азия, Леха догадался. Как только их корабль прошел мост, вдруг откуда-то появился большой красивый катер. Он приблизился к кораблю и стал двигаться параллельно с ним. На катере находилось два человека: рулевой и фотограф.

Рулевой вел катер, а фотограф фотографировал корабль.

– Зачем он это делает? – спросил Леха все того же мичмана.

– Это катер-шпион. Он нас фотографирует, чтобы найти нарушения прохождения проливов. Если замет, что мы выбрасываем отходы с корабля, пользуемся гальюном или без якоря проходим, то Турция оштрафует нашу страну. Есть специальная инструкция для прохода проливов, кто ее нарушает, того и штрафуют. А так как мы социалистическая страна, то к нам подход особый. Нас стараются почаще штрафовать. У них капитализм загнивающий, а у нас социализм расцветающий, вот им и завидно, что мы лучше живем. Зависть, матрос, очень плохая штука. Тем более – капиталистическая зависть. Это еще Владимир Ильич говорил на съезде народных депутатов.

И мичмана понесло. Он еще долго рассказывал Алексею про работы Владимира Ильича Ленина. Леха, в конце концов, стал жалеть, что вообще задал этот вопрос, потому что, слушая рассказ мичмана о мировой революции, он пропустил много интересного в проплывающей мимо стране загнивающего ка-

Босфор они прошли довольно быстро, было так интересно, что время летело с бешеной скоростью. И моряки не заметили, как уже оказались в другом проливе.

После того, что Алексей увидел, проходя Босфор, новый пролив не произвел на него большого впечатления. Нет, там тоже было интересно, но уже не так, как в Стамбуле.

Дарданеллы оказались намного шире, и достопримечательности его не были видны невооруженным глазом. Единственное, что запомнилось – это выложенный из белого камня на склоне прибрежной горы силуэт человека с ружьем и надписью “DUR YOLCU”.

Пройдя проливы, корабль вышел в Эгейское море. Вся команда, и в том числе наши герои, пошли обедать. После обеда Алексей с Иваном отправились на шкафут перекурить. Однако перекур у них затянулся на длительное время. Оказалось, что и в открытом море было много интересного. Алексей заметил каких-то огромных рыб возле корабля. Эти рыбы были большого размера и почему-то плыли вдоль борта и старались выпрыгнуть из воды. Причем плыли они с такой же скоростью, как и корабль, не обгоняя его и не отставая.

– Что это за рыбы? – спросил Леша.

– Дельфины, – ответил Иван.

– Это очень хорошие рыбы, они спасают людей. Вот и сейчас нас провожают и смотрят, чтобы с нами нечего не случилось.

– Какие добрые рыбы. Они даже не знают, какие мы, а готовы спасти. Вот бы люди стали такими же. Ан нет, человек, наоборот, старается сделать больно

другому. Странное это существо – человек, какая-то ошибка природы. Лучше бы я родился дельфином, – зафилософствовал Леха.

Но тут же вспомнил, что если он будет рыбой, ему придется выпивать тонны морской воды. А так как вкус этой водички вызывал у него тошноту, то мысль стать дельфином мгновенно отпала.

Тем временем дельфины, убедившись, что с людьми все в порядке и никакой помощи от них не требуется, развернулись и, на прощанье еще раз выпрыгнув из воды, скрылись в морской пучине.

Друзья долго стояли на шкафуте, наблюдая за поверхностью моря. Надеясь, что они еще появятся. Но дельфины так больше не появились.

6

Но вот на горизонте показался скалистый остров. Стоявшие рядом с Алексеем моряки громко заговорили. Из их разговора Леха отчетливо услышал:

– Это Лесбос! Смотрите, остров Лесбос. Остров проституток.

И после этих фраз на шкафуте раздался настоящий морской хохот.

Эти два слова: «Лесбос» и «проститутки» очень заинтересовали нашего героя, и он спросил Ивана, что означают эти слова.

– Я, – ответил Пэдуре, – Читал, что в очень далекие времена были такие женщины, которые продавали свое тело мужчинам за деньги. Их за это называли проститутками. Но вот одному правильному царю это надоело, и он приказал всех этих женщин выслать на необитаемый остров. А так как на острове мужчин не было, то они стали спать друг с другом, то есть женщина с женщиной. Остров, на который их выслали, назывался

Лесбос, поэтому женщин, которые занимались сексом с женщинами, прозвали лесбиянками. Вот этот остров мы как раз и проходим.

– А там сейчас эти, как его, «бианки», живут? – спросил Леха.

– Да нет, это было давно, а может, и вообще не было, такая легенда существует.

– А у тебя, Иван, был секс с женщиной? Это как? У меня ни разу с женщинами ничего не было.

– Был, конечно, и не один раз. Лучшего ощущения никогда не испытывал. А у тебя все впереди. Приедем ко мне домой, я тебя с одной девушкой познакомлю, она тебя всему научит. К ней весь поселок на учебу ходит, и она никому не отказывает, даже денег не берет. Вина бутылку берешь - и вперед. Недельку к ней походишь - и специалистом в области секса станешь. Нам бы только этот ад морской пройти, а там я тебе молдавский рай обещаю. Только бы этот дурдом выдержать, не сломаться, как Игорь.

– Выдержим! – сжав кулаки, сквозь зубы сказал Леха.

– Обязательно выдержим! Иначе и быть не может! – сказал Иван и крепко за плечи обнял Лешу.

– Давай дадим клятву, что будем помогать друг другу в трудные минуты. И что бы ни случилось, никогда не предадим друга.

И они поклялись. И клятву эту не нарушили даже после службы. А пока впереди их ждала неизвестность с очень загадочным названием «Средиземноморская эскадра».

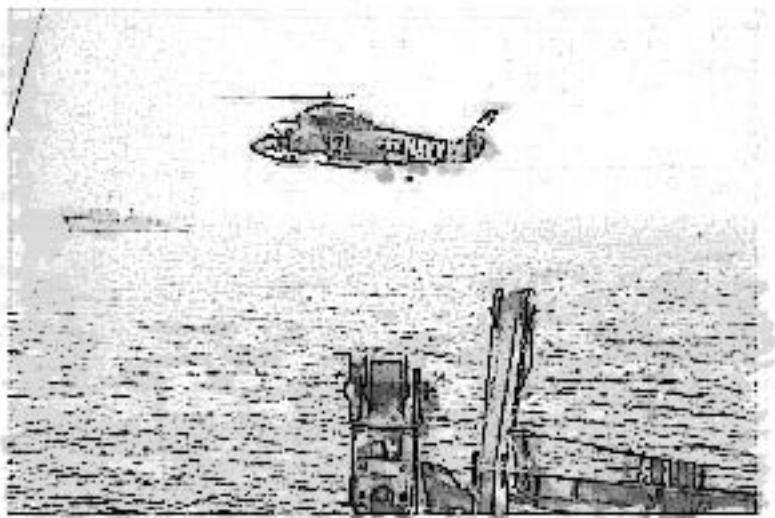
Посмотрев сказочно красивый закат на Эгейском море, друзья пошли спать. Завтра им предстоял тяжелый день. Утром корабль должен прийти в сирийский порт Латакия.

Это означало, что прогулка на полувоенном корабле

закончится, и настанет настоящая воинская служба. Впечатления от проливов и свежий морской воздух сделали свое дело – моряки едва легли на матрасы, как мгновенно заснули. А корабль тем временем, включив сигнальные огни, взял курс на Сирию.

Глава 3 Крейсер «Жданов»

1

Матрос должен быть
жирным и тупым.
(Старший лейтенант Морщавка)

Наступило утро. Когда ребята проснулись, они заметили, что палуба не вибрирует, как обычно, в трюме была тишина.

– Что-то не так, – первым нарушил молчание Иван.

– Пойдем наверх, посмотрим, – предложил Алексей. И они поднялись на верхнюю палубу. Там Леха с Иваном увидели, что корабль стоит на месте. Сначала они подумали, что уже пришли в Латакию и стоят в порту. Но, обойдя весь корабль по борту, не увидели

вокруг никакого напоминания о берегу. Вокруг была одна вода.

У проходящего мимо корабельного моряка Иван спросил:

– В чем дело, почему стоим?

– Ждем разрешения от Сирии на вход в территориальные воды. Как только получим добро, снова пойдём, – ответил моряк.

– А долго этого разрешения ждать? – спросил Алексей.

– Когда как, может час, а иногда и побольше.

Но долго ждать нашим друзьям не пришлось. Примерно через полчаса двигатели заработали, и корабль вошел в территориальные воды Сирийской Арабской Республики.

Веселые дни для Алексея и Ивана закончились. Впереди их ждали тяжелые будни военно-морской службы. В подавленном настроении моряки спустились в трюм. Там их уже ждал мичман Подплето.

– Так, матросы, собирайте аттестаты (вещмешки) и через час жду вас в своей каюте, – приказал мичман и направился к выходу.

Ребята выполнили приказания и в назначенный срок были у каюты Подплето. Иван постучал в дверь.

– Да, заходите, – раздался голос мичмана. Они вошли внутрь. Мичман сидел на диване и закрывал чемодан. Чемодан закрываться не хотел. Молния на нем все время раскрывалась. Первым сообразил Иван, он подошел к мичману и сказал:

– Товарищ мичман, разрешите помочь.

И, не дожидаясь положительного ответа, помог ему застегнуть чемодан.

Мичман, улыбаясь, похвалил Ивана:

– Ну, молодец, Пэдуре. Таким как ты, я думаю, к службе долго привыкать не придется.

Потом перевел взгляд на Лешу и добавил:

– Вот, Переверзнев, тебе надо брать пример с друга. Такие матросы, как он – это будущая гордость нашего Военно-морского флота, мотай на ус.

Леха немного обрадовался за друга, но не понял, что ему мотать и тем более на ус. Усов-то у Алексея и в помине не было. Поэтому ему ничего не оставалось, как ответить:

– Так точно, товарищ мичман.

Подплето, не обращая внимания на ответ, сказал:

– Все, пора идти на пересадку. Вперед к трапу шагом марш!

Иван и Алексей вышли из каюты.

2

Когда они пришли к трапу, там уже стоял баркас. Подплето с матросами спустились в него, затем к ним присоединилось еще несколько моряков и офицеров. Баркас отошел от корабля и направился в сторону стоявшего на рейде крейсера «Жданов». Леша последний раз посмотрел на корабль, который открыл для него столько интересного и необыкновенного в его жизни. Мысленно попрощался с ним и пожелал ему счастливого плавания. Потом перевел взгляд на крейсер «Жданов». Приближаясь к крейсеру, Леша с большей силой стал чувствовать волнение и беспокойство.

«Жданов» оказался не таким уж маленьким, как казался издали. Это был огромный крейсер, такой большой, каких Алексей никогда не видел. По размерам он превышал в два раза «Виктор Котельников». Крейсер излучал какую-то непонятную энергию, которая заставляла человека, впервые увидевшего его, дрожать. Да - да, именно дрожать. Было в нем что-то угрожающее и

пугающее. А шаровая окраска корабля как бы придавала ему какую-то таинственность. Казалось, что это был не корабль, а самая настоящая крепость на воде. И когда баркас пришвартовался к трапу крейсера, Леха поник головой. Страх перед кораблем сломал его окончательно. Тело и язык Алексея были парализованы. И не только Алексея, а также и Ивана. Потому что Иван стоял возле Лехи с открытым ртом.

Из этого состояния им помог выйти крик мичмана Подплето:

– На крейсер, марш!

Моряки моментально пришли в себя и, схватив аттестаты, стали подниматься по трапу. На верхней палубе крейсера Подплето приказал Леше с Иваном следовать за ним. Пройдя по левому борту несколько метров, они поднялись по трапу и остановились возле открытой двери. Навстречу из помещения к ним вышел матрос. На вид он был небольшого роста, крепкого телосложения, но самое главное, что запомнил Леха, это то, что он был конопатый, и у него были большие черные усы. Моряк подошел к мичману и сказал:

– С прибытием, товарищ мичман. Как отдохнули от нас?

– Спасибо. Хорошо отдохнул. Вот вам молодое пополнение привез. Прошу любить и жаловать: матрос Переверзнев и матрос Пэдуре, – ответил мичман и показал рукой на Леху и Ивана.

– Ты их, Сергей, отведи в кубрик и обеспечь всем необходимым. А я пока пойду – отнесу свои вещи, потом к вам зайду. Они будут у нас, в группе ПВО.

– Хорошо, товарищ мичман. За них не волнуйтесь, примем, обогреем и спать уложим.

– Греть их не надо, здесь и так слишком тепло, а вот покормить не забудь.

– Будет сделано, товарищ мичман, – сказал матрос

и отдал мичману честь.

Подплето похлопал Сергея по плечу и сказал:

– Давай, Холба, займись ими сам – это твоя смена будет. Чем быстрее выучишь их, тем лучше для тебя.

После того как мичман ушел, матрос повернулся к молодым матросам и произнес:

– Ну, пошли знакомиться.

Он первым вошел в помещение, Леха с другом последовали за ним. Пройдя несколько метров по коридору, они свернули направо и оказались в небольшом кубрике. Кубрик на «Жданове» очень отличался от кубрика на «Котельникове» своим размером. Он был раза в три меньше. В нем вмещалось всего десять коек.

Когда моряки зашли внутрь, Холба объявил по кубрику, что пришли духи.

Жители кубрика стали медленно сползать с коек. Через некоторое время на Лешу с Иваном посыпались вопросы. Вопросы не отличались своей оригинальностью. В основном спрашивали, как звать и откуда родом. Но, к разочарованию наших героев, земляков в кубрике у них не оказалось. Весь день молодые отвечали на вопросы. К ним приходили моряки из соседних кубриков и тоже расспрашивали их.

Немного освоившись на новом месте, Леха с Иваном тоже стали задавать им вопросы об эскадре и о службе. И они узнали много интересного. Штаб Средиземноморской эскадры состоял примерно из ста человек, половина - офицерский состав, а остальные - срочники (матросы срочной службы). В составе эскадры было пять групп: группы ПВО, Управления, ГМС (гидрометеослужба), Связи и Осназ (разведки).

ПВО занималась воздушным пространством по всей Средиземке; ГМС отвечала за погоду, Управление – это печатники, секретчик и чертежник карт; чем занималась связь и Осназ – нетрудно догадаться. Еще молодые

узнали, что если они будут служить без замечаний, то обязательно получают два отпуска на Родину – здесь было так принято. Единственная группа, в которой почти не давали отпуск - это группа связи. У них был начальник – капитан второго ранга Сушко. Для него матрос был не человек, а средство для повышения своей карьеры. Служба у них была тяжелейшая, они стояли на вахте шесть часов через шесть, и так три года, находясь в открытом море. А в те шесть часов, когда им надо было отдыхать, Сушко делал построения и орал на них. Он по жизни был недоволен своей командой. Этим ребятам можно было только посочувствовать. К концу службы от постоянного недосыпания у многих «съезжала крыша».

В группе ОСНАЗ или Разведке была очень страшная годковщина. Страшнее, чем на «Котельникове». Но эта группа была не постоянно в эскадре. Побыв в море полгода, они уходили в Севастополь на базу, а на корабль приходила замена.

Их даже штабная команда за своих не считала, хотя отношения между моряками были хорошие.

Группа ПВО оказалась самой нормальной группой. И начальник в ней по рассказам был неплохой, да и моряки, по первому представлению, Алексею понравились. Они были спокойнее и радужнее, чем на «Котельникове».

Первый день на крейсере прошел для друзей незаметно и спокойно. Когда Алексей засыпал, он не испытывал ни малейшего волнения и страха; команда, с которой предстояло служить, очень понравилась. По крайней мере, это было его первое впечатление.

3

Но первое впечатление оказалось обманчивым. В очередной раз Алексей убедился, что на корабле легкой службы не бывает. Уже на следующий день годки группы ПВО объявили молодым, что через месяц они должны

стоять на вахте. Для этого было необходимо сдать им экзамен. А чтобы это сделать, им надо совсем немного. Это выучить наизусть обязанности, знать название и вооружение всех советских кораблей, запомнить тактико-технические данные всех самолетов капиталистических стран, уметь кодировать сетку ПВО. Запомнить наизусть около ста ВЗД (воздушное донесение – набор трехзначных цифр, обозначающих какое - либо название или действие), ВЗД передается радистом для оповещения всех кораблей в Средиземке. Кроме всего этого – уметь быстро определять скорость летящего самолета и его тип. Все это для Алексея с его багажом знаний и слабой памятью казалось невыполнимой задачей. Поэтому через пару дней своего пребывания на «Жданове» наш друг совсем приуныл. И если бы в группе ПВО не оказалось еще одного молодого матроса, на которого выпала такая же доля, что на Ивана с Алексеем, наш друг наверняка бы не выдержал такой нагрузки на свою голову. Потому что если Леха что-то не запоминал, вечером Холба напоминал ему сильным фофаном.

Но, кроме Лехи и Ивана, в группе ПВО оказался еще один такой же дух. Звали его Ганс. Никто даже толком не знал его настоящего имени. Он был единственным моряком в эскадре родом из Латвийской ССР. А так как в советское время на флоте тех, кто из Латвии, считали немцами - его прозвали Гансом. Вначале он сопротивлялся этому прозвищу и объяснял годкам, что он не латыш и не немец, а по паспорту русский. На что годки коротко ответили:

– Ганс, бьют не по паспорту, а по морде. Понял?

И он сразу же понял, что сопротивление бессмысленно, и смирился со своей кличкой, более того, она ему стала нравиться. Так он и стал для всех моряков штаба эскадры Гансом. Только мичмана и офицеры штаба называли его по фамилии – Аболтыньш.

Лехе Ганс понравился, он был веселым человеком, несмотря на то, что ему очень доставалось от годков. Вернее, от одного годка. Холба Ганса ненавидел. Он прихватывал его, где только мог: заставлял искать сигареты, каждый вечер проверял его знания. И если Ганс ошибался (из-за волнения) в ответе, Холба с огромным удовольствием отпускал ему грехи в виде сильного фохана или удара в грудь. Другие годки относились к молодым неплохо, по крайней мере, просто так их не гоняли, а вот Холба - это было что-то похожее на Радченко.

В общем, Ганс был спасением Алексея: если бы не он, Лехе бы достались все фоханы от Холбы, а так они их поделили с Гансом пополам. Пополам, потому что Ивана никто не бил. Ивану повезло больше всех, он умел играть на гитаре. Поэтому, когда всех учили уму-разуму, он в это время по просьбе других годков пел песни под гитару. Особенно его любил слушать Сергей Холба, а что любил Холба, приходилось любить всем в кубрике. Сергей у них был единственным, кому оставалось служить меньше полугода.

Был в группе еще один молодой матрос – Сергей Буцулько. Он был радистом в группе ПВО. Но его почти никто не прихватывал. Сергей был радистом и на вахту встал сразу, поэтому учиться ему не надо было. Бывало, правда, и его Холба иногда «наградит» фоханом, но это было редко и только тогда, когда в кубрике не было Лехи и Ганса.

Всего в группе вместе с молодыми матросами было 10 человек. Кроме Переверзнева, Буцулько, Пэдуре, Ганса и Холбы было еще 3 подгодка (отслужили 2 года): Александр Ашихмин, Сергей Федоров, Андрей Бойко и 2 полторашника (отслужили 1,5 года): Евгений Кубай, Андрей Михайлов. Кроме этого, в состав группы ПВО входили еще два мичмана: Подплето и Бидяк, а также

два офицера: капитан первого ранга Левченко и капитан второго ранга Смертинюк. Это была флагманская команда, которая отвечала за всю воздушную обстановку в Средиземке. В Средиземном море находилось множество советских кораблей, разбросанных по разным точкам (место в нейтральных водах, где постоянно дежурят корабли), и все они подчинялись штабу эскадры. Задачей группы ПВО была контролировать несение дежурства ПВО всех этих кораблей. Но самое главное, чтобы во время несения дежурства не пропустить в точку незамеченный иностранный самолет. Каждому кораблю по окончании боевой службы (служба в море) ставилась оценка, и эта оценка напрямую зависела от этой группы. Во время несения вахты матрос штаба эскадры мог спокойно отчитать любого офицера из стоящего рядом в точке корабля. При этом офицер даже не догадывался, кто его ругает. Для сообщения между кораблями существовала связь УКВ. А чтобы запутать капиталистов, у каждого корабля был позывной. У флагмана позывной был постоянный – «Мустанг».

Чтобы руководить действиями кораблей в точке, моряк группы ПВО должен был быть хорошо обучен. И если молодой матрос не смог своевременно встать на вахту, то его списывали на берег. Хотя служба на берегу была в сто раз легче морской, для матроса это было самым страшным наказанием. Почему моряки так боялись этого, никто не знал. Наверное, этот страх служить на берегу впитывается в душу моряка вместе с надетой на него тельняшкой, с первым выходом в море или с глотком соленой воды. Море – это наркотик, и выйти из его зависимости так же трудно, как трудно выйти из зависимости от наркотика. И если человек, побывавший в море, долго его не видит, у него начинаются ломки. Почему моряк, придя с рейса, напивается? Потому, что пьяница? Нет, потому, что ему на земле не хватает самого

главного – моря.

Леха очень хотел стать настоящим моряком, и хотя он был немного глуповат, перспектива быть списанным его не устраивала. И то, что его часто гонял Холба, пошло ему на пользу. Чтобы не получить лишний фофан, Алексей все свободное время учился. У него был хороший напарник – Ганс. Они, чтобы легче запоминалось, учились вместе. Леша проверял Ганса, а Ганс - Леху. Так с горем пополам через месяц они успешно встали на вахту. Хоть Ивану было легче, он тоже не отстал от них и успешно сдал экзамен годкам.

4

Но до того как они стали полноправными членами группы ПВО, на «Жданове» произошло много интересных и веселых событий. Первое событие - это сход молодых матросов на берег в порту Латакия. Они вовремя попали на «Жданов». В это время как раз составляли списки пятерок для экскурсии в город. Леха попал в первую пятерку. В нее входили кроме него: мичман Подплето, Ашихмин, Федоров и Кубай. Четыре часа они ходили по Сирийскому городу. Такой радости, какую испытал Алексей, у него не было никогда в жизни. Тем более что у Кубая был с собой фотоаппарат, и он сфотографировал Алексея на фоне иностранной машины. И теперь Леша с нетерпением ждал, когда Кубай сделает ему фотки.

«Жданов», простояв в Латакии две недели, снялся с якоря и отправился в точку 52, или как ее называли моряки – в «Селивановку». В честь командира эскадры контр-адмирала Селиванова. Точка находилась в нейтральных водах, недалеко от границы Египта и Ливии. Это было постоянное место дислокации Средиземноморской эскадры. Во время перехода произошло еще одно трагикомическое событие.

Один корабельный матрос, Петр Яковенко, отслуживший почти три года, решил перед гражданкой сбросить лишний вес. В этом нет ничего удивительного, все хотят выглядеть хорошо. Ну вот, а так как он хотел сбросить вес побыстрее и с большим эффектом, то решил это сделать в бане с помощью гантелей. Но во время работ на корабле этим делом заниматься запрещено. Поэтому Яковенко попросил своего друга, банщика Виктора Чекана, закрыть его на замок, а через полчаса выпустить. Почему через полчаса? Потому что подача пара открывалась и закрывалась снаружи. И если находиться длительное время в закрытой бане, то можно задохнуться.

Виктор закрыл его в бане, открыл пар и пошел в кубрик. Петр взял в руки гантели и стал выполнять физические упражнения для сброса веса. Примерно через минут сорок ему стало очень жарко. Петр положил гантели и стал ждать, когда его откроют. Но дверь не открывалась. Так как пар стал уже щипать, он почувствовал тревогу и начал стучать что есть силы в дверь – может, кто услышит и откроет. Но дверь была шумоводонепроницаемая, поэтому его никто не услышал. Через два часа Яковенко начал задыхаться, кожа у него стала как у вареного рака. А друг его в это время сладко спал в люльке (кровать). И если бы не дневальный, который, проходя мимо банщика, зацепил случайно его ногой, сварился бы Петр в бане как пить дать. Банщик, вскочив с люльки, с ужасом посмотрел на часы – прошло три часа, как Петр сгоняет вес. Виктор помчался открывать друга. Он успел вовремя, Яковенко был без сознания, но еще жив. После этого случая Петр действительно похудел, и намного, а кожа его приобрела красивый красный оттенок. За этот цвет кожи его прозвали «индейцем», а его друга старпом превратил из старшины второй статьи в простого матроса. И ключи от бани передали другому моряку.

Яковенко же старался как можно реже выходить из кубрика. Потому, что при встрече с ним его одноклассники всегда говорили ему:

-Петя, что-то ты потолстел, пора бы пару килограммов сбросить. Пойдем в баньку.

И, не дожидаясь ответа, дружно хохотали.

5

Переход крейсера из Сирии в точку 52 прошел спокойно, если, конечно, не считать случая с Яковенко. Погода во время похода была отличной, а море необычайно спокойное. Впервые Леха увидел своими глазами американский самолет. Это был палубный штурмовик «Корсар». Недалеко от Кипра он сделал облет «Жданова». Причем делал это так близко и низко, что Леха смог разглядеть летчика в кабине самолета. «Корсар» пролетал почти на уровне палубы корабля. Лехе даже стало как-то не по себе от близко летящего самолета.

- А вдруг он упадет на корабль?— подумал он.

Но «Корсар», сделав несколько облетов крейсера, развернулся и скрылся за горизонтом.

Прибыв в точку, «Жданов» встал на якорь. В точке было еще несколько кораблей кроме него. Это большой противолодочный корабль «Украинский комсомолец», сторожевой корабль «Смелый» и буксир «МБ-30».

Через несколько дней после прибытия командир корабля объявил, что разрешит в воскресенье команде искупаться в Средиземном море. Команда приняла объявление командира «на ура». Все стали готовиться к купанию. Командование перед купанием предприняло все меры безопасности. Вдоль борта была опущена в воду сетка. Чтобы акулы не напали, и чтоб никто не смог утонуть.

И вот наступило долгожданное воскресенье. Матросы

небольшими группами стали купаться в море. Алексей очень хотел искупаться в Средиземке, чтобы потом рассказать в поселке об этом. Но, к сожалению, эта его мечта так и не осуществилась. Когда очередь купаться подходила к его группе, вдруг один из моряков стал тонуть. Его, правда, успели вытащить и сделать искусственное дыхание, но купание прекратили. Этим моряком оказался узбек из БЧ-5, фамилию и имя которого было не то, что запомнить, выговорить невозможно. Оказывается, он даже плавать не умел. Командир БЧ-5 спросил его потом:

– Зачем же ты, олух, полез в воду, если плавать не умел?

– А я хатэл патом в ауле сказат, что в морэ плаваль, – на ломаном русском ответил матрос.

И после этого отчаянного поступка узбека, на эскадре купание было запрещено навсегда. Алексей так и ни разу не окунулся в воду Средиземного моря.

В Селивановке наш герой впервые встал на вахту. Встать на вахту – это не означало избавиться от учителя Холбы. Сергей все равно часто навещал молодых помощников дежурного ПВО и с улыбкой на губах раздавал щелбаны Гансу и Лехе.

Алексей заступал на вахту помощником дежурного по ПВО. С ним также заступали в пост ПВО один планшетист (это был корабельный матрос), дежурный – офицер и еще оператор РЛС (Радиолокационная станция). Дежурным был старший лейтенант Овчинников. Очень хороший человек и офицер. Единственным его недостатком было то, что он любил шутить. Особенно Овчинников любил подшучивать над глупыми матросами.

А их он узнавал сразу. У него был нюх на них. Вот и Алексея Овчинников вычислил буквально в первую вахту. Познакомившись с Лехой и узнав, откуда он родом, лейтенант спросил:

– Переверзнев, а в вашем лесу крокодилы водятся?

– В нашем – нет, а в соседнем не знаю, – серьезно ответил Алексей.

Через несколько секунд Алексей услышал, как за сеткой ПВО на пол с хохотом, держась за живот, упал планшетист. Леша удивленно посмотрел на Овчинникова. Лейтенант серьезным голосом сказал:

– Не обращай внимания, у него припадок от долгого пребывания на корабле. А ты молодец, умеешь хорошо отвечать на вопросы. Думаю, мы с тобой сработаемся, – похвалил дежурный Леху и сел в свое кресло.

Через неделю, заступая на вахту с 12.00 до 16.00, Овчинников пришел в пост и, увидев там сидящего Леху, обратился к нему:

– Слушай, Алексей, не в службу, а в дружбу, помоги мне. Я только что из санчасти пришел и забыл там в спичечном коробке три молекулы. А без них я как без сердца. Будь добр, принеси мне молекулы.

Леха, обрадовавшись, что к нему обратился по имени офицер, с радостью произнес:

– Конечно, какие проблемы, уже бегу.

И скрылся за переборкой. Подойдя к санчасти, он постучал в дверь. Кто-то внутри ответил:

– Да!

Алексей зашел. Перед ним сидели два мичмана. Один из них спросил:

– Чё надо?

Алексей тихо ответил:

– Тут у вас старший лейтенант Овчинников в спичечной коробке три молекулы оставил, можно забрать? Он просил меня принести.

Глаза у мичманов приобрели вид больших шаров. Несколько секунд посмотрев на Леху, один из них, покраснев, закричал:

– Ты что, придурок, над нами издеваться пришел?

Мы из тебя сейчас молекулу сделаем, если не убе-
решься отсюда.

Леха по их виду понял, что может, в самом деле, пре-
вратиться в молекулу (что такое эта молекула, было
для него загадкой) и пулей выскочил из санчасти.

В посту Алексея встретили дружным хохотом.
Причем смеялась вся вахта во главе с Овчинниковым.
В течение недели эта новость дошла до группы ПВО.
Холба, послушав историю про молекулу, смеялся дол-
го. Потом посмотрел на Леху и зло произнес:

– А ты оказывается еще дурней Ганса. Ну, повезло мне,
попалась замена на мою голову. С такими, как вы, ребята,
я раньше декабря с корабля не сойду. А если это будет
так, я вам не завидую. Вы у меня тогда узнаете, что такое
ад и когда туда попадете (в настоящий ад), будете себя
чувствовать как в раю. Понятно?

– Понятно, – грустно ответил Леша, и глаза у него
заблестели от слез.

6

Больше всего в море Алексею нравилось то, что
морякам давали после обеда отдыхать. Ну, как этим
случаем было не воспользоваться? И однажды Алексей,
Ганс и Иван решили после обеда позагорать на баке. До
построения у них было в запасе целых 45 минут. Друзья
сняли с себя тропички (форма одежды), постелили под
себя и легли на спину. Но так как они были молодыми
матросами (а молодые всегда хотят спать), то мгновенно
заснули. Только команда «на построение» разбудила
усталых карасей. Ребята вскочили на ноги и стали
одеваться. И тут Леха заметил ужасную картину. Все
его друзья были красные от загара. Причем получилось
так, что Иван заснул, скрестив руки на груди. От этого
у него остались белые полосы; Ганс спал, накрыв глаза

чепцом (морская шапка, типа пилотки с козырьком) и у него загорело пол-лица. Алексей все сделал правильно, поэтому все его тело приобрело темно-красный цвет. Вот такими разноцветными моряки пришли на построение. Сергей Холба, увидев трех загорелых карасей, почему-то разозлился:

– Вы чё, духи, оборзели? У вас загар лучше, чем у меня. Вам чё, нечем после обеда заняться? Ничего, я вам придумаю занятие. Вы у меня теперь после обеда до построения в гальюне загорать будете.

И, посмотрев на голову Ганса, добавил:

– Ну, немец, для тебя я сделаю исключение. Ты у меня сразу после построения пойдешь осваивать это дело. Марш в строй!

Друзья с грустным выражением лица встали в строй. После этого случая у них больше не было времени загорать. Вместо загара они по очереди драили палубу в штабном гальюне. И это продолжалось до самого схода Холбы с корабля. Им повезло, что Сергей ушел домой в середине октября, а не в конце декабря. Хотя в этом, в какой-то мере, «виноваты» были они. Своими стараниями и успехами на вахте молодые моряки немного облегчили себе службу. И, хотя Алексею было необычайно трудно осваивать специальность помощника дежурного по ПВО, все-таки он изучил и это дело. Многого Леша не понимал в своей должности, поэтому старался кое-что заучить наизусть, не вникая в подробности. И это ему удалось. Худо-бедно, но он стоял на вахте без замечаний, чем даже заслужил уважение годков. Александр Ашихмин даже как-то сказал Ивану:

Вот, смотри Пэдурэ, твой друг дурак дураком, а на вахте стоит без замечаний и сетку ПВО лучше тебя кодирует. Так что бери пример с друга.

После этих слов Леше стало тепло на душе. Еще бы, его первый раз на корабле похвалил годок – это было

приятно.

Как только Холба ушел в Союз (т.е. домой), в группе ПВО воцарилась спокойная служба. Старшими в кубрике стали три годка: Ашихмин, Федоров и Бойко. Это были очень хорошие ребята, которые никогда по пустякам никого не обижали. Служить молодым стало намного легче и приятней. К ним в кубрике относились хорошо. Единственное, что требовалось от молодых, это следить за порядком и бачковать (мыть посуду). Ганса годки назначили редактором стенгазеты, Пэдуре продолжал веселить всех гитарой, ну а Алексей был просто помощником дежурного по ПВО.

Все было хорошо – служба текла спокойно, и это спокойствие немного расслабило молодых матросов. Но Флот не прощал никогда людям расслабления, поэтому вскоре на горизонте появилась проблема. Проблема приобрела вид годков группы связи. Когда Леха пришел на «Жданов», все годки (а они тогда были подгодками) относились к молодым очень даже неплохо. Никаких трений между ними не было. Но вот когда осенью ушли домой гражданские, новоиспеченные годки группы связи почувствовали свою власть. И эту власть они применили к карасям. Причем не только к карасям своей группы. Они также стали прижимать молодых из других групп эскадры. Что стало с ними, непонятно. Или на них сказалось длительное пребывание в море, или бесконечные вахты, но факт остается фактом: все они в корне изменились. И изменились в плохую сторону.

Однажды, когда Пэдуре стоял на вахте, Леха с Гансом перед отбоем решили покурить. Выкурив по сигарете, они отправились в кубрик. В кубрик Леха зашел первым, и это спасло его. Внутри стояли годки группы связи и несколько матросов из других групп. Алексей успел незаметно прошмыгнуть между ними. А вот Гансу не повезло. Его остановил один из связистов по имени

Рашид родом из Казахстана:

– Эй, Ганс! Ты что, оборзел? – с гнусной улыбкой сказал он.

И, подойдя вплотную к Гансу, спросил:

– Кто перед тобой стоит? А?

– Годок, – ответил Ганс.

– Вот умница, правильно – ГОДОК! А что надо сделать, когда возле годка проходишь? А?

– Добро спросить, – сказал Аболтыньш (проходя мимо старослужащего, молодой матрос должен спрашивать у него разрешения пройти).

– Ну, совсем молодец! Так почему ты не спросил, а прошел мимо? А?

– Задумался, – сообразил Ганс.

– Задумался. Ай-ай-ай, ну надо же какой задумчивый дух попался. Ну, вот чтобы больше не задумывался и уважал годков, сейчас ты нам спляшешь «лезгинку».

И, продолжая улыбаться, дал указание рядом сидящему с гитарой матросу играть мелодию.

Аболтыньш понял, что влип. Теперь ему оставалось или сплясать танец, тем самым унизив себя, или отказаться, тогда его обязательно побьют. Первое его не устраивало, и он несмотря на музыку, продолжал стоять на месте. Рашид, увидев упрямство Ганса, не на шутку разозлился. Он так хотел повеселить сослуживцев, а тут какой-то карась все портит своим упрямством.

– А ну, быстро танцуй, – зло приказал Рашид.

– Не умею и не буду, – спокойно ответил Ганс, хотя сердце у него запрыгало от волнения. И он всем телом приготовился к ударам.

– Ах, не будешь, – передразнил его Рашид.

– Не буду! – твердо повторил Ганс, глядя годку в глаза.

Рашид понял, что он проиграл. Концерт не удался. И

чтобы не потерять уважения своих друзей, он что есть силы ударил карася правой ногой прямо в челюсть. Ганс пошатнулся, но устоял на ногах. Левую часть лица пронзила острая боль. Ему захотелось дать сдачи. Но его положение не позволяло это сделать. Тем более, годков в кубрике было больше, и его все равно бы побили.

– Танцуй, гад! – не унимался Рашид.

Аболтыньш продолжал стоять. Рашид обрушил на Ганса серию ударов кулаками. Но Ганс выдержал и их. Неизвестно, чем бы закончилось это выступление Рашида, если бы Ашихмин не остановил его. Александр оттащил годка от карася и приказал Гансу:

– Ганс, быстро в люльку.

Аболтыньш, едва сдерживая слезы, отправился к своей койке. Через минуту он уже лежал в ней. Рядом, на другой койке, на него с горечью смотрел Леха. Ганс моргнул ему правым глазом. Леша поднял большой палец в знак восхищения.

Это была победа. Пусть маленькая, но победа карася над годком. Щека и грудь у Ганса болели, но в душе он чувствовал себя победителем. Он еще раз моргнул Лехе и закрыл глаза. Через несколько минут разошлись все годки, так и не посмотрев концерт из-за упрямого карася.

7

Из всех офицеров, которые стояли на вахте со штабными матросами, Алексею больше всех нравился старший лейтенант Владимир Морщавка. Это был очень жизнерадостный человек лет тридцати восьми. К морякам Морщавка относился не как к подчиненным, а как к друзьям. Правда, до того момента, пока его не отругает начальство. Вот тогда – берегись Морщавки. В это время

лучше от него держаться на большом расстоянии. Но если все хорошо, то стоять с ним на вахте - одно удовольствие. Когда старлей заступал на дежурство, за ним в пост приходил его подчиненный и приносил продукты. Это были обычно тушенка, сгущенка и хлеб. Причем офицер все это съедал вместе с матросами, по-братски делясь. «Немного» поев, он шел курить за трубу. Хотя на вахте курение было строго запрещено, тем более возле трубы. Морщавка брал с собой помощника дежурного по ПВО и, закурив, любил повторять:

– Что нельзя другим, то можно богам.

Леша очень любил старлея. И он глубоко в душе жалел, что Морщавка не его отец.

– Вот бы было здорово иметь такого папу, – думал про себя Алексей.

Морщавка всегда делился с матросами сигаретами, потому что сигареты были у него всегда. Однажды Алексей и старлей решили в очередной раз покурить. Взяв сигареты, они пошли за трубу. Сделав несколько глубоких долгожданных затяжек, моряки вдруг услышали звук чьих-то шагов. Буквально сразу же из-за трубы на них вышел сам старпом. Реакция у Лехи и Морщавки сработала молниеносно. Сигареты невидимым движением руки опустились в карманы штанов.

Старпом оглядел стоящих перед ним подчиненных и, узнав Морщавку, спросил:

– Товарищ старший лейтенант, что вы здесь с матросом делаете? Вы же должны на вахте стоять?

– Так точно, товарищ капитан третьего ранга! Дежурный по ПВО старший лейтенант Морщавка! Вот провожу разъяснительную работу с молодым матросом. Заснул моряк на вахте.

– Работу надо проводить непосредственно на боевом посту, а не за его пределами. Марш оба на вахту и следите за небом, чтоб ни одна капиталистическая

гадина не залетела в точку незамеченной. Ясно?

– Так точно! Ясно! – ответил старлей и поспешил в пост. Леха побежал за ним. Бежал потому, что сигарета уже прожгла ему штаны и принялась жечь кожу на ноге.

Заскочив в пост, Морщавка и Леха принялись тушить свои штаны. Старлей оказался находчивее Лехи. Он схватил графин с водой и вылил его содержимое себе в карман. Леша стал что есть силы хлопать себя по штанам. Через несколько секунд сигареты были потушены. И лишь небольшие дырки на штанах напоминали о неприятном пережитом моменте. Правда старлей еще около часа ходил с мокрой штаниной. Но, слава богу, никто из начальства к ним не зашел. После этого случая Морщавка больше никогда не курил на вахте за трубой и запретил это делать матросам.

8

Время на корабле летело с бешеной скоростью. Постоянные вахты, уборка в кубрике не оставляли молодым матросам ни одной свободной минуты. И как-то незаметно в Средиземке наступила зима. Подули сильные ветры, моряки эскадры переоделись из тропической формы одежды в робу. С каждым днем ветры усиливались и усиливались. И в конце концов стоять в точке на якоре «Жданову» становилось опасно. Сильный ветер мог сорвать якорь. Чтобы этого не случилось, командир корабля приказал во время сильного ветра сниматься с якоря и дрейфовать вокруг точки. Вот тут-то наступили кошмарные дни для молодых матросов. На корабле началась морская болезнь. У каждой болезни есть свои симптомы, и от любой болезни есть лекарства. Но только не от морской. От нее нет лекарства. Симптомы есть – лекарство еще не придумали. Переносят ее моряки

по-разному, одни незаметно и спокойно, другие тяжело и долго. Все зависит от вестибулярного аппарата каждого конкретного человека. Пробыв долгое время в море, любой человек со временем привыкает к качке. Только время это у каждого свое. Поэтому морская болезнь - это болезнь в основном молодых моряков.

Из всех молодых в штабе эскадры только два человека перенесли новое заболевание спокойно и без рвоты. Это были Ганс и Леха. Остальные все свое свободное время проводили в гальюне. Как говорят моряки - «смотрели в дучку» (тошнить в унитаз). Во время качки никто из них не ел, и вид еды моментально вызывал тошноту. Ганса и Лешу ни капельки не тошнило. Нет, в самом начале было немного муторно, но это неприятное чувство прошло через пару часов. И после этого для них настали самые счастливые дни в эскадре. Им приходилось есть завтрак, обед и ужин за всех своих друзей. Даже некоторые годки не могли кушать. Вот и пришлось Гансу и Алексею уминать колбаску, фрукты и овощи за тех, кто не мог на них смотреть. Все годки в кубрике удивлялись крепкому организму двух карасей. Бойко (а ему тоже было плохо от качки) глядя, с каким наслаждением Леха запихивает себе в рот бутерброд с ветчиной, с досадой сказал:

-Ну ладно, я понимаю Ганса – человек с Прибалтики. Там море рядом, и он наверняка на нем был. А этот олух из Мордовии, где море только на картинках недели. Как он умудряется так спокойно выдерживать этот ужас? Не понимаю.

А Алексей с Гансом, закончив трапезу, шли, как ни в чем не бывало, в гальюн курить. Заставляя этим действием стонать лежащего на койке Бойко. Курить, правда, им не хотелось. Во время качки вкус сигарет не чувствуется вообще. Курили просто потому, что привыкли после обеда курить. И удовольствия от этого занятия не испытывали. Им просто нравилось смотреть на шеренгу

стоящих над дучками (унитазами) духов, которых от запаха сигаретного дыма начинало моментально рвать.

Но радоваться друзьям долго не пришлось. Уже через неделю многие молодые стали отходить от морской болезни. И потихоньку рацион у Ганса и Лехи стал уменьшаться. К Новому году почти все моряки штабной команды уже полностью привыкли к штормам.

9

Кроме несения вахты у матросов штабной команды была еще одна неприятная обязанность. Это – урок политзанятий. Хуже муки для Алексея не было. Мало того, что он ничего в политике не понимал, так его еще заставляли писать конспекты с работами Владимира Ильича Ленина. А работ оказалось не так уж мало. Вот и сидел Леха все свое свободное время за перепиской. Другое дело Ганс – он оказался хитрее всех. Аболтыныш нашел старые работы, оставленные Холбой, поменял в тетради обложку и показал их политруку капитан-лейтенанту Галанину. Политрук, пролистав тетрадь, сделал ему замечание:

– У Вас, товарищ Аболтыныш, не хватает одной работы Ленина.

– Какой? – спросил Ганс.

– «Все на борьбу с Деникиным».

Гансу не хотелось переписывать еще одну работу, поэтому он решил уговорить каплея:

– Ну, товарищ капитан-лейтенант, какой сейчас Деникин. В стране 1983 год развитого социализма. Деникин давно разбит. Зачем же нам эту работу переписывать?

– Надо. Это актуально. И если на следующем занятии не будет у Вас работы, будете наказаны. Ясно?

Аболтыньшу ничего не оставалось ответить, как:

– Так точно, ясно.

– Ты вообще очень много говоришь в последнее время. Лучше бы пример с Пэдуре брал. У него не только все эти работы переписаны, но еще даже лишние есть. Это говорит о патриотизме и желании совершенствоваться в боевой и политической подготовке. И если бы все люди такими ответственными были, у нас бы коммунизм был.

Так что давай, Аболтыньш, работай, и поменьше философствуй. А то с такими разговорами ты мигом в дисбат попадешь.

Последнюю фразу политрук проговорил угрожающим тоном.

После этого разговора Ганс больше никогда не пререкался с Галаниным. Перспектива оказаться в дисбате его абсолютно не устраивала. На следующее занятие он принес конспект со всеми работами, чем ввел капля в экстаз. Галанин очень любил исполнительных матросов. А еще больше он любил Ленина. Ленин для политрука был чем-то святым. Ради идей Владимира Ильича он был готов сделать все: умереть, бросить жену (что он и сделал) и даже предать друга (хотя таковых у него и не было). Галанин всегда ходил по кораблю с небольшим томиком Владимира Ильича. А в портмоне держал маленькую фотографию вождя мирового пролетариата. И даже по ночам тайком разговаривал с ним, правда, об этом никому не говорил. Потому что понимал, что это может делать только он. Другим офицерам это не дано. Каплей считал себя избранным и ходил по кораблю всегда с важным выражением лица. И остальные офицеры с ним разговаривали неохотно. Потому что во время разговора он всегда вспоминал цитаты трех своих богов: Ленина, Маркса и Энгельса. Но большинству офицеров было глубоко наплевать на всех них троих. Их

больше привлекали разговоры о женщинах, машинах. Поэтому они всегда избегали встречи с Галаниным. Так и бродил политрук как монах-отшельник по кораблю с потрепанным томиком революционера №1.

Однажды перед Новым годом политрук, зайдя в кубрик, увидел, как Ганс рисовал карандашом боевой листок группы ПВО. Увидев в Аболтыньше задатки несбывшегося Леонардо да Винчи, Галанин попросил его нарисовать новогоднюю стенгазету. Ганс охотно согласился. Через некоторое время политрук принес ему в кубрик краски и кисточку. Галанин попросил годков не отвлекать молодого матроса от задания. Ганс рисовал весь вечер. В конце концов к нулям (полночь) стенгазета была готова. Аболтыньш повесил ее на переборку и лег спать. С самого подъема Галанин пришел посмотреть на результат. Но оказалось, что за ночь тараканы (а их на корабле было очень много) съели всю краску. Причем съели так, что невозможно было что-либо различить. Политрук, подойдя к Гансу, серьезно спросил:

– Аболтыньш, что это за порнография?

– Где?

– Там, на переборке. Это что, по-твоему, газета?

И тут Ганс увидел, что с его произведением сделали голодные тараканы.

– Я не виноват, товарищ капитан-лейтенант. Это тараканы.

– Какие тараканы?

– Рыжие, корабельные.

– Вы мне, товарищ матрос, голову не морочьте. Если не хотели рисовать, могли бы сразу сказать, а не ломать здесь комедию. Я в вас очень разочаровался, Аболтыньш, очень, – закончил Галанин и с задумчивым выражением лица вышел из кубрика.

Задумчивое лицо капля означало для Ганса плохую оценку по политзанятиям или переписку до-

полнительных работ Ленина. А работ за свою жизнь Владимир Ильич написал очень много. Настроение у Аболтыньша было испорчено с самого утра. Тем более, что утро это было 31 декабря 1984 года. До Нового первого года в море оставалось 15 часов.

10

Леша и его друзья впервые встречали Новый год в открытом море. Это был любимый праздник Алексея. Обычно у себя дома он заранее готовился к этому всенародному празднику. С самого утра они с мамой убирали в доме (отца у него не было). Потом Леша шел в лес за елкой. Это была традиция семьи – наряжать елку 31 декабря. Причем ставил и наряжал елку сам Леха, а мама в это время готовила новогодний ужин. Когда елка была наряжена, Алексей уходил из дома к друзьям. Возвращался он поздно, за несколько часов до праздника, весь усталый, замерзший, но безумно счастливый. Главное, в этот день казалось, что над их поселком летал какой-то таинственный, неосязаемый запах. Запах Нового года. Он чувствовался во всем: в морозе, в блестящем белоснежном снеге и кристально синем, безоблачном небе. И настроение у всех жителей с самого утра было новогоднее. Вся женская половина убирала и готовила, а мужская провожала старый год. Кому из них было тяжелей - трудно сказать. Женщины очень уставали, но все равно встречали Новый год. Мужчины, накачавшись самогонкой, не все «доживали» до главного праздника. И, проснувшись только утром, с горя начинали пить.

Вот и сегодня 31 декабря Алексей, сменившись с вахты, стоял на баке и вспоминал последний свой Новый год на гражданке. Тут к нему подошел Пэдуре:

– Леха, пошли на ют.

– Зачем? – спросил Алексей.

– Там елку новогоднюю поставили, пойдем посмотрим.

Услышав про елку, Алексей поспешил вместе с Иваном на ют.

То, что они увидели на юте, повергло их в шок. Вместо елки Леха увидел какую-то обглоданную сосну. А вместо игрушек на ней висело несколько пойманных кем-то рыбок. Серпантин заменяла металлическая стружка.

– Да, – задумчиво произнес Иван и продолжил стихотворением:

В лесу родилась елочка,

В лесу она росла.

Попала в Средиземку

И стала вдруг сосна.

Какое-то время они с грустью смотрели на «красавицу» сосну. Но потом Леха, подойдя ближе к ней, почувствовал до боли знакомый запах леса. Тот самый запах, о котором он вспоминал несколько минут назад. И, вдохнув аромат сосны, ощутил, как его душу наполняет давно забытое предновогоднее настроение. И ничего, что вокруг было море и жара, а не снег с морозом. Запах сосны вновь вернул его в тот покинутый не по своей воле мир. Мир, который назывался Трофимовкой. Его любимой Родиной, которую он сейчас защищает от капиталистов.

Немного постояв возле новогодней «елки» и надышавшись вдоволь ее ароматом, друзья отправились в кубрик.

В кубрике они застали одного Ганса. Он сидел за баком (столом) и рисовал новую стенгазету, чтобы реабилитировать себя перед Галаниным. Газета получалась еще лучше, чем предыдущая. Леха с Иваном сели рядом и стали смотреть, как их товарищ искусно кистью создавал настоящее произведение искусства.

В это время к ним зашел мичман Подплето. Увидев

матросов, он обратился к ним:

– Ребята, сегодня Новый год. Командование эскадры разрешило его отпраздновать, но в 00.15 чтобы все легли в койки. А чтобы на столе у вас было все по-новогоднему празднично, Вы, Пэдуре и Переверзнев, сходите в ларек и можете выбрать на мое имя любые продукты. Берите все, что считаете нужным – я заплачу.

Затем он подошел ближе и, взглянув на стенгазету Ганса, сказал:

– Молодец, Аболтыньш, я и не знал, что ты рисовать умеешь.– Молодец!

Когда мичман удалился, Иван с Лехой пошли отовариваться продуктами. Продукты, сигареты, одеколон на корабле продавали за деньги. Но деньги в Средиземку присылать было нельзя. Поэтому у моряков их почти не было. Единственная возможность получить деньги для моряка эскадры - это привезти их контрабандой. А это уже статья уголовного кодекса. За это можно было загреметь в тюрьму. Но штабников это не останавливало. Поэтому когда кто-то из них уходил в отпуск, на его адрес родители друзей присылали деньги. И когда моряк возвращался на корабль, вез их с собой. У него собиралась очень большая сумма. И если бы ее отобрала таможня, то для этого моряка служба в море закончилась бы вмиг. Свою морскую робу он поменял бы на тюремную. Но разве может моряка остановить какая-то таможня? Поэтому те, кто отслужил больше года, почти всегда имели наличные. Но у Лехи и друзей их не было, и они с радостью приняли предложение мичмана.

К вечеру новогодний стол ломился от угощений. На нем было все: печенье, конфеты, соки (купленные на деньги Подплето). Также были экзотические фрукты: бананы, виноград, апельсины, которых раньше Алексей никогда не видел. Все, кто не стоял на вахте, сидели за праздничным столом и ждали, когда придет командир

эскадры.

Без пятнадцати двенадцать в кубрик вошел контр-адмирал Селиванов. Он произнес поздравительную речь, пожелал всем успехов в службе и удалился.

Через пятнадцать минут штабная команда подняла кружки с соком и крикнула:

– С Новым годом!

И принялась за угощение. Еще через пятнадцать минут пришли мичмана групп проследить, все ли легли спать и нет ли пьяных. Убедившись, что все в порядке, они удалились. Кое-кто из годков после этого еще вставал, чтобы выпить одеколон и хоть как-то поднять новогоднее настроение. Но молодые матросы этого уже не видели, они крепко спали после трудного дня.

Глава 4 «Федор Видяев»

1

К людям надо относиться так,
как ты хотел, чтобы
они относились к тебе.
(Мичман Подплето)

В середине января КРУ «Жданов» должен был уходить обратно в Севастополь. На смену ему прибыл ПБПЛ «Федор Видяев». Этот корабль был точной копией «Виктора Котельникова». Единственное отличие – вместо вертолетной площадки, как на «Котельникове», у «Видяева» на корме стояли два 100-мм орудия. А так все остальное было идентично. Видяев прибыл в

«Средиземку» из Северного флота с военно-морской базы Полярный. И как всегда перед отправкой в теплое море местное командование забыло обеспечить плавсостав «Видяева» тропической формой одежды. Вернее, форма была, а тапочек не было. Поэтому когда плавбаза пришвартовалась к «Жданову», весь состав крейсера хохотал над видяевцами. В шортах и в сапогах они выглядели, как клоуны на арене цирка.

В тот же день штабники благополучно пересели на новый корабль. Сразу же на «Видяеве» был поднят флаг эскадры. С этого момента он стал главным кораблем в Средиземке. Наследующее утро «Жданов» отшвартовался от «Видяева» и покинул Селивановку. Леха и компания долго стояли у борта, провожая свой первый крейсер. Вместе с ним ушли в Союз их друзья, с которыми они так сдружились во время своего пребывания на корабле. После «Жданова» плавбаза «Видяев» казалась для них маленьким корабликом. Хотя места в кубрике было намного больше, чем на «Жданове». Вот только жить всем группам пришлось вместе, кроме, конечно, группы связи. В ней было много человек, поэтому им предоставили отдельное помещение. Разведчики (группа ОСНАЗ) тоже поселились вместе со штабниками. Тут Леха узнал, что такое служба в группе ОСНАЗ. Он увидел своими глазами.

Страшнее годковщины не было даже на «Котельникове». Здесь над молодыми издевались в полном смысле этого слова. Причем все это делалось практически с разрешения офицеров группы. Точнее сказать, они не обращали внимания на издевательства над молодыми.

Каждый день Леха и его товарищи наблюдали страшные картины избиений их одногодков группы ОСНАЗ. Причем, если кого-то годки начинали бить, то били долго и сильно. Особенно доставалось карасю по фамилии Полпур. Его годки не любили больше

всех. Он постоянно засыпал на вахте. Сначала его за это били, но когда поняли, что бесполезно, открыли верхнюю часть стула. Полпур всю вахту (четыре часа) сидел на железном штоке. Но все равно он умудрялся засыпать. Тут не выдержали нервы у комсорга группы Анатолия Варанова. После вахты он подозвал Полпура и зло спросил:

– Полпур, ты почему спишь на вахте?

– Я не спал, – ответил моряк.

Годок покраснел от злости:

– Как ты не спал, когда я своими глазами видел тебя спящим.

Полпур не сдавался:

– Я боролся со сном.

Варанов чуть не задохнулся от наглого ответа караса. И, сделав небольшую паузу, продолжил:

– Что значит - боролся со сном? Ты спал!

– Нет, я боролся и немного дремал, – не сдавался молодой. Все годки в кубрике громко захохотали.

– Что значит: бороться и спать? В чем различие? – не унимался Варанов.

– Различие во времени.

– Ну и сколько секунд, по-твоему, длится сон, а сколько борьба?

– Не знаю, – ответил Полпур, чем в очередной раз рассмешил кубрик и самого Анатолия. Но Варанов был настойчивым человеком и поэтому решил докопаться до истины. Он очень любил истину, потому что был комсоргом.

– Ну, ответь мне, душара, пятьдесят секунд - это сон?

– Сон.

– Так, а тридцать секунд - это сон?

– Тоже сон.

В кубрике уже стали смеяться все присутствующие, в том числе и караси.

– Ладно, а двадцать пять секунд – сон?

– Да, сон.

Варанов стал понемногу нервничать и повысил голос:

– Двадцать три секунды – это что?

– Сон, – спокойно ответил карась.

– Двадцать две?

– Сон.

– Двадцать одна – сон?

– Сон.

– Девятнадцать секунд – тоже сон? – заорал на весь кубрик доведенный комсорг.

– Нет, это не сон, – немного подумав, ответил Полпур. – Девятнадцать секунд – это борьба со сном.

– Так сколько же секунд ты, хитрая карасина, боролся со сном?

– Девятнадцать с половиной секунд, – все так же спокойно ответил моряк.

Кубрик уже не мог смеяться – все плакали от смеха. Некоторые лежали в люльках и вытирали подушкой слезы.

– Ах ты, придурок, ты меня дурачить решил? – заорал комсорг и сильно ударил Полпура в челюсть. Матрос упал на пол. Варанов стал бить его ногами. Полпур лежал на полу и молча сносил наказание. Кричать и стонать ему было нельзя. За это били бы сильнее и дольше. В кубрике воцарилось молчание. Молодые с жалостью смотрели на своего одногодка. Старослужащие – с безразличием. Такова была система Советского флота, полтора года ты не человек, а с нечеловеком можно было делать все, что угодно. Эта ужасная система существовала почти на всех кораблях Военно-морского флота СССР. Годки объясняли молодым, что так надо. Именно эта система способна сделать из бывшего гражданского хлюпика настоящего моряка. Но это было ошибочное мнение. Именно эта

система делала из человека сволочь. Сволочь, которая, прослужив свои полтора года, издевалась над молодыми еще с большей жестокостью.

Полпур перед уходом в Союз, прощаясь с Алексеем, с горечью в сердце сказал:

– Леха, я клянусь тебе, что когда стану полторашником, никогда в жизни не ударю молодого матроса.

Через полтора года Полпура посадят на два с половиной года в тюрьму строгого режима за издевательства над молодыми. Он прижигал их утюгом и бил молотком. Полпур стал очередной жертвой советской системы. Системы со страшным названием – ГОДКОВЩИНА.

2

На «Видяеве» эскадра находилась всего два месяца. В конце марта на замену пришел тактический атомный ракетный крейсер «Киров». По сравнению с «Кировым», «Жданов» и «Видяев» казались маленькими букашками. На этом крейсере новичок мог спокойно заблудиться. Пост ПВО, где служили Леха и его друзья, оказался огромным. Кроме дежурного по ПВО и его помощников, там находились еще операторы РЛС. Это были офицеры и мичмана. Всю вахту они наблюдали за воздушными целями, причем каждый следил за своим квадратом. И при обнаружении самолета моментально докладывали дежурному. Служить здесь было намного легче, если бы не одно «но». Этим «но» было то, что на крейсере находилось много спирта. А так как «Киров» был атомным крейсером, то его не пускали ни в один иностранный порт. Поэтому годки эскадры, чтобы расслабиться и выпить, стали менять на спирт сувениры, купленные в Сирии. В ход пошли туалетная вода, электронные часы, плакаты с женщинами в купальниках (самый ходовой товар), в общем, все безделушки легким

движением руки превращались в спирт. В кубрике штаба эскадры началась всеобщая пьянка. Конечно, только для старослужащих. На вахтах стояли молодые. Офицеры и мичмана в кубрик заходили очень редко, потому что находились далеко от него. И после вечернего построения в кубрике начиналось веселье. Хорошо, что группа Связи и ОСНАЗ были в другом помещении. Годки групп ПВО, Управления и ГМС хоть и пили, но карасей не трогали.

Как-то в конце недели Леха заступил на вахту с 20.00 до 00.00. Менять его должен был Ганс.

После отбоя Ганс лег в койку, ему до вахты оставался час. Он закрыл глаза, чтобы заснуть. Но в кубрике орали пьяные годки, поэтому сон не шел. Ганс лежал с закрытыми глазами и вспоминал гражданку и свою девушку Оксану, которая преданно ждала его дома.

Вдруг под его койку (а он спал на втором ярусе) сели два пьяных годка: Сергей Федоров и Александр Ашихмин. Они громко о чем-то говорили. Аболтыныш прислушался и понял, что разговор идет о нем.

– Слушай, Федя, – обратился Ашихмин к Федорову.
– Давай Гансу нальем. Он же нормальный парень. Как ты думаешь?

– Гансу? Можно. Он молодец. Мужик - что надо, хоть и немец, но молодец. Только сейчас спит наверное.

– А мы его разбудим. Пусть выпьет пацан.

– Пусть, он заслужил, – сказал Ашихмин и стал будить Аболтыныша.

Хотя Ганс все слышал, но притворился, что спал. И когда Ашихмин толкнул его, он сонным голосом спросил:

– Что случилось?

– Вставай, Гансик, пора на вахту, – ответил Саша.

Ганс быстро встал и оделся. Федоров, посмотрев ему в глаза, приказал:

– Ганс, пошли со мной.

Аболтыньш послушно двинулся за годком вглубь кубрика. Там его усадили на рундук, налили полкружки разбавленного спирта и приказали:

– Пей!

Ганс послушно выпил. Спирт резко ударил ему в голову. Увидев сморщенное лицо карся, Сергей протянул ему кусок белого хлеба. Аболтыньш мгновенно его проглотил, запив водой, которую подал Александр. Через несколько минут Гансу стало хорошо. Заметив это состояние карся, Федоров тут же протянул ему вторую кружку, наполовину наполненную спиртом.

– Пей, Гансик, ты классный парень, – сказал Федоров.

Аболтыньш с легкостью проглотил очередную дозу спиртного, даже не сморщившись. После второй кружки спирта ему стало совсем хорошо, и он взял в руки гитару, лежащую на рундуке. И хотя Ганс никогда в жизни на ней не играл, после двух кружек спирта он об этом забыл. Мало того, он стал петь под гитару. Послушав его пару минут, годки поняли, что пора Гансу на вахту. Ашихмин налил ему еще полкружки, протянул и сказал:

– Пей и бегом на вахту.

Посмотрев одним глазом на кружку (потому что двумя глазами он уже не видел) Ганс понял, что ему хватит пить. И, переведя глаза на Сашу, заикаясь, сказал:

– Я... я пить не буду, я и так пойду, мне хватит.

Ашихмин почему-то обиделся, схватил за робу Аболтыньша и зло сказал:

– Или выпьешь, или сейчас ударю.

Ганс, скрипя зубами, выпил. Его чуть не вырвало, но он сдержался. Запихав последнюю корочку хлеба в рот, Аболтыньш, шатаясь, побрел на вахту. Перед входом он собрался и прямо вошел в помещение. Леха, увидев Ганса пьяным, очень удивился, но вахту

сдал. Ганс кое-как расписался в журнале и плюхнулся в кресло за сеткой ПВО, чтобы его не заметил офицер. Пробыв в посту около десяти минут, он окосел полностью и уже одним глазом едва различал предметы. Но годки в кубрике вовремя сообразили, что они наделали и прислали Леху заменить Ганса. Переверзнев остался стоять на вахте еще четыре часа. А Ганс пошел спать в кубрик. Проснулся он только на обед. Все годки еще неделю смеялись над ним, как он пришел с вахты и облевал весь кубрик. А особенно им понравился концерт и песни Ганса на родном латышском языке. Но Аболтыньш ничего не помнил.

Ему было стыдно перед товарищами, которые стояли за него на вахте и убрали в кубрике. Поэтому в следующий обед он все свои фрукты отдал им и при этом попросил прощения. И его, конечно же, простили – с кем не бывает.

3

Через пару недель весть о беспробудной пьянке в штабной команде дошла до командиров. Всем морякам было сделано строгое предупреждение. После этого жизнь в кубрике пошла спокойно. И это спокойствие не нарушалось до самой пересадки. На замену «Кирова» в Средиземку из Севастополя пришел первый корабль Леши Переверзнева ПБПЛ «Виктор Котельников». Но почему-то когда он встал в точку на якорь, Леха особого удовольствия не испытал – слишком уж плохие воспоминания остались у Алексея об этом корабле. И когда штабная команда приступила к пересадке, наш герой совсем поник головой. Одна мысль, что он снова увидит эту противную рожу своего тезки Радченко, вводила Леху в уныние.

Но, к облегчению Алексея, в этот день он его не

встретил. Зато Леша встретил своего друга Сулико. Вот это была поистине счастливая встреча друзей. Они не виделись уже почти год, поэтому им было что рассказать друг другу. Особенно Алексею. За это время он увидел много интересного в Средиземке. Правда, долго говорить им не пришлось. Через пару часов Сулико ушел на вахту. А Леха занялся распаковкой багажа в кубрике.

В тот же день в 00 часов штабная группа ПВО уже приступила к несению дежурства. И первым заступил на вахту Алексей. В посту от корабельных матросов он узнал, что «Котельников» стал совсем другим кораблем. Кораблем, на котором годковщину почти всю искоренили. А случилось это так. Осенью на корабль пришло новое пополнение. И один из молодых матросов, вкусив все тяготы службы на «Котле» (так моряки называли «Котельников»), написал письмо со всеми подробностями издевательства над ним своей маме.

Мама, прочитав письмо своего единственного и любимого чада, едва не потеряла сознание. Но вскоре, оправившись, мигом сообразила и переправила письмо сына в ЦК КПСС (Центральный Комитет Партии Советского Союза). Был такой орган в те далекие времена. После того, как письмо попало в руки партийных боссов, на Черноморский флот прибыла целая комиссия. И началась проверка всех кораблей ЧФ. И многих годков отправили на зону, а некоторых в дисбат. Не обошла эта участь и «Котельников». Ну, а после этой чистки желающих издеваться над молодыми на «Котле» не осталось. А самый грозный полторащик Радченко стал лучшим другом и наставником молодых. Верно говорят, что в человеке живет одновременно дьявол и ангел. Вот и Радченко с помощью страха перед наказанием превратили из Люцифера в доброго ангелочка. Главное знать, на какие рычаги нажимать, а остальное - дело времени. Узнав об этом, Леха успокоился окончательно,

и слово “Радченко” для него стало просто фамилией, а не грозным напоминанием о ночном полете в картофан.

4

Служить на «Котельникове» Алексею нравилось, единственное, что его не устраивало - это еда. Кормили на «Котле» плохо. Даже не плохо, а отвратительно. Снабженцы, два мичмана, половину продуктов пропили еще в Севастополе. И теперь, чтобы дотянуть с оставшимися припасами до конца боевой (время нахождения корабля в море), им пришлось урезать пайку матросам. Офицеров обижать было нельзя, за это могли посадить, а за моряка кто будет беспокоиться? Матрос все стерпит.

Но однажды произошел случай, который всколыхнул всю команду. Случай, похожий на тот, что произошёл на броненосце «Потемкин», но, правда, не приведший к восстанию.

В одно из воскресений штабная команда села за бак (стол) обедать. Бачковой (тот, кто приносил в этот день обед и мыл посуду) принес борщ. Группа ПВО села обедать. Борщ выглядел очень аппетитно. Но особенно Лехе понравился жареный лук, который плавал сверху. Лук, который Леха обожал с самого детства и который любил больше всего на свете, даже сильнее чеснока.

Поэтому, налив себе полную тарелку, Алексей, облизываясь, взял в руки ложку, зачерпнул борщ и преподнес его ко рту. И он бы проглотил его, если бы не громкий крик Ганса:

– Не ешь!

Переверзнев в недоумении посмотрел на сослуживца.

– Там тараканы!

Леха посмотрел на ложку. То, что он увидел, было ужасно. Это был не лук, это были сваренные рыжие, противные тараканы. Или, как их называли на корабле – стасики. Он с отвращением бросил ложку. Ему повезло, он их не попробовал, а годки группы ОСНАЗ (все молодые ели после них) пропустили тараканьего супа по полтарелки. И теперь, услышав крик Ганса, они увидели своими глазами, кого съели и рванули к иллюминаторам. Их стало рвать. Ашихмин взял бак, и весь кубрик (с годками и молодыми) пошел к начальнику политотдела. Начальник политотдела капитан первого ранга Никулин, посмотрев на суп, произнес:

– Спасибо, товарищи матросы, за сигнал. Я разберусь с коком и со всей службой снабжения. Можете спокойно возвращаться в кубрик.

Что было потом, знает только сам Никулин и те, кто варил борщ. Но, судя по их лицам после разговора с начпо (начальник политотдела – сокращ.), им пришлось тяжело. Зато кормить стали теперь в десять раз лучше. Начпо сам стал проверять ежедневно, что давали на обед матросам. Но кроме этого, он «построил» (сделал выговор) командира корабля капитана 3 ранга Васильева и всеми «любимого» старпома Зайцева. И с этого момента весь личный состав эскадры стал злейшим врагом этих двух людей.

5

Первому из эскадры не повезло Аболтыньшу. Дело в том, что на кораблях ВМС СССР существовал закон: когда матрос проходил мимо офицера, он должен был отдать честь. То есть встать вдоль переборки по стойке смирно. Так было заведено на всех кораблях. Но Ганс служил в штабе эскадры. В Штабе с большой буквы. Поэтому, проходя мимо ээпа (капитана – разг.), он даже не обратил

на него внимания. Что такое для матроса эскадры какой-то капитан 3 ранга? Букашка! Только букашка так не думала. Букашка в облике Васильева шла после разговора с начпо. Когда Васильев увидел спокойно идущего мимо Ганса, он онемел. Едва Аболтыньш прошел мимо кэпа, как услышал оклик:

– Товарищ матрос! Остановитесь!

Ганс послушно остановился и повернулся к командиру корабля. Васильев был очень высоким и здоровым капитаном. Подойдя вплотную к Аболтыньшу, он грозно спросил:

– Товарищ матрос! Кто перед вами стоит?

– Командир корабля, – ответил Ганс и приготовился к выслушиванию наставлений. Но кэп резко схватил рукой-кувалдой (потому, что руку Васильева по размерам можно сравнить только с кувалдой) за рубу и, прижав к переборке, заорал:

– Если ты еще раз, козел, пройдешь так мимо меня, я тебя, уродец морской, по этой переборке размажу! Понял?

– Так точно, товарищ капитан 3-его ранга, – пробормотал испуганный Аболтыньш.

– А раз понял, то пошел на ....

Куда он послал Ганса, я думаю, вы догадались. Не так далеко, но понятно, куда.

После такой «дружественной» встречи с командиром Ганс в дальнейшем старался обходить кэпа стороной. Ну, а если приходилось встретиться, Аболтыньш прилипал к переборке, как ракушка к днищу корабля. Отдирали его потом скребком.

Но капитан корабля – это было не самое страшное на «Котле». Что было страшнее – вы, наверное, догадались. Конечно же, это старпом Зайцев. Как он уцелел в предыдущей чистке (когда была комиссия из ЦК), остается только догадываться. Но факт остается фактом:

Зайцев оказался живее всех живых. Мало того – он стал еще злее, чем был. Старпом ничего не понимал в ПВО и прочих службах, но хорошо ориентировался в прическах и в уставной форме одежды. Горе было тому моряку, кто был плохо пострижен или одет не по уставу. Поэтому, когда Старпом делал обход корабля, все здравомыслящие моряки старались не высовываться из кубрика. И это касалось также штабной команды. Хотя и у штабников появился черт в одежде мичмана. На эскадру вместе с «Котельниковым» пришел новый мичман – Федор Петрович Пшенкин.

Такого служаку, как Федор Петрович, еще надо было поискать. Главная его задача в штабе эскадры была угодить вышестоящим офицерам. И делал он это одним способом – Пшенкин всех закладывал. Абсолютно всех. Начиная с простых матросов и кончая своими друзьями мичманами. Причем делал это без угрызения совести, с огромным наслаждением. Про него можно было сказать, что этот человек родился стукачом. Его ненавидела вся штабная команда, но сделать ничего с ним не могли. Пшенкин был другом Начальника Политотдела эскадры. А быть его другом - это было то же самое, что быть избранным. Вот и приходилось всем терпеть этого гнилого человечка. Леше и его товарищам еще повезло, что он был мичманом группы ГМС, а не ПВО.

6

25 марта вышел приказ министра обороны об увольнении и призыве военнослужаших. Это знаменательное событие означало для Переверзнева и его товарищей, что они превратились из карасей в полторашников. А на флоте существовала традиция, как только выходил приказ министра, в тот же день всех новоявленных полторашников обливали водой. Это было своего рода посвящением. Солдат - черпаков (кто

отслужил год) били пряжкой по одному месту, а моряков обливали. Все-таки моряки оказались культурнее и цивилизованнее сапогов (солдат – морск. разговорн.).

Быть мокрым намного приятней, чем побитым и пристыженным. И когда на Алексея вылилось несколько кандейек (ведер) воды, он был очень счастлив. На нем не было сухого места, но, несмотря на это, лицо его светилось от счастья. Еще бы, Переверзнев стал настоящим полторашником. Это означало конец мучениям и трудностям – вечным спутникам молодых матросов. Для него наступил новый этап в службе, он стал наставником молодых. Правда, для этого счастья оставалось дожидаться ухода с корабля годков. Но это было делом времени. Сам факт произведения карасей в полторашников произошел. И после этого дня Леха и его друзья стали ходить по кораблю, слегка задрав носы.

С этого момента им разрешили играть в «козла». Для тех читателей, кто не представляет, что такое игра в «козла», - объясню: это игра в домино.

Домино и корабль - две вещи, которые нельзя представить отдельно. Корабль, на котором команда не играет в «козла», - это не корабль. Он обречен на гибель. Ну, а домино без корабля - это как суп без тарелки. Почему суп? А просто так, как хочу, так и сравниваю.

Моряк, отслуживший свои полтора, моментально становится фанатом этой игры. Почему? Да потому, что у него появляется много свободного времени. А чтобы это время убить, приходится играть в домино. Со временем он втягивается в это занятие и заражается им. Через пару месяцев тренировок его уже не оторвать от бака (стола), где играют. Но если вы думаете, что играть в домино очень просто, вы глубоко ошибаетесь. Игра в домино - это не только простое составление одинаковых камней, нет, это целая философия. И хорошо играть в эту игру может не каждый. Самое позорное во время игры

- это получить от противника (а играют там два против двух) сопливого. Это когда противник заканчивает пустышкой. Ну, а сверхунижение – получить адмирала. Когда заканчивают одновременно пустышкой и шесть-шесть. Это удастся, увы, не всем и очень редко бывает. Чтобы достигнуть этого, многие игроки придумывают всякие ухищрения. То есть показывают партнеру, какие у них камни, с помощью моргания. Что само собой рискованно. Потому что, войдя в азарт, некоторые игроки не контролируют себя. А не контролирующий себя человек хуже старпома. И нередко бывало, что такая безобидная игра заканчивалась настоящей дракой.

Переверзнев вначале тоже пробовал играть в козла, но научиться не смог. К сожалению, его мозг не справлялся с таким огромным количеством цифр, а без этого в домино трудно играть. Поэтому вскоре он это занятие забросил и в свободное время предпочитал позагорать на баке.

7

В апреле в точку 52 прибыл СКР «Волк» – сторожевой корабль старого проекта из города Поти. Кроме этого корабля в этом порту стояли его копии СКР «Куница» и СНК «Лиса». Но в отличие от «Волка», они так и остались там. А этому кораблю повезло. Он впервые в истории этих проектов вышел в Средиземное море. В первый шторм на нем случилось ЧП. Не успев вовремя поднять якорь, он его потерял. Сильный ветер попросту сорвал якорь. Казалось, что тут такого – подумаешь, какой-то якорь. Но не все так просто. Чтобы вернуться в Советский Союз и благополучно пройти проливы по правилам, на корабле должно быть два якоря на баке (нос корабля). И если одного якоря не хватает, то турецкие власти штрафуют Советский Союз. И потеря якоря на «Волке» поставила перед ко-

мандиром корабля неразрешимую задачу. От решения которой зависела судьба командира. Но русская смекалка в очередной раз доказала, что обмануть капиталистов очень легко. Так как достать якорь было невозможно, а отлить новый тем более, командир корабля приказал сделать деревянную копию. И к концу боевой службы в Средиземке точный макет был готов. Его покрасили черной краской и поставили на место. С таким вот деревянным якорем сторожевой корабль «Волк» благополучно прошел проливы и прибыл в родной порт. И как его ни фотографировали турки в Босфоре, до их мозгов не дошло, что вместо якоря на левом борту стоял деревянный макет. Весть об этом обмане быстро разнеслась по эскадре. И все моряки долго смеялись над капиталистами, хваля советскую находчивость и смекалку. Командир корабля после этого случая получил повышение и был отправлен на другой корабль высшего ранга.

Но еще до этого случая на Средиземном море прошли военные учения. В нем, кроме «Котельникова» и «Волка», приняли участие корабли охранения – эсминец «Харьковский комсомолец», боевой противолодочный корабль «Украинский комсомолец» и подводная лодка. Учения проходили совместно с Ливией в ее территориальных водах недалеко от Триполи. Задачей учений была атака подводной лодкой корабля. Причем лодка должна была поразить цель учебной торпедой. С Ливийской стороны было в составе эскадры два старых, подаренных Советским Союзом ракетных катера. Все было хорошо, но как всегда в конце случилось небольшое ЧП. Учебная торпеда, пущенная с лодки в БПК «Украинский комсомолец», почему-то не всплыла. И после учений еще несколько часов корабли эскадры крутились в квадрате в надежде отыскать ее. Но все было напрасно. Болванка навсегда осталась в водах

Средиземки.

В Триполи команда эскадры на берег не сходила, а после учений в составе кораблей охранения отправилась в точку № 3. Точка находилась неподалеку от острова Кипр. Эскадре предстоял большой переход.

Несколько суток корабли двигались к месту назначения. Море было спокойное, погода отличная, и переход для новоявленных полторашиков превратился в настоящую морскую прогулку. «Котельникову» оставалось сутки до точки, когда вдруг случилось несчастье. Страшный случай произошел на эсминце «Харьковский комсомолец». Там пропал молодой матрос. Пропал поздно вечером, но узнали об этом только утром, на построении. Вскоре на всех кораблях сопровождения стало известно о происшествии. Оказывается, накануне того злополучного вечера молодой матрос Андрей Хлопков был в кубрике бачковым. А первое, о чем должен заботиться бачковой – это лук. Лук на баке должен быть каждый день. Вот и отправился Андрей за ним на камбуз. Знакомый кок дал ему несколько больших луковиц, которые Хлопков засунул в карманы. Но луковицы были довольно большие, поэтому карманы стали выпирать. И вот на шкафуте Андрею повстречался старпом капитан-лейтенант Мальцев. Он, глядя на оттопыренные карманы матроса, приказал показать, что в них. Хлопков достал три больших луковицы. Мальцев, увидев содержимое карманов, пришел в ярость. Он сделал построение всей боевой части, в которой служил Андрей. На построении старпом долго говорил о воровстве, честности, политике партии, а в конце приказал вместо сна всей БЧ (боевая часть) драить палубу до часу ночи. Перед отбоем годки позвали попавшегося старпому карася и побили его. Потом дали ему швабру и сказали:

– Будешь драить палубу один до утра.

Хлопков послушно взял швабру и отправился на

шкафут. Боль и обида захлестнули его душу полностью, а это наказание было той каплей, которая переполнила чашу терпения Андрея. Он не смог справиться со своими мыслями – к сожалению, психологов на кораблях не держут. Постояв несколько минут на шкафуте и глядя на пробегавшие под ним волны, Андрей решил покончить с собой. Бросив сначала в море проклятую швабру, он перевалился через борт.

Напрасно эскадра на следующее утро пыталась в течение всего дня искать матроса. Морская пучина его не отдала. Весна 1984 года стала последней в жизни моряка Андрея Хлопкова. Родные не смогли даже почеловечески его похоронить. Шел 67-ой год развитого Социализма. Системы, для которой одним из главных лозунгов был: «Учиться военному делу – настоящим образом» – таким образом, от которого одни погибали в Афгане, другие вешались, а некоторые прыгали за борт.

Так и не найдя моряка, корабли легли на прежний курс. На следующее утро «Котельников» прибыл в точку №3. Но перед самым прибытием у него произошла незапланированная встреча с американским авианосцем «Эйзенхауэр». Причем авианосец подошел совсем близко к кораблям эскадры. Встав напротив «Котельникова», он стал показывать советским морякам мощь капиталистической военной машины. С корабля один за другим стали взлетать палубные истребители и штурмовики.

Леха вместе с Гансом выбежали на ют посмотреть на настоящий авианосец. В это время с него поднялся противолодочный вертолет «Си Кинг». Сделав несколько круговнадсоветскими кораблями, он завис над «Виктором Котельниковым». На вертолете открылась дверь, и из нее показалось лицо самой угнетаемой национальности в Америке – негра. Негр достал видеокамеру и стал снимать советских моряков. Для чего он это делал – никто не знал.

Все, кроме Ганса, смотрели на негритоса с открытыми ртами. Но Ганс не испытывал особой симпатии к неграм. К тому же, ему не понравилось поведение именно этого негра. Поэтому он достал из кармана не съеденное после обеда яблоко и резко (чтобы не увидели офицеры) кинул прямо в снимавшего их военного. Если бы Ганс не попал на флот, он наверняка бы стал снайпером – меткости его можно было позавидовать. Яблоко угодило прямо в лоб «киномеханику». От неожиданности негр выпустил из рук камеру и она эффектно полетела вниз. Через мгновение ее «скушало» море. Американец испуганно посмотрел на стоявших под ним моряков, потом что-то резко крикнул пилоту и захлопнул дверь. «Си Кинг» стал удаляться от корабля. После того, как он сел на свой корабль, на юте «Котельникова» появился особист (офицер из особого отдела, который искал шпионов и предателей, а также неблагонадежных). Особист сразу же стал искать среди толпы того, кто кинул яблоко. Гансу и Лехе ничего не оставалось сделать, как поспешно и незаметно удалиться с юта. Потому что встреча с капитаном третьего ранга особого отдела ничего, кроме неприятностей, не сулила.

Через полчаса авианосец двинулся дальше, наверное, командование решило, вдруг эти русские вместо яблока в них ракету запустят. Тогда третья мировая начнется, а в ней победителей не будет. Едва «Эйзенхауэр» скрылся за горизонтом, «Котельников» включил винты и двинулся дальше. Многие матросы эскадры были счастливы. Еще бы, им удалось сфотографировать для альбома один из самых сильных кораблей НАТО. А особист так и не смог вычислить, кто кинул яблоко. Многие видели, кто кидал, но не сказали ни слова чекисту. Потому, что на флоте стукачество было не в почете. Более того, среди срочников стукачей не наблюдалось. Слабость матросам иногда прощали, но воровство и стукачество – никогда.

Глава 5 Крейсер «Киев»

1

Счастливы те, кого ждут –
Обидно тем, кого забыли.
(Из фотоальбома)

В точке №3 эскадра пересела на очередной корабль. Состав эскадры за время пребывания в море уже привык к пересадкам. Но сейчас было что-то особенное. Это была пересадка на один из трех советских авианосцев – ТАКР «Киев». ТАКР – тактический авианесущий крейсер. Таких огромных кораблей больше не было во всем Советском Союзе. Не только матросы, но и многие офицеры были удивлены размерами этого корабля. Перед пересадкой случилось одно знаменательное событие. Ганс получил отпуск, а гражданским объявили, что они

останутся на «Котельникове» и после пересадки эскадры на «Киев» вместе с «Котлом» отправятся домой. Радости их не было предела. Полторашники очень обрадовались этому событию. Еще бы – после схода гражданских они станут на голову выше карасей.

И вот настал день пересадки. Так как пришвартоваться «Котельников» к «Киеву» не мог из-за больших размеров крейсера, то пересадка проходила с помощью баркасов. Это мероприятие длилось довольно долго и затянулось на целый день. Только к вечеру все группы штаба перебрались на крейсер. На «Котельникове» остались одни гражданские и счастливый Аболтыньш. Хотя совсем счастливым назвать его было трудно. Отпуск он получил, но одновременно с приказом ему пришло письмо от матери. Мама сообщила, что его любимая девушка выходит замуж. Это была типичная ситуация для моряка, но Ганс воспринял все очень близко к сердцу. И теперь, с одной стороны, он был рад, что едет домой, а с другой – его грызла обида на свою возлюбленную, которая не дождалась всего каких-то пару недель.

ТАКР «Киев» по своим размерам оказался настоящим городом на воде. Команда «Киева» состояла из нескольких тысяч человек, и можно примерно догадаться, сколько там было помещений. Были такие случаи, что два земляка из одной деревни, попав служить на «Киев» и прослужив там три года, узнавали об этом только дома. А незнакомый человек, попавший на крейсер, спокойно мог заблудиться на нем. Поэтому штабникам дали сопровождающего, чтобы он отвел их в кубрик. Сопровождающий – подгодок долго водил по кораблю штабников, но кубрик найти никак не мог. Только через час непрерывного поиска кто-то из местных моряков показал, куда надо идти. Кубрик был найден. Штабники стали располагаться на новом месте. А место оказалось просто отличным. Здесь было все новое, в каждом кубрике дул холодный воздух. Что

само по себе в условиях средиземноморской жары было здорово.

Первый подъем штабной команды не получился. Вернее, встали с люлек все, а вот выбраться на верхнюю палубу, где шла физзарядка, они не смогли. На крейсере было шесть палуб. Это как шесть этажей в доме. Штабники долго блуждали по ним, но так и не нашли выхода наверх. Только после обеда они сориентировались и смогли найти выход. Но начальники групп все равно сделали им замечание за пропущенную физзарядку.

Пост группы ПВО оказался почти таким же, как на «Кирове». Поэтому нести дежурство Лехе и его друзьям было легко. И не только легко, но и интересно. На крейсере находилось 11 штурмовиков с вертикальным взлетом и около двадцати противолодочных вертолетов.

Прибыла эскадра на «Киев» не просто так – в Средиземке должны были пройти военные учения, в которых планировалось задействовать все корабли эскадры. Главная задача учений – уничтожение Американского авианосца «Дуайт Эйзенхауэр». Уничтожение, естественно, условное. Поэтому с первого дня на крейсере началась серьезная подготовка к предстоящему походу в район Бейрута, где в это время дежурил авианосец. Киев стал подобен муравейнику, где все постоянно находилось в движении. И только в обед становилось немного спокойней, потому что обед у моряков – это святое. В обед моряк должен обязательно спать или отдыхать.

В один такой обед матросы эскадры после сна решили покурить. Но место для курения находилось далеко на юте. Желание же покурить было огромное, и поэтому, несмотря на расстояние, они двинулись на корму. На юте кроме них оказались местные моряки. У штабников

боевой номер начинался на букву «Ш» (каждая боевая часть на кораблях отмечалась номером на переднем верхнем левом кармане рубы, например Ш-6-1 – это означало: Ш – штабная команда, 6 – группа ПВО, 1 – порядковый номер матроса). Но на «Киеве» еще служили матросы морской авиации. Они обслуживали самолеты и вертолеты. И у них тоже номер начинался на букву «Ш» – штурмовая эскадрилья. Форма у «летчиков» была морская, но служили они всего два года. И это обстоятельство очень огорчало и злило матросов крейсера. Они-то служили три года. Поэтому летчиков корабельные матросы, мягко говоря, ненавидели и при встрече в узком проходе всегда старались задеть плечом или толкнуть. И звали их «кузнечиками».

И увидев на юте штабников и приняв их за “кузнечиков”, местные матросы пришли в ярость. Буква «Ш» на кармане штабников подействовала на них, как красная тряпка на быка. Они были в шоке от наглости зеленых «кузнечиков». И один из них грозно закричал на штабников:

– А ну, кузнечики, свалили с юта, пока ваши яйца за борт не улетели!

Такого наглого обращения к себе штабники простить местным матросам не могли. Их, пробывших в море два с половиной года от звонка до звонка, какие-то салаги, впервые вышедшие из ремонта в открытое море, обозвали кузнечиками. Это было слишком. Моментально все штабники, сжав кулаки, двинулись на своего обидчика. На «Киеве» назревала драка. И она бы наверняка состоялась, если бы кто-то из стоявших моряков не крикнул:

– Да нет, это не кузнечики, это ребята с эскадры.

После этого матрос, который так нагло кричал на штабников, моментально изменился в лице. И когда его обступили злые годки эскадры, поспешно стал

извиняться за причиненный моральный ущерб. В конце концов ссора через несколько минут превратилась в дружескую беседу. А ведь могла случиться настоящая драка. На флоте нет более ужасного оскорбления, чем обозвать моряка «сапогом» или «кузнечиком». За это можно моментально получить по физиономии.

Через пару дней весть о том, что на крейсере находятся штабники, облетела весь корабль. После этого корабельные матросы уже так сильно не толкались в проходах – была вероятность нарваться на штабника.

2

Несмотря на эти нюансы, Лехе крейсер очень понравился. Он был большой и современный. Взлетная полоса была размером со стадион. Поэтому физзарядка была очень интересной. Она проходила под музыку

оркестра, который стоял в середине, а вокруг него бежали моряки. После стольких дней бега на месте это мероприятие очень нравилось Переверзневу. Еще бы, он мог бежать настоящим бегом – разве это не счастье? Это было больше, чем счастье – просто блаженство.

Все-таки как странно устроен человек. Живет себе, живет, имея множество благ, а попробуй, отними у него частицу того, что было каждый день. Продержи без этого какое-то время, потом верни обратно – и вот он уже безумно счастлив. И ничего ему больше не надо – только пробежаться по-человечески. Вообще, кроме бега, на «Киеве» еще можно было играть в футбол и волейбол. При этом была маленькая опасность потерять мяч за бортом, но все равно играли. Самым же популярным видом спорта на кораблях эскадры был волейбол. В него играли на всех коробках (корабль – разговор.). А проблему потери мяча решали очень просто – мячик привязывали леской к центру сетки. Поэтому он никогда не вылетал за борт. Чего только не придумает моряк от скуки!

Едва оказавшись на крейсере, Леша с друзьями горели одним желанием – посмотреть, как взлетают палубные штурмовики ЯКи с вертикальным взлетом. Но это было большой проблемой, потому что во время полетов на корабле играли тревогу, а во время тревоги ходить по кораблю строго запрещалось. И если кого-то ловили, то записывали и отправляли вечером на строевые занятия. А маршировать два часа морякам не очень-то хотелось. Но как всегда желание победило страх. Однажды во время полетов Алексей, Иван Пэдуре, Сергей Буцулько и местный моряк Николай Михайлов вышли незаметно на надстройку. В это время один из штурмовиков сел на палубу. Он подобно коршуну завис над кораблем, как бы готовясь на него напасть. Тень от его крыльев двигалась по палубе, похожая на угрожающую фигуру из анимационной картины. Звук двигателей так заложил

уши, что казалось, лопнут барабанные перепонки. И вот он медленно стал садиться на палубу. Рев усилился. Леша с друзьями уже не могли терпеть такого шума и закрыли уши ладонями. Наконец колеса самолета мягко коснулись железной палубы, двигатели стихли. Моментаально к самолету выбежал обслуживающий персонал. Ребята были в восторге от того, что увидели.

Но тут Сергей Буцулько почувствовал в голове какой-то равномерный писк. Причем писк шел откуда-то сверху. Буцулько поднял голову и увидел над собой огромную работающую антенну. Это был «Флаг» (название радиолокационной станции). Он показал рукой на антенну и закричал:

– Радиация!

Через пару секунд моряков на надстройке уже не было. Получить дозу радиации никто не хотел. И хотя Алексей особо не знал, кто такая радиация и как она выглядит, но решил не отставать от товарищей. И поспешно удалился вместе с ними. Главное было сделано – Пэдуре успел сфотографировать посадку самолета, а значит, в их будущий альбом добавится еще одно уникальное фото.

На следующий день «Киев» снялся с якоря и вместе с кораблями охраны направился в восточную часть Средиземного моря. Во время перехода эскадра проводила учения по стрельбе, как бы готовясь к своему главному заданию – условному уничтожению атомного авианосца «Эйзенхауэр». Авианосец находился на боевом дежурстве в нейтральных водах неподалеку от Ливана. В Ливане в это время шла настоящая война. Ну а там, где война, там пахнет большими деньгами. А где пахнет деньгами, туда обязательно влезут американцы. Не могут они жить спокойно, все им мало, все хотят прибрать к своим рукам. При этом делают это открыто и нагло, прикрываясь доброй миссией. И если бы не Советский

Союз, то наверняка они бы правили половиной мира. Для Америки СССР был как кость в горле. Он всегда мешал им господствовать. В промышленности Америка опережала Советский Союз, но в вооружении этого не наблюдалось. Хотя американцы вели себя нагло при встречах с советскими кораблями – показывали голый зад и прочие части тела, но все равно они боялись русских. Дальше показов своих интимных мест дело не доходило. Видно, дядя Никита Хрущев здорово напугал их во время Карибского противостояния, когда могла действительно начаться третья мировая война. А все эти жесты отчаяния американских моряков только усиливали неуважение к ним со стороны русских. Бывали случаи, когда смелые капитаны во время облета американским самолетом корабля приказывали вести их ракетными комплексами. То есть, из шахты поднимались ракеты и вели самолет – следили за ним. После этого в радиусе сорока километров больше никто не летал. Но это делали только смелые офицеры. Другие просто боялись вышестоящего начальства.

Подойдя к берегам Ливана, «Киев» успешно провел операцию по «уничтожению» противника. «Эйзенхауэр» был «уничтожен», причем Леха Переверзнев принял в этом активное участие, дежуря на вахте во время учений. Сам командир эскадры зашел в пост и поздравил всех с успешным завершением учений. А Алексею Переверзневу за отличное ведение воздушных целей и своевременный четкий доклад был объявлен отпуск с выездом на Родину. После чего Леха не мог прийти в себя несколько часов. Он и представить себе не мог, что скоро будет в Трофимовке и увидит девушку своей мечты – Аню Молотову. Мысли о предстоящей встрече с родными и близкими захлестнули душу матроса Переверзнева. И ночью, сменившись с вахты, он еще долго не мог заснуть, а все смотрел на фото Ани, которое еще на гражданке выменял у ее младшего

брата на шоколадку. После учений эскадра направилась обратно в 52-ю точку. Но где-то на середине пройденного пути в штаб пришло сообщение с подводной лодки, дежурившей в районе острова Сардиния. Там у молодого матроса лопнула селезенка. Сама она, конечно, лопнуть не могла, постарались годки – видно кто-то ударил матроса ногой в живот. Но сейчас это было не важно. Матросу срочно требовалась операция. А ее мог сделать только один человек – главный врач штаба эскадры подполковник Филатов. Случись такое происшествие сегодня, никто, наверное, не спас бы этого бедного моряка. Ведь до Сардинии было очень далеко. Но это было в советское время, а тогда командир эскадры принял единственно правильное решение – он приказал поменять курс и двигаться к подводной лодке. Крейсер на всех узлах помчался спасать человеческую жизнь. Дорога была каждая минута. К черту пошла боевая готовность – человеческая жизнь оказалась ценнее противостояния двух систем. И «Киев» успел вовремя – матрос был еще жив. Филатов успешно сделал операцию, да по-другому он и не смог бы. На флот врачей брали только лучших. Все эти дни весь состав кораблей жил только одной мыслью – успеть спасти матроса. Странное явление того времени - на фоне жестокой годковщины, заставлявшей людей вешаться и топиться, - сострадание к незнакомому карасю. Загадочный народ - моряки. Непредсказуемый.

После операции эскадра отправилась в Селивановку. Самое главное было сделано – жизнь моряка была спасена. По ходу продвижения в точку корабли провели еще ряд учений: сделали дозаправку топливом на ходу и постреляли из орудий. Прибыв в точку, они стали готовиться к дружественному визиту в Алжир.

В то время, когда Леха и его друзья подготавливались к встрече с алжирцами, Ганс с гражданскими прибыл в Севастополь. В Севастополе, сойдя с «Котельникова», группа моряков отправилась на вокзал, чтобы на электричке доехать до Симферополя. Потому что только из Симферополя можно было добраться до остальных городов Советского Союза, где жили ребята. Севастополь был закрытым военным городом, поэтому поезда напрямую в другие города из него не ходили. И вот в Симферополе, на железнодорожном вокзале, Аболтыныш вместе с гражданскими: Александром Ашихминим, Сергеем Федоровым, Андреем Бойко и еще одним матросом из группы Управления стояли на перроне и ждали поезд. До отправления поезда оставалось еще четыре часа. Моряки сели на скамейку и закурили. Ганс решил бросить курить, поэтому отошел от сослуживцев немного в сторонку, чтобы не дышать дымом. И тут к нему подошел незнакомый мужчина. Поздоровавшись с Аболтынышем, он тихо спросил:

– Моряки, девочку не хотите? Недорого. Есть водочка к ней.

Ганс, немного растерявшись, но вскоре сообразив, о чем разговор, ответил:

– Сейчас ребят спрошу.

Он подошел к гражданским, спросил:

– Эй, мужики! Там нам бабу предлагают купить. Будем брать?

Ответ последовал мгновенно и от всех одновременно:

– Будем!

Незнакомец, услышав положительный ответ, подошел к Гансу и тихо сказал:

– Там, перед вокзалом, стоит мое такси, товар в нем.

Потихоньку залезайте в машину, поедем за город. Девка стоит полтинник, водка – чирик (десять рублей).

Как только мужчина ушел, моряки двинулись к такси.

В машине уже сидела обещанная девушка. Это была молодая, симпатичная девчонка лет двадцати. Одета она была в короткую юбку и кожаную куртку, под которой не было ничего, кроме бюстгалтера – у каждого своя спецодежда.

Моряки залезли в машину, правда, пришлось Федорову взять на колени проститутку, но, судя по выражению его лица, он даже был этому рад.

Через двадцать минут машина остановилась в небольшом лесу, на окраине города. Выйдя из такси, моряки достали деньги и дали таксисту 50 рублей за девушку и 30 на водку. Таксист сосчитал деньги, вытащил из багажника три бутылки водки и протянул морякам. Сделав наспех на земле стол и усадив возле себя проститутку, они решили для смелости выпить. Пропустив по полстакана холодной водки (а погода, несмотря на весну, была прохладной), стали решать, кто будет первым утолять голод. А так как женщин они не видели длительное время, то этот вопрос оказался очень сложным. Не терпелось всем. Через пятнадцать минут перебранки очередь была обнародована. И конечно, Ганс оказался последним: сказался срок службы. Первым был выбран Александр Ашихмин. Он взял девушку за руку и повел в машину. Сев с ней на заднее сидение, стал ее раздевать. Это оказалось очень непростым делом. Пуговицы от волнения не расстегивались. Поэтому после того, как он снял с нее одежду, прошло довольно много времени. Когда Ашихмин расстегнул свои штаны, ему уже стало ничего не нужно. Ему было уже хорошо. И чтобы не задерживать очередь, Саша с унылым выражением лица вылез из машины.

Бойко ворвался в салон, как танк. Не снимая бушлата, он расстегнул штаны и принялся за дело. Но пуговицы на бушлате были холодными. Поэтому при каждом прикосновении к ним своим телом проститутка визжала, как резаная.

Но Бойко даже не обращал на это никакого внимания. Он не видел и не пробовал женского тела два года. Через полчаса друзьям пришлось вытаскивать его из машины силой, потому что сам он выходить не собирался.

Что было потом, я из уважения к читателю описывать не буду. Могу только сравнить все это с едой. Представьте себе, что вы не ели месяц, а потом вам принесли много вкусной еды. Представили? Тогда вам ясно, что было с девушкой потом.

Таксист, глядя на это зрелище, сначала смотрел очень внимательно, потом удивленно, затем стал улыбаться. Когда весь этот цирк закончился, он лежал на траве и хохотал до слез. Нет, он действительно плакал от смеха. А когда девушка вылезла из такси, чтобы выпить водки, вся испачканная, с непонятым удивлением на лице, таксист стал задыхаться от смеха. Только глоток водки вернул парня в прежнее состояние. Придя в себя, он достал из кармана 50 рублей и отдал их морякам, при этом сказав:

– Ребята! Я в жизни так не смеялся. Забирайте свои деньги, и спасибо за то, что так меня развеселили. А с ней я потом рассчитаюсь.

– Да, Валя?

Валя только кивнула и выпила залпом полстакана водки. Посидев еще полчаса на природе, ребята поехали обратно на вокзал. Впереди их ждало расставание – каждому надо было уезжать в свою сторону. Вероятность того, что на гражданке они встретятся, была минимальной.

Первым покинул Симферополь Аболтыньш. Он попрощался с гражданскими и сел в скорый поезд Симферополь – Рига. Положив вещи в своем купе, после того как тронулся поезд, он поспешил в вагон-ресторан. Причина для этого была серьезная. Как вы помните, его бросила девушка. И, судя по его подсчетам, он опоздает на свадьбу на один день. А жаль, Ганс был полон желания прийти туда незванным гостем и поздравить молодых. Но, увы, судьба распорядилась по-другому. Поэтому свою обиду он решил залить вином. Слава богу, деньги у него были. В Севастополе он получил морские рубли – боны. Один морской рубль на черном рынке равнялся одиннадцати советским рублям. А у него их было десять. К тому же Гансу дали еще сто двадцать рублей советских. В общем, он оказался богатым человеком. И всю дорогу до Риги Аболтыньш заливал горе горькой. Жизнь, казалось, для него кончилась. Единственный человек, кому он верил и которого любил, жестоко бросил его. А ведь все, что он пережил и испытал – все это делал ради нее. Когда его били и унижали, он представлял перед собой лицо любимой, сжимал кулаки и говорил про себя:

– Я люблю тебя! И я вернусь к тебе. Чего бы мне это ни стоило!

И вот теперь та, ради которой он терпел все эти трудности, так безжалостно предала его. Обидно.

Весь отпуск прошел у Аболтыньша в полупьяном сне. На третий день пребывания в своем городе он решил поздравить чужую невесту. Выпив дома с другом Гешей пару бутылок вина, он вытащил из вазы искусственные цветы и побрызгал их духами.

– Зачем ты это делаешь? – спросил в недоумении Геша. – Ты что, не можешь купить настоящие цветы?

– Какая любовь – такие и цветы, – зло ответил Ганс и вышел из квартиры. Подруга жила с ним рядом, в доме напротив. Поэтому через пять минут он уже

стоял у ее дверей с букетом искусственных роз.

Дверь открыла «теща». К удивлению Аболтыньша, она очень обрадовалась встрече и даже пригласила его в гости. Но Ганс заходить не стал, всунул ей цветы и сказал:

– Передайте Оксане, за всю ее безграничную любовь!

И, не дожидаясь ответа, быстро стал спускаться по лестнице. «Теща», так ничего и не поняв, в недоумении осталась стоять с букетом искусственных роз.

Свою возлюбленную Аболтыньш до конца отпуска так и не увидел. Она после свадьбы сразу же уехала к мужу, в другой город. Отдохнув две недели дома, Ганс отправился назад в эскадру. Прибыл он на корабль только в июне, так как больше месяца просидел в Севастополе, пока ему оформляли документы в Средиземку.

4

С того момента, как ему объявили отпуск, Леха Переверзнев с нетерпением ждал прибытия Ганса. Командир группы пообещал ему, что как только прибудет Аболтыньш, Леха сможет отправиться домой. И когда «Киев» встал на рейде в порту Алжира, даже это обстоятельство не подняло ему настроение. Каждую вахту Переверзнев представлял свое возвращение в родную Трофимовку. Он жил одной мыслью – «скорей бы приехал Ганс». Но Аболтыньш, как назло, не возвращался. И только сход на алжирский берег немного развеял тоску Переверзнева.

В Алжир «Киев» зашел с дружественным визитом. Поэтому командование решило организовать морякам культурную программу. Группы моряков по тридцать человек возили в музей освобождения Алжира. Леша поехал со всеми штабниками. До этого он взял

фотоаппарат группы ПВО и попросил Буцулько зарядить его пленкой. Буцулько охотно это сделал. Заодно он показал Лехе, как с ним работать.

Наутро Леха в приподнятом настроении поехал в город. Музей освобождения оказался очень красивым, как внутри, так и снаружи. Это была огромная стела, с трех сторон которой стояли статуи людей с оружием. У первых двух были винтовки в руках, а у третьего - автомат Калашникова. На это сразу же обратили внимание моряки. Мгновенно гиду (а моряков сопровождал алжирец, который хорошо знал русский язык) был задан вопрос:

– Что означают эти три статуи?

– Это, – несколько смутившись, ответил гид, – Это алжирские военные. Первый со старым оружием, второй уже с оружием более новым.

– А третий, третий с чем в руках? – дружно спросили моряки.

Третий - с совсем современным оружием, – закончил гид и предложил пройти внутрь музея.

Морякам ничего не оставалось, как следовать за ним. Нужного ответа матросы так и не дождались.

Музей освобождения Алжира оказался очень интересным. Там было много фотографий и оружия освобождения. Оружия, с помощью которого алжирские партизаны свергли французских колонизаторов. Хотя после этого продолжали поддерживать дружескую связь с Францией. Перед «Киевом» в Алжир заходил с таким же визитом французский авианосец «Фош».

Леха первый раз увидел на фотографии алжирских партизан. И к своему удивлению понял, что алжирские партизаны полностью отличались от советских партизан своим видом. На фотографии местные партизаны стояли возле верблюда, на бархане, в черных очках, с пулеметами и автоматами наперевес. Тот, кто смотрел фильм “Рэмбо”, поймет, что алжирский партизан - это

вылитый Сильвестр Сталлоне.

Из оружия Алексею очень понравился пистолет. Он лежал под стеклом, такой красивый, чистый, а на рукоятке была надпись: Made in USA. Переверзневу очень захотелось подержать его в руках, и он долго стоял возле стенда, разглядывая оружие освободителей. Пока к нему не подошел незнакомый мужчина и на чистом русском языке сказал:

– Проходите дальше, молодой человек, не стойте на одном месте – не положено.

По тону его разговора Леха сообразил, что это, наверное смотритель музея. Поэтому тут же пошел догонять своих сослуживцев.

Но этот человек был не смотритель, а агент КГБ, который специально следил за моряками, чтобы вовремя пресечь какой-либо инцидент.

После музея экскурсия продолжалась прогулкой по городу. Алексей во время прогулки старался сфотографировать все, что только можно. Когда он еще попадет в Алжир, да и попадет ли вообще. Поэтому к концу прогулки пленка была полностью отснята. И тут Переверзнев сделал большую ошибку в своей жизни. Он решил перемотать и поменять пленку сам. И когда решил, что перемотка окончилась, Леха открыл крышку «ФЭДа». Но пленка не перемоталась, поэтому тут же засветилась. В это время раздалась команда заходить в автобус. Алексей в подавленном состоянии сел на свое место. Все его труды, а главное - уникальные кадры экскурсии навсегда были уничтожены. Ком встал в горле Переверзнева, ему захотелось заплакать. Но статусы полторашика и моряка не позволяли этого делать. Всю дорогу обратно Леха молчал. Он злился сам на себя и проклинал тот момент, когда решил открыть крышку фотоаппарата. Уникальные кадры пребывания в столице Алжира первого в истории моряка из Трофимовки

безжалостно уничтожил дневной свет.

5

Простояв на рейде в Алжире неделю, авианосец снялся с якоря и отправился в точку № 5, которая находилась недалеко от Ливийского города Бенгази. Там эскадре предстояла очередная пересадка на еще одну плавбазу северного флота - «Дмитрий Галкин». Он прибыл специально под эскадру из базы подводных лодок Полярный. Галкин был полной копией «Видяева».

После успешной пересадки моряков на плавбазу «Киев» и корабли охранения отправились назад на Северный флот. «Галкин» должен был уйти в «Селивановку» (Т-52), но случилось большое происшествие. Советская атомная ракетная подводная лодка случайно врезалась в советский же сухогруз. Произошло все это из-за халатности матроса. Лодка только прибыла в Средиземное море и, пройдя Гибралтар, спокойно направлялась в район своего квадрата. Капитан подлодки приказал изменить глубину. Он запросил штурмана, есть ли над ними корабли. Но моряк, сидевший за экраном станции, включил шкалу обнаружения надводных целей на 50 миль, а надо было на 25. А если смотреть в пятидесятимильную шкалу, то кораблей, находящихся над лодкой, не видно. И всплывая, подлодка врезалась носом в борт советского сухогруза, везущего зерно из Канады. Слава богу, что у нее не сдетонировали торпеды, и она осталась невредимой. Только двигаться под водой не могла – все навигационные приборы были повреждены. Поэтому, проплыв под водой несколько миль вслепую, она послала запрос командованию эскадры, что делать дальше.

Советский сухогруз, получив пробоину, дал большой крен. Экипаж решил, что они подорвались на mine. Все моряки пересели на шлюпки, послав перед этим в эфир

сигнал “SOS”. Первым подоспел испанский корабль, он-то и спас всех советских моряков. А лодка, получив приказ в надводном положении двигаться в точку №3, всплыла и медленно пошла в место назначения. Что после этого творилось в Средиземке, трудно описать словами. Еще бы, советский атомоход потерпел аварию! Это была сенсация! Противолодочные самолеты капиталистических стран кружились над лодкой днем и ночью. Все их СМИ только об этом и твердили. А лодка пришвартовалась к флагману и стала ждать комиссию из штаба Черноморского флота. Через неделю прибыл начальник штаба ЧФ вместе с комиссией. Что стало с командиром лодки, никто не знает, но то, что это была его последняя лодка, все догадывались. Через две недели подлодка в сопровождении сторожевого корабля «Пылкий» отправилась на базу в Полярный. Только благодаря чистой случайности весь экипаж лодки остался жив, а ведь могло быть все иначе. Невнимательность и слабость на флоте – самые опасные враги. Порой самая маленькая оплошность может стоить жизни всему экипажу. Поэтому на флоте товарищество - это не просто слово, это - залог успеха. Несмотря на дикую годковщину, в критической ситуации годок, который бил молодого, не задумываясь спасет его ценой своей жизни. Поистине непонятный народ эти моряки – загадочный народ. До сих пор никто не может понять, что становилось с ними во время второй мировой войны, когда матросов с корабля отправляли на фронт. Горе было немцам, которые стояли на их пути. Смерть для моряка была пустяком по сравнению с тем, что он терял свой корабль. Закусив ленточку от «бески» (бескозырка – разговор.), они бросались под танки со связкой гранат, шли врукопашную, и никакая сила не могла их в этот момент остановить. Черная смерть – точнее не скажешь. Черная смерть – так прозвали немцы их во время Великой

Отечественной войны. Можно много говорить о заслугах советских моряков, о недостатках, но все равно понять их можно, только прослужив с ними и познав, что это такое – флотская служба. А когда на гражданке моряка спросят:

– Где ты служил?

Он с гордостью ответит:

– В Военно-Морском Флоте, на корабле! – Ему есть, чем гордиться – на флот всегда брали сильных и стойких. Слабый человек на корабле – это исключение.

6

Ганс прибыл в эскадру в начале июня. Окрепший и отдохнувший за время отпуска, он сразу же попал в объятия своих друзей. Естественно, больше всех радовался Алексей. Еще бы, теперь он мог спокойно готовиться к отпуску. Вместе с Гансом в штаб эскадры прибыли молодые матросы. Трое из них в группу ПВО. Но самым главным событием было то, что Аболтыныш сделал себе наколку на правом плече. Настоящую морскую татуировку. Все друзья с завистью поглядывали на нее. Через неделю в эскадре началась тату-мания. Моряки нашли человека, умеющего делать татуировки, и каждый день кто-то увековечивал на своем плече эмблему эскадры. Скоро почти половина матросов штаба гордо ходила с татуировками. Но вот однажды в обед на построение штабной команды прибыл сам начальник штаба капитан первого ранга Кулаков. Днем было жарко, и моряки стояли по пояс раздетыми. А так как Ганс был самым высоким из штабников – он стоял первым. И естественно, взгляд проходящего Кулакова упал на Ганса. И первое, что увидел начальник штаба, – это рисунок на плече. Он резко остановился. То же самое сделали сопровождавшие его офицеры. Кулаков подошел к Аболтынышу вплотную, схватил его за правую руку и,

показав пальцем на татуировку, спросил:

– Что это? Зачем ты это сделал, парень?

Ганс, вытянувшись в струнку, заикаясь, ответил:

– Виноват, товарищ капитан первого ранга.

Начальник штаба, не обращая внимания на ответ матроса, продолжил:

– Зачем, парень? Зачем? Ты знаешь, что во время войны немцы специально убивали тех, у кого татуировки. Они из их кожи абажуры для ламп делали. Ты тоже хочешь стать абажуром, парень? А?

– Никак нет, товарищ капитан первого ранга.

Но Кулаков не слушал Ганса, он уже почувствовал себя в роли учителя. Начальник штаба встал перед строем и обратился ко всем морякам.

– Вам ни в коем случае не стоит брать пример с этого недоделанного матроса. Я бы таким, как он, посоветовал наколоть у себя на груди большими буквами:

– Я У ПАПЫ И МАМЫ БОЛЬШОЙ ДОЛ.....Б

После этих слов Кулаков повернулся к офицерам и приказал:

– Переписать всех, у кого есть татуировки, и проверить, чтобы больше никто не делал эту гадость на своем теле. Кто ослушается – списать на берег к ядреной матери!

Когда офицеры во главе с Кулаковым ушли, в строю послышался смех. Смеялись над Гансом. Сам же виновник стоял по стойке смирно весь красный от стыда. В данный момент он даже жалел, что родился на белый свет. Но на этом неприятности для Аболтыныша не закончились. Ровно через неделю Ганс шел по центральному проходу корабля. Он только что помылся и нес в правой руке пустой бак из-под воды. Но вот перед ним внезапно открылась дверь командного пункта, и оттуда вышел начальник штаба. Взгляд Кулакова упал на все то же правое плечо Ганса. Глаза Кулакова вылезли из орбит. Он забыл, что это тот же матрос, которого он ругал две недели назад.

Поэтому Гансу пришлось снова выслушивать наставления начальника штаба. Они своей оригинальностью от тех не отличались, единственное отличие – было добавлено еще несколько крепких нелитературных выражений. Второй урок так подействовал на бедного Аболтыньша, что впредь он ходил только одетый, даже в сильную жару. А татуировки штабники все равно через некоторое время стали делать – традиция есть традиция. Что за моряк без татуировки!

Алексей, глядя на своих друзей, не удержался от искушения и попросил наколоть себе целых две – на правом плече якорь с кораблем, а на левом акулу, пробитую трезубцем. Вот так, с двумя произведениями искусства на теле, Алексей 15 июня 1984 года отправился на БПК «Комсомолец Украины» в первый свой долгожданный отпуск.

Ровно через неделю Алексей Переверзнев ехал в повозке из районного центра в родное село Трофимовка. Одет он был в старую гражданскую одежду, которую ему дал мичман Подплето, для того, чтобы не попасться севастопольскому патрулю. Рядом, в черном дипломате, лежала аккуратно сложенная отпускная морская форма. Перед въездом в Трофимовку Алексей спрыгнул с телеги. Повозка направлялась в соседнюю деревню. Леха быстренько переоделся, поправил складки, расправил бескозырку и уверенно зашагал в сторону села. День был воскресный, поэтому на улице было полно народу. И когда Переверзнев гордо зашагал в направлении своего дома, народ в изумлении уставился на него. Они никак не могли узнать в этом бравом моряке своего односельчанина – Лешу Переверзнева. Мужики в недоумении чесали лбы, бабки шептались между собой.

Кто это? Откуда? Что за иностранец и к кому приехал? Но через несколько минут произошла раз-

вязка. К Лехе навстречу из-за поворота вышла Аня Молотова с подругами. Алексей, увидев свою любовь, вначале вздрогнул, но сделал вид, что не узнал. Аня никогда в жизни не видела моряка, поэтому внимательно стала всматриваться в лицо незнакомца. И когда Переверзнев прошел мимо девчонок, она повернулась к нему и тихо спросила:

– Леша? Это ты?

Леха развернулся и так же тихо ответил:

– Я.

– Леша! Милый! Ты вернулся! – радостно закричала Аня. Она тут же подбежала к Алексею, крепко обняла и поцеловала в губы.

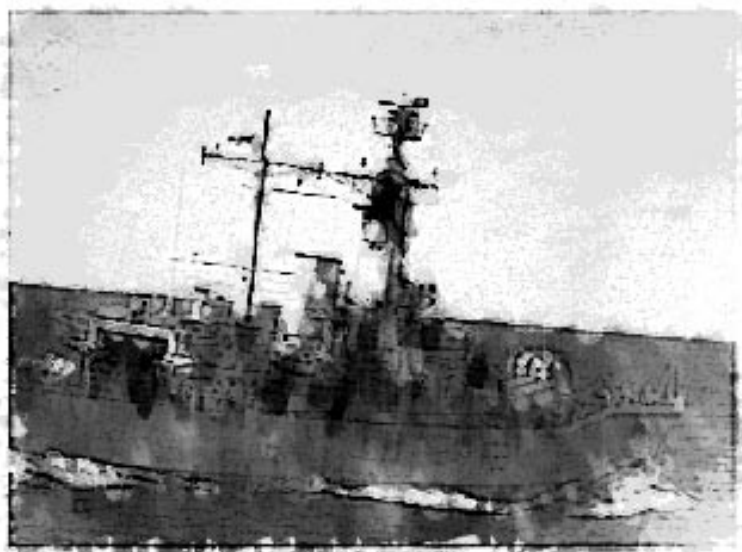
– Лешенька, миленький, я люблю тебя! И всегда любила тебя, но боялась признаться! Мне твоя мама пересказывала некоторые твои письма, но я боялась тебе написать. Теперь знаю, что ты мой самый любимый человек на свете, самый единственный и дорогой, – прошептала она ему.

– Я тебя тоже люблю. Честное слово, – ответил Леха и крепко поцеловал Аню.

Они долго стояли, обнявшись, посреди улицы – два самых счастливых человека села Трофимовки.

Краткий военно-морской словарь

- Адмиральский час – сон после обеда
Голяк – веник
Бак – стол
Баночка – табурет, скамья
Бачок – кастрюля
Бачковать – работать в столовой
Броняшка – дверь
Дискотека – посудомойка
Лагун – большая кастрюля
Машка – корабельная швабра
Маклак – офицерский повар
Маклачка – офицерская кухня
Мослы – матросы из БЧ-5 или же (в другом случае)
готовое мясо
Переборка – стена
Подволок – потолок
Приборка – замывание или наведение порядка в
помещении, на палубе
Прогары – ботинки матроса
Робишка – повседневная одежда матроса
Сойти, сошел – демобилизоваться или покинуть
корабль
Сундук – мичман
Халява – тайно приготовленная пища (обычно кар-
тошка с маслом)
Чумичка – половник для раздачи борща или супа
Шкертик – тонкая веревка
Шхерить – прятать

МИНИАТЮРЫ

Хамлет

– А не замахнуть ли нам на самого... Шекспира?

– А что, замахнемся!

Дочка спрашивает папу:

– Папа, ты Гамлета читал?

– Какого Хамлета? Това, что Виллис Шекспир написал?

– Угу.

– Конечно, читал. Могу даже рассказать, если желаешь. Рассказать?

– Конечно!

– Только я тебе все коротко расскажу, без этих Вилькиных штучек.

– Короче, как-то раз в датском королевстве встретились на посту офицеры Бернардо, Марцел и солдат Франсиско с другом датского принца Горацио. И решила братва грибков поесть соленьких. Время было позднее, они были голодные. Но вот беда, грибочки оказались галлюциногенные. И отлетели ребята быстро от реала. Поэтому скоро из тумана к ним прибежал призрак отца Хамлета. Запах грибков его привлек. Ходил-бродил призрак туда-сюда, а попросить грибочков не решился. Так до рассвета и промаялся натошак. А когда петушок запел, все-то и очнулись. Горацио – бегом к принцу Хамлету. Прибежал и говорит:

– Принц! У меня такие грибы, такие грибы есть! Как поешь, так тут же твой покойный батя из облака выходит, как живой.

– Да, – удивился Хамлет, – давненько я своего папеньку не видел. Кажется, последний раз мы с ним на похоронах виделись. Странно, он даже на свадьбу

моей мамы с моим дядей не пришел... Грибы, говоришь? Ладно, сегодня ночью приду к вам на грибки. Да и со стариком охота поговорить.

Ночью Хамлет с пацанами скушали по тарелочке грибков и отлетели. Открыл Хамлет глаза через час, смотрит - а перед ним призрак папаши.

– Ну что, сынок, трудно ли тебе одному, без отца? – спросил отец сына. – Сладко ли живется с моим братом и женой моей бывшей? Если не хочешь – не отвечай! Пока ты из транса не вылез, я тебе одну страшную тайну расскажу. Ты знаешь, что я не сам умер? Нет? Меня, сына, убили! Дядька твой, зараза! Когда в саду я отрубился после виски. Твой дядя, чтобы храп не слышать, влил в ухо мне бутылку белены, и я... остыл, как остывает небо в объятиях холодного дождя. Тебя прошу, о сын мой, – отомсти! Чтоб не было разврата в королевстве, свою ты мать от дяди излечи. Иначе вечность мне бродить по стенам замка. Теперь – прощай! Прощай, прощай! И помни обо мне. А если не запомнишь – запиши.

Вот так пахан все своему сынку и настучал про родственников.

И снесло у Хамлета крышу после этого разговора. Решил бродяга отомстить своему дяде за смерть отца. Для начала проткнул мечом шестерку короля Полония. А главное, сделал это в присутствии матери. Мамаша пристыдила его за это – мол, нехорошо, сынок, людей за занавеской убивать. Хамлет обиделся и спрятал труп, а куда – и сам забыл. Дядя же, наоборот, обрадовался, что Хамлет совершил убийство. И с легкой руки отправил его в ссылку в Англию. Там у него бригада знакомая была, ну, он им и посоветовал кокнуть племяша. Но племяш хитрый оказался и везучий. Вернулся обратно в свое королевство. Успел вовремя! Аккурат на похороны своей любимой – дочки Полония – Офелии. Бедняжка после смерти отца сначала с ума сошла, ну а потом решила

утонуть. Вот с первой попытки ей это и удалось. Хамлет немного поплакал у могилки, а потом подрался с братом покойницы Лаэртом. Лаэрту очень не понравилось, что Хамлет его папу убил. Заодно и за сестренку захотел отомстить. Дядя про это узнал и прикинул, что надо сделать учебную дуэль для Хамлета и Лаэрта. Только шпагу у Лаэрта намазал ядом кураре. Мол, если Лаэрт случайно поцарапает своего противника, то через миг его Кондратий в объятия возьмет. И для полного спокойствия он еще в бокал Хамлета яду того же добавил.

Да только не учел злодей, что эти лохи – Хамлет и Лаэрт – одной шпагой друг друга поцарапают. Соперники как-то в пылу сражения не заметили, что шпагами поменялись. Лохи они и древней Дании – лохи. А мамаша, увидев царапину на руке Хамлета, с горя и опустошила кубок, предназначенный для сына. Только выпила она вино с ядом – тут же и околела. Хамлет обиделся, что мать умерла, и со злости проткнул шпагой своего дядю.

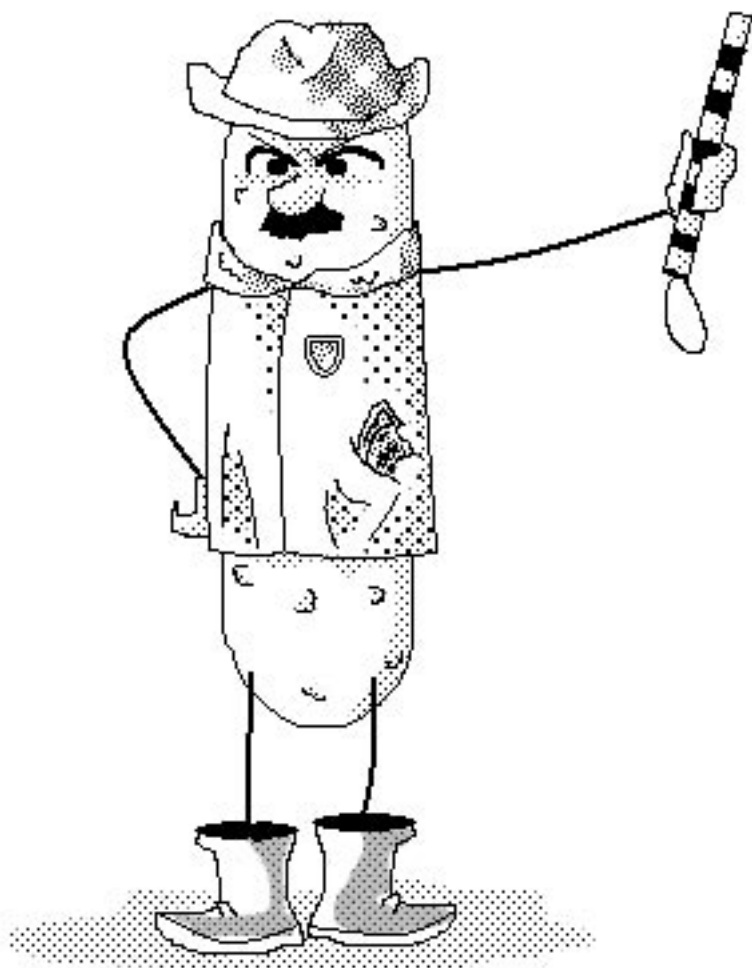
Короче, из-за каких-то недозревших грибов достойные люди погибли. И опустело датское королевство, и много лет еще его подданные оплакивали погибших... Вплоть до того самого момента, когда сборная Дании по футболу стала чемпионом Европы. После этого события стали датчане понемногу Хамлета забывать.

А эти крылатые слова «Быть или не быть?» – Хамлет не говорил. Это Вилька Шекспир придумал. Хамлет перед смертью кричал: бить или не бить? Того козла, который его грибами галлюциногенными накормил.

Вот такую историю рассказал всему миру Виллис Шекспир.

– Папа, ты меня обманул! Это же мыльная опера! Ты мне что, мексиканский сериал рассказал?

– Нет, доча, это – Хамлет! Ну а теперь ложись спать, завтра в школу. Если ее закончишь, я тебе еще про Ателу и Дрездемонку расскажу.

Гуркитис

Дорожный полицейский Гунтис Гуркитис был влюблен, безумно влюблен... в деньги. И своей любви он никогда не изменял. Конечно, бывало, его соблазняли красивые, блестящие формы драгоценных камней на загорелых телах своих спонсоров (так Гуркитис втайне от всех называл водителей автомашин). Но деньги! Деньги он боготворил! Потому что деньги – это есть ключик. Волшебный ключик, которым можно открыть железную дверь своих сокровенных мечтаний. А мечта у полицейского Гуркитиса, естественно, существовала. Мало того, что существовала, так эта мечта еще ежедневно сверлила ему мозжечок, напоминая о себе. Намекая на то, что если он не пошевелится как следует, она смоеется от него к другому. Но Гунтис не хотел ее отдавать другому. Ведь это была его мечта, которую он столько лет лелеял и вынашивал. Гунтис хотел стать самым богатым полицейским, сохранив при этом свободу. То есть чтобы его не посадили. Последнее было весьма проблематично. Многих своих коллег Гуркитис проводил на нары. Были среди них даже хорошие люди. Но желание сильно разбогатеть перевешивало страх перед правосудием, поэтому Гунтис брал взятки. Брал за все, за что только мог: превышение скорости, езду в пьяном виде, езду в трезвом виде, если не включены фары и т.д. и т.п. Первое время Гуркитис даже мучался оттого, что штрафовал водителей без протокола. Бывало, просыпался ночью и плакал. Плакал до тех пор, пока не открывал свой сейф, где хранились сбережения, заработанные непосильным трудом простого полицейского. Потрогав своими «мозолистыми» руками денежные купюры, он успокаивался и спокойно засыпал. Успев перед этим прошептать:

– Как хорошо, когда у человека есть деньги!

В тот злополучный день своего дежурства, 13 мая 2005 года, Гуркитис с чистой совестью и с хорошими намерениями разбогатеть выехал со своим напарником дежурить на шоссе. У напарника не было такой большой мечты и такой чистой совести, как у Гунтиса, поэтому он, выпив по дороге четыре бутылки пива, пересел на заднее сидение и захрапел.

– Вот и гуд! – про себя подумал Гунтис.– Пусть спит, мне больше денег достанется, а ему потом куплю маленькую, и хорошо.

Поставив машину в кусты, Гунтис спрятался с радаром за дерево. Это было его любимое дерево. Самое счастливое дерево на свете. Оно принесло ему очень много денег. Мало кто из водителей-нарушителей мог заметить Гунтиса за ним. Правильно говорят, что мужчина должен построить дом, вырастить сына и посадить дерево. Гуркитис был с этим согласен, но только здесь он бы сделал небольшую поправку – дерево посадить у дороги. Чем больше деревьев у дороги, тем больше у полицейского денег. Это - аксиома, и ничего тут не поделаешь. И где-то в закромах своей полицейской души Гуркитис считал себя богатым. А богатый полицейский – это зеркало государства. И Гунтис очень любил свою Родину за то, что она дала ему в руки радар. Не каждому человеку выпадает такое счастье.

«Я избранный!» – так любил говорить про себя Гуркитис.

Первые полчаса дежурства прошли без эксцессов. Водители словно сговорились – ехали, не превышая скорости. Полицейский даже стал немного нервничать. Ему захотелось сходить в туалет. Но за своим счастливым деревом он этого делать не решался. Гунтис очень верил в приметы. Поэтому, чтобы не искушать судьбу, он решил сходить в туалет на противоположной стороне дороги. Дойдя до середины дороги, Гуркитис увидел

на асфальте спокойно лежащий, отдыхающий кошелек. Живот кошелька был очень сильно раздут. Это говорило о том, что кошель не так давно проглотил большую порцию денег.

– Опаньки! – радостно закричал Гуркитис и нагнулся за ним. Сработал рефлекс полицейского. Рука Гунтиса сама потянулась к деньгам.

Вдруг он услышал шум. Гунтис посмотрел на дорогу. Последнее, что запомнил полицейский, – это мчавшийся на него громадный джип. Боли он даже не почувствовал, просто ему показалось, что кто-то выключил на земле свет.

Очнулся Гунтис уже в большом коридоре. Он сидел на стуле перед большой кожаной дверью. В руках у него был зажат тот самый радар, который ему дало государство.

Внезапно дверь распахнулась и из нее вышла абсолютно голая симпатичная блондинка. Девушка улыбнулась и ласково сказала:

– Грешник Гуркитис! Шеф ждет вас! Прошу! – девушка указала рукой на проход.

Гунтис с удивлением посмотрел на нее, затем встал и прошел внутрь. В помещении стоял большой стол. За столом сидел черт! Самый настоящий черт: страшный, волосатый и рогатый. Вдобавок ко всему этому, у него еще светились огнем глаза. Проходя, Гунтис успел заметить на стене портреты Гитлера, Сталина и Ленина. Портретов было много, но Гуркитис знал только этих людей. Полицейский задрожал. Ноги у него подкосились.

– Садитесь, уважаемый, – черт указал ему на стул. – Да не бойтесь, пожалуйста. Все самое страшное уже позади. Все ваши грехи остались там, на земле. А здесь вы их будете отрабатывать. Да-с, господин Гуркитис. За все надо платить. Не только за нарушения правил дорожного движения, но и за грехи тоже. А у вас, судя по вашему

досье, их довольно-таки много. В принципе, хватает на то, чтобы отправить вас в смоляной «солярий».

Но, господин Гуркитис, я вас вызвал не для этого. Нам нужен полицейский-профессионал. Каким, собственно говоря, Вы и являетесь. Несмотря на все ваши прегрешения, мы не пошлем вас в котел. С этого дня Вы назначаетесь первым полицейским в нашей маленькой стране под названием АД! Назначаетесь, но с одним условием – денег с нарушителей не брать. За получение взятки вас ждет суровое наказание. В тысячу раз страшнее, чем вариться в смоле. Вопросы есть?

– Никак нет! – машинально ответил Гунтис. Он еще с трудом понимал: где он и что с ним произошло.

– Вот и ладненько, – черт потер руки и добавил, – Сегодня можете отдохнуть с проститутками, а завтра в бой. Моя секретарша вам поможет расслабиться. И помните: завтра вы выходите дежурить на дорогу Грешников. Вот Вам квитанции и помните: Ни одной взятки, иначе... – черт погрозил Гунтису большим волосатым пальцем. После этого зашла голая девушка. Она взяла полицейского под руку и вывела из кабинета.

Как Гуркитис провел ночь, лучше не рассказывать. Не для того, чтобы искушать читателя – слишком это долго и утомительно.

Первое утро после смерти простой полицейский встретил с большим подъемом сил. Еще не стерлись воспоминания о тех трех девушках, с которыми он провел ночь в гостинице. Вдобавок, он оказался снова с радаром на дороге, но не с напарником, а один. Первое, что заметил Гунтис – это то, что здесь были такие же дороги, как на Земле. Такие же машины и люди в них, как там, где Гунтис был живым.

Месяц Гуркитис исправно штрафовал нарушителей, выдавая им квитанции. ЦЕЛЫЙ МЕСЯЦ он не брал взяток! Вы можете себе такое представить? Нет? Вот и

Гунтис не смог сдержаться. После того, как остановил пьяного очкастого черта, который летел по трассе со скоростью звука. Он вначале собрался отобрать у того права, но чертеныш оказался не из робкого десятка и предложил Гунтису за нарушение целый дипломат «зеленых». Гунтис тяжело вздохнул, перекрестился и взял чемодан. Искушение – оно и после смерти искушение. Как только рука дотронулась до ручки кейса, земля ушла из-под ног полицейского. Небо свернулось, и наступила тьма. Когда свет появился вновь, Гуркитис оказался уже в кабинете Шефа. Черт сидел напротив него и весело улыбался.

– Ну что ж, господин Гуркитис, – грозно сказал черт, – я вижу, вам и здесь покоя нет. Я вас предупреждал, что за взятку мы караем строго? Предупреждал?

– Да, – проглатывая слюну и придерживая трясущимися руками трясущиеся от страха ноги, ответил Гунтис, – кажется, говорили.

– Ах, кажется! Когда кажется – креститься надо! Ха-ха-ха-ха-ха...

Свет снова погас. Голова у Гунтиса закружилась, и он потерял сознание. Последнее, что он услышал – был чей-то отдаленный крик:

– Ну и вали обратно на свою Землю! Ха-ха-ха-ха...

18 августа 2005 года страну шокировало сообщение в новостях:

Полицией госбезопасности был задержан полицейский дорожно-патрульной службы. Находясь на дежурстве, он в период длительного времени предлагал водителям-нарушителям деньги. Но за это брал с них расписку, в которой силой заставлял писать:

«Я обязуюсь никогда в жизни не нарушать правил дорожного движения! И никогда! Никогда не давать взятку полицейскому! В случае нарушения этого условия пусть меня покарает Господь!»

Полицейский помещен в изолятор предварительного содержания. Есть подозрение, что он душевнобольной. Полиция предупреждает водителей: «Ни в коем случае не берите денег у полиции! Это будет расцениваться как получение взятки от должностного лица!

Граждане, будьте бдительны!»

Пьянство – норма жизни!

Давайте представим с вами недалекое будущее.

Вся страна пьет. В городе N живет обычная рабочая семья: муж, жена и восемь детей.

Представили? Тогда поехали!

Шесть часов вечера. Муж возвращается домой с работы. Чтобы не тревожить жену, на цыпочках подходит к двери своей квартиры. Но открыть ее не успевает. Дверь мгновенно распахивается. На пороге стоит вторая половина. В правой руке у жены зажата бейсбольная бита (времена скалок, господа, как это ни прискорбно, прошли), в левой – полбутылки водки.

– Ну что, явился, сморчок поношенный?! – раздается грозный голос жены.

– Тык... так...

– Что тык! Что тык! Что так? Опять трезвый?

– Ну, понимаешь, мы с друзьям решили... решили не пить.

– Ах, опять эти друзья! Я же тебя предупреждала, что если ты еще раз, скотина рогатая, придешь домой трезвый, я тебя с лестницы спущу. У всех мужья как мужья! А я что, счастья не заслужила? Десять лет живем вместе, а ты ни разу пьяный с работы не пришел. Ну за что, спрашиваю? За что мне такое наказание? Ответь мне, трезвенник несчастный!

– Дорогая, я... я извиняюсь, но сегодня на работе у коллеги был день рождения и... мы немного холодного чая выпили. Всего шесть бутылок. Я не смог Василию отказать.

– Бабы были? Были, спрашиваю? – глаза половины налились кровью.

– Нет. Женщин не было, – тихо произнес муж.

– Что? Опять без баб время проводил? Ну почему? Почему мне так не везет? Вот у Верки – мужик так

мужик! Каждый день его с работы пьяного приносят. Верка сама рассказывала, как два часа помаду с его пьяненького озябшего тельца салфеточкой вытирала. А мой: «Женщин не было». Тьфу! Бедная моя мама! Если бы она знала, за кого я вышла замуж. Если бы знала... ей-богу, в гробу бы перевернулась. Скажите, зачем мне такой мужик? На футбол ты не ходишь, на диване не лежишь, не пьешь, не куришь. Даже на рыбалку не едешь. Мне ж во двор стыдно выходить – все соседи смеются. Дети! О детях ты подумал, когда этот свой чай хлебал? Чему они научатся, глядя на тебя? Чему, я спрашиваю? Они же пропадут в этом мире. У них одна дорога – на помойку! И все из-за того, что их отец трезвенник отмороженный. Все! Мое терпение лопнуло! Или мы завтра идем кодироваться на пьянку, или разводимся. Я просто уже не могу столько лет пить одна перед зеркалом. Так, выбирай – или ты трезвый, или семья? Выбрал?

– Да, выбрал, – после минутной паузы совсем тихо произнес муж.

– Я тебя слушаю, – жена бросила битую на пол.

– Дорогая, прости, с завтрашнего дня я начну конкретно пить... Нет! Сейчас! Сию же минуту! Дай бутылку!

Муж выхватывает бутылку из рук жены и делает несколько маленьких глотков.

– Вот! Видишь! Я такой, как и все, – морщась, говорит он.

– Хм... Это другое дело. И обещай, что на этой неделе заведешь себе любовницу. Обещаешь?

– Да, дорогая. Обещаю... только разреши мне помыть посуду.

– Хорошо, иди, мой. И чтобы утром я тебя видела пьяным! Жена схватила мужа за воротник и затащила в квартиру.

Гороскоп под углом 40 градусов

От астролога–нарколога Павла Глобусова, доктора парапсихических наук, кандидата в мастера спорта по аномальным прыжкам в М-ский треугольник.

Овен

Сегодня вы будете слишком раздражительны. Постарайтесь немного расслабиться. Сначала пивом, затем водкой. Если раздражение не пройдет, попробуйте все это смешать в граненом стакане и выпить. После обеда ожидается большая трата денег. Звезды не советуют вам садиться за руль.

Телец

Чем тяжелее становится груз на ваших плечах, тем больше вам хочется выпить. Но не стоит поддаваться минутной слабости. Представьте, как вам будет плохо наутро. Лучше сходите на экскурсию в музей медицины и посмотрите на заспиртованных алкоголиков. Эта экскурсия даст вам большой заряд энергии и бодрости.

Близнецы

День пройдет в поисках третьего. Вас будут в этом сопровождать определенные трудности. Но что такое трудности по сравнению с той радостью, которая нагрянет к вам, когда вы его найдете. Помните: сколько бы вы ни выпили, немного такта и дипломатии не помешают.

Рак

Вам предстоит сегодня встреча с пьяной женщиной (мужчиной). Знак зодиака поможет выбрать правильную позу партнера (партнерши). Не рекомендуем иметь дело с ценными бумагами, особенно заворачивать в них селедку.

Лев

Новая жизнь у вас начнется с восьми утра, когда на колонке начнут продавать спиртное. Именно там вы увидите то, без чего жизнь кажется невозможной.

Дева

Луна сегодня в халяве. Поэтому вам удастся бесплатно поужинать в дорогом ресторане. Правда, после ресторана придется расплачиваться, но не деньгами. Удачный день для беременности и знакомства с лохами (для женщин). Мужчинам желательно из дома не выходить.

Весы

Сегодня вы узнаете, что губит людей не пиво, а его количество и марка. Удачный день для похода к наркологу.

Скорпион

Не стоит злоупотреблять сегодня такими напитками, как коньяк, ром, виски, абсент и спирт. С утра необходимо выпить бокал шампанского. Но ни в коем случае не закусывайте селедкой, даже если об этом вас будет просить любимая теща или свекровь. Вечером, возможно, предстоит встреча с сотрудниками дорожной полиции. Чтобы не было эксцессов, выпейте “антиполицай”.

Стрелец

Хороший момент, чтобы сдать пустые бутылки. Но торопитесь, иначе вас обойдут конкуренты из соседнего подвала. Отдохнуть вам не удастся – в гости придут чёртики. Главное для вас в этот день – сохранить выдержку и не разговаривать с ними. Вопрос: «быть или не быть?» будет на протяжении дня вас доставать. Выбор за вами.

Козерог

Ваша сокровенная мечта сбудется! Сегодня вы упадете

лицом в салат. Поэтому, отправляясь на банкет, захватите пару салфеток - так, на всякий случай.

Водолей

Благоприятный день для продавцов на точках. Водочка будет сегодня нарасхват. Рекомендуем разбавить ее посильнее, так как покупатель градусы проверять не будет. Неблагоприятный день для философских размышлений.

Рыбы

Вам сегодня лучше помолчать. Все слова, сказанные вами, могут быть обращены против вас. Поэтому требуйте адвоката. Если ваша просьба окажется неудовлетворенной, не отчаивайтесь. Вы имеете право на один звонок. После обеда возможно расставание с близкими на большой срок.

В кровати с Дедом Морозом

Первое января. Не помню, какого года. Сунтажская волость. Утро. Превозмогая боль, пытаюсь открыть глаза. С четвертой попытки удается ... открыть один из них. Где я? После быстрого осмотра начинаю понимать, что у себя дома. Это придает немного уверенности. После вторичного осмотра сомнения вновь вкрадываются в душу. Что это за девка лежит рядом? С длинными белыми косами и в полушубке, а самое главное – в сапогах. И почему кроме полушубка, на теле незнакомки больше ничего нет? Брр! Включаем память.

Так... вчера встречали Новый год. Помню. Начали здорово: вечером пришли друзья, девчонки. Но этой... этой точно не было. С ними не было. Что же дальше? Что дальше было? А, вспомнил! В семь вечера сели провожать Старый год. Так... это помню. Смотрели телевизор. Да... точно смотрели. Там еще какой-то депутат российской думы выступал, похожий по голосу на Жириновского, Путина, Черномырдина, Лукашенко, но с птичьей фамилией. Не то Птицын, не то Галкин... Да, да! Именно Галкин. Ага... уже хорошо, идем дальше. Дальше российский Новый год. Гм... Его мы лихо отметили! Открыли шампанское... открыли шампанское, и... пробка вылетела из бутылки. Вылетела, вылетела... вылетела... Куда же она вылетела? Так, вспоминаем. Быстренько вспоминаем. Вот она летит, летит, летит и ... попадает в глаз. Точно, кому-то в левый глаз.

Странно, почему мой левый глаз не открывается. Удивительное совпадение. После встречи российского Нового года память почти не восстанавливается. Хотя... постой! Вспомнил! Мужик какой-то выступал. На латышском вопросы задавал: Почему мы так плохо живем? А кому на Руси жить хорошо? Никому! А чем мы

хуже кривцов?

После мужика, помню, Вайра с Витей выступили. А может перед, но почему-то “два в одном получилось”.

Дальше улица, темнота, выстрелы. Человек мимо горящий пробежал. Мы его догнали, завалили... в снег и потушили.

Но откуда девка незнакомая? Надо ее пощупать, может она того – холодная уже.

Подымаем правую руку, осторожно дотрагиваемся до груди. Хм... Ничего ... нормальная. В смысле – теплая. Вывод: если грудь теплая, значит, девушка жива. Осторожно, стараясь не разбудить живую девушку, опускаем руку на кровать. Ой! Что это? Кто это? Кто лежит справа от меня? Поворачиваем голову – мужик!!!! Боже! Со мной рядом лежит старик с бородой, в красном тулупе, а под головой вместо подушки у него красный мешок!

Мама!!! Мама!!! Это же дед Мороз и Снегурочка! Живые! Йес! Я знал! Знал, что они существуют! А вы говорили: «детская мечта»! Выдумки родителей! Тьфу на вас!

Вот они рядом со мной лежат! Снегурка красавица и дедушка с подарками! Я же всем вчера доказывал, что они на самом деле существуют. Все! Встаю! Надо звонить друзьям, пока эти двое не растаяли. Это надо же! Дед Мороз и Снегурка – в моей кровати!!! Это вам не с Мадонной. УХ!

Сказка о глупый женский обезьян

Привет, дружок! Я буду тебе говорить один хороший сказка. Это очень, очень приятный сказка. Он называется: «Сказка о глупый женский обезьян». Лажись на поля и открывай свой малинький, розовый ушко, дружок.

Давным–давно жиль-биль очень мудрый мужской обезьян. Он биль очень, очень красивый, смелый, сильный обезьян. И вот этот красивый, мудрый обезьян браль осиноый острый палька и шель на охот. На охот он увидель огромный, мохнатый мамонта!

– УГУ! – закричал обезьян и ударил палькой по голове мамонта. Мамонта захрапель и умер.

Мужской обезьян оторвал от мамонта самый вкусный часть тела и пошел в свой пещера делать пикник. На пикник пришел его сосед – не совсем мудрый рыжий обезьян. Они випили литр козий молака и отрубились.

Когда мудрый обезьян открыль свой глазки, он заметиль, что вместо мужской рыжий обезьян лежит необыкновенный зверюшка.

– Кто ты? – спросиль зверюшку мудрый мужской обезьян.

– Я очень, очень глупый женский обезьян, – ответил зверюшка и прикоснулся своими губами к губам мужской обезьян.

Мудрый обезьян понюхал женский обезьян и сказал:

– Ты можешь остаться в мой трехкомнатный пещер. У меня есть вкусный часть мамонта – будем есть его вместе.

– Спасибо, наимудрейший, сильнейший, красивейший мужской обезьян, – ответил на предложений глупый обезьян. Можно я останусь с тобой на дольго-дольго?

И все это время я буду тебе говорить этот ласковый слова. А ты, наимудрейший обезьян, будешь мне за это приносить немножко мяса, и много–много красивый золотой безделушка. Такой блестящий безделушка, который я буду вешать на свой безобразный тело. А?

– Ну, канечна! Канечна можна! – ответил мужской обезьян. – Какой ты глупенький и безобразный женский обезьян. Живи и наслаждайся моей мудростью! А безделушка я сейчас пойду и заберу у знакомый рыжий обезьян.

Мудрый мужской обезьян взял осиновый коль и пошел убивать свой знакомый рыжий мужской обезьян. Он убил рыжий обезьян и принес безделушка к ногам глупый обезьян.

– Вау! Какой ты сильный, мужской обезьян! А ты не можешь достать мне бистренький лошадка? Чтобы я могла скакать по лесу и кричать всем, какой ты мудрый обезьян.

– Канешна могу, – ответил обезьян и побежал ловать бистрый лошадка.

Когда мудрый мужской обезьян привел в пещеру бистрый лошадка, глупый женский обезьян положили на лошадка все безделушка и вкусный часть мамонта. Потом женский обезьян поцеловал мужской обезьян и сказал:

– Я поскакаль говорить про тебя ласковый слова!

Глупый обезьян ударил ладошкой по лошадка и ускакаль. Больше его мудрый обезьян не видель.

С тех пор мудрый мужской обезьян перестал быть мудрым. Его стали называть «бестолковый мужской обезьян».

Вот так, дружок, каждый мудрый мужской обезьян за короткий время превращается в бестолковый обезьян. Спи, дружок... и никогда не говори, что ты мудрый. Пусть тебя считают глупым, главное, чтобы у тебя

быль безделушка и бистрый лошадка. Спокойной ночи,
дружок. Закрывай свой глазка и усни до пасха. Бай!

ФЕМИНИЗМ

Нет, как вам это нравится! В Латвии появилось движение феминисток! До чего мы докатились! Вы представляете, что теперь будет с нашими мужскими правами? Не будет больше мужских прав. И женских не будет! Будут всеобщие человеческие права! Отныне женщины и мужчины равны во всем. Им от этого какой толк? Они как рожали, так и будут рожать, а нам... Нам придется научиться этому делу. Я как представил себя в роддоме, чуть с окна не выпрыгнул. Вовремя вспомнил, что первый этаж – все равно не разбился бы.

Главная эта, наша латвийская феминистка, в газете пишет: «Мужчины нас унижают и издеваются над нами!»

Кто, мы унижаем? Кто кого унижает и издевается! Я вот инструктором по вождению работаю. Если бы вы знали, что со мной эти женщины сделали за время моей работы! Я, между прочим, школу КГБ окончил. А туда людей со слабыми нервами не брали. Посмотрите, что со мной эти милые, добрые на вид существа сделали. На Годзиллу похож? Это после третьей пластической операции. Не голубой я! Ученицы обцарапали! После того, как я их до экзамена не допустил. Как я мог их допустить, если одна, после десятого урока по вождению, перед тем, как тронуться с места, спрашивает меня:

– Эрик! Чтобы начать движение, на что надо нажимать: на тормоз или на сцепление?

Я после этого вопроса сразу таблетку валидола проглотил и говорю:

– Освободи место подруге!

Подруга еще лучше оказалась. Только села и сразу вопрос мне:

– Скажите, пожалуйста, когда я поеду, мне надо за эту штуку держаться?

– За какую штуку? – переспросил я ее.

– Ну... за эту... как ее. За вашу штуку!

Мужики! Вы не представляете! Я, бывший майор КГБ, первый раз в жизни заплакал.

Но хуже всего - они не поняли, за что я их до экзамена не допустил. Вцепились в мое лицо своими длинными акриловыми ногтями и разодрали его до неузнаваемости. И это, по-вашему, слабый пол! У них еще равных прав нет, а уже царапаются. Что же будет, когда все равны будем. Хаос наступит – однозначно! Все! Амба! Смерть планете Земля! Апокалипсис! Эра вечной темноты и мерзлоты! Человечество разделится на две группы: самостоятельных женщин и сумасшедших мужчин. Не смогут мужчины, оставшиеся в живых после этого процесса, нормально существовать. Потому что половина красивых, милых женщин превратится в трактористок, грузчиков, строителей, сантехников и шоферов. А вторая половина будет во власти зеленого змея и прочей дури. А что нам, мужчинам, достанется после этого? Ясно что – мытьё посуды, уборка и цветы от сильных, свободных от предрассудков дам. Самое страшное наступит во время бракосочетания равноправных мужчины и женщины. Перед парой встанет глобальный, трудноразрешимый вопрос «Кому фату надевать?» Права-то у всех равны будут! А на востоке! Мама родная!!! Все в парандже ходить будут! И Гюльчатай и Саид! Страшно подумать! А может, и не стоит думать! А просто любить их! Любить и еще раз любить! Чтобы у наших женщин после этой любви не рождалась в голове тайная мысль – стать равноправными. Быть любимой и желанной намного приятней, чем феминисткой. А феминизм надо запретить – это я вам как бывший майор КГБ говорю! Раз и навсегда –ЗАПРЕТИТЬ!

Трансплантация

Я раньше на стройке работал. Почему раньше? Потому что сейчас не работаю. Сейчас в больнице лежу, в отделении хирургии. Хотя главврач Веселов сказал, что я навряд ли вылечусь. Когда меня привезли к нему, он с горечью посмотрел в мою сторону и сказал:

– Из него хороший донор органов выйдет. Все равно этот пациент уже нормальным человеком не станет. Посмотрите в его глаза, – обратился он к молоденькой медсестре, – безнадежные глаза. Хорошо, что кирпич с пятого этажа упал на его грешную голову, если бы с шестого - мы бы это тело даже для трансплантации не спасли бы. А так, может еще хоть что-то за его внутренности получим. Берегите его, Инночка! Это, можно сказать, ваша путевка на Канары. Сделайте анализ крови, и, если все в порядке, мы его почечку толкнем мистеру Скотту. А как только получим деньги, я вам земной рай обещаю. Главное, чтобы его смерть правдоподобной была, здесь я надеюсь только на вас и вашу сообразительность. До сих пор вы меня не подводили, надеюсь, что этот пациент долго мучиться не будет. В общем, принимайтесь за дело.

Веселов нежно поцеловал медсестру в лобик и удалился из палаты. Инночка осталась одна. Какое-то время она стояла посреди палаты, о чем-то размышляя. Потом посмотрела на меня, скривила гримасу и сказала:

– Ну что, мистер безмозглая голова, готовься к встрече с Господом. Ты, я вижу по лицу, уже не один год лишний живешь на этом свете.

Инночка подошла ко мне и принялась брать анализ крови. Закончив свое дело, она с улыбкой удалилась из палаты. Перед тем, как закрыть дверь, девушка повернулась и сказала:

– Жаль, что ты меня не слышишь, а то я люблю смотреть, когда у людей в глазах страх. Я просто балдею от этого! Спокойной последней ночи, господин Тупоголовый!

Медсестра вышла из комнаты, громко хлопнув дверью.

– Остолопы, болваны в белых халатах! – выругался я про себя. – Это я-то не слышу! Да я в сто раз лучше вас слышу и вижу. Подумаешь, кирпич с пятого этажа на башку свалился – я же в каске был. Ну, парализовало меня немного, но я все слышу и вижу. Кретины! Кирпич! На моего напарника в прошлом году панель перекрытия свалилась, и ничего! Подняли, откопали и закопали. А каска даже не треснула – чудеса! Безнадежный! Тупоголовый! Я безнадежный? Я тупоголовый? Вот приду в себя, всем вам покажу «кузькину мать»!

Вдруг я вспомнил, что доктор что-то говорил про трансплантацию. Страх невидимыми руками схватил мое тело. Он пробрался внутрь, заставляя с огромной скоростью биться сердце. Они хотят продать мои органы! Скоты! Они скоты, и этот их знакомый, мистер Скотт, тоже скотина хорошая. Стоит только человеку на время парализоваться, как тут же его органы на продажу! Что за народ, что за времена! А медсестра, змеюка: «Последней ночи, господин Тупоголовый». У меня самая острая голова! Ею можно стены ломать! А они, бессовестные, – “безнадежный”!

Весь вечер я ругался, вспоминая всех матерей, пока усталость не победила мой организм. Сон влез в мое сознание, и я незаметно заснул.

Не помню, сколько часов спал, но, к своему удивлению, проснулся я уже в другой палате. Разбудил меня голос Веселова:

– Инна! Как голова нашего профессора Доуэля?

– Все о'кей! Она спит! – весело ответила медсестра.

– Трансплантация прошла успешно? Без эксцессов?

– Все отлично, профессор! Можете покупать билеты на острова!

После слова «трансплантация» глаза мои в ужасе открылись. Я огляделся. Напротив, повернувшись ко мне спиной, стояла сексапильная медсестра Инна. Взгляд мой уперся в ее бедра.

– Стоп! Почему в бедра? Я же был высокий, стройный голубоглазый строитель! Почему же я стал таким маленьким? Попробую встать. Я сделал попытку подняться. Но ужас! У меня не было ног! Кроме того, через несколько секунд я обнаружил, что у меня не хватает рук и тела! Я громко закричал:

– Ааааа!

– Ну что, родимый, очнулся? – задал мне вопрос главврач–эскутор. И сам же на него ответил: – Очнулся! А мы, было, думали, твоя башка уже ни на что не годна. Да ты знаешь, парень, что в рубашке родился? Как тебе немислимо повезло! Повезло в прямом смысле этого слова! Завтра ты станешь знаменитым. И все это благодаря нам! Поэтому когда тебя выберут президентом нашей страны, ты уж про нас с Инночкой не забудь – пристрой где-нибудь! Лады?

Я ничего не смог ответить – орал благим матом! Вспоминая при этом весь запас своих нецензурных выражений, приобретенных непосредственно на работе. После двух часов непрерывного крика немного успокоился. Сразу же в палату вошли мои знакомые: врач и сестра. Они все это время ждали в коридоре, когда я кричать перестану. Из рассказа Веселова понял, что от меня, человека, получившего тяжелую травму на стройке, осталась одна голова. Все остальные части тела были проданы за валюту нуждающимся людям. Врач долго мне объяснял, что я спас целое человечество от гибели.

И что именно мою голову в последний момент решили оставить для науки. Далее услышал фантастический рассказ о моем будущем и о том, какой знаменитой станет моя голова.

Из всего сказанного доктором я понял одно – он сумасшедший профессор, начитавшийся А.Беляева и возомнивший себя великим хирургом, так сказать – современным Пироговым.

Но самое страшное, что мою голову этот шизофреник вначале хотел пришить к телу барана. Мою светлую, умную голову к туловищу животного! И быть бы мне человеко-бараном, если бы не счастливая случайность. Хотя какая это случайность – это закономерность. Наш мир состоит не из случайностей, а из законов. И согласно земному закону, не мог я из добросовестного пьющего строителя перевоплотиться в безмозглое парнокопытное – сырец для шашлыка. Не мог!

Спасло меня то, что один из политических деятелей нашей страны попал в аварию. Как попал? Понятно, как. После бани пьяный ехал и не уступил дорогу катку. Специально не уступил. Он, когда выпивал, всегда себя министром с большой буквы «М» чувствовал. Но до этой аварии его эскорт охранял. А в бане охрана так напилась, что когда стали в холодный бассейн прыгать, они для смеха к шеям камни привязали. Так все и остались на дне лежать – остывать. А министру захотелось на машине самому покататься, с ветерком. Вот и прокатился. Мерс всмятку, а сам головой в переднее колесо катка. А все потому, что ремнем безопасности не пристегнулся. Ну, в катке вмятина образовалась, а голова деятеля раскололась на три части. Что удивительно – на теле ни царапины. Водитель катка даже испугаться не успел. Только шипенье услышал – воздух из головы пострадавшего выходил. На счастье, «скорая» мимо проезжала – врач домой украденный спирт вез. Но спирт одно, а клятва

Гиппократ - другое: пришлось первую помощь оказать министру. В клятве так и сказано: «Если врач увидел пострадавшего министра, то он должен немедленно оказать ему помощь». И тело его удалось спасти. Но чтобы окончательно восстановить работоспособность Кабинета Министров, требовалась светлая, новая голова донора. Вот «Пирогов», т.е. Веселов меня и предложил. Еле успел позвонить медсестре, чтобы она мои останки случайно в помойку не выбросила. Долго они с моей башкой провозились, пока все трубки и аппараты подсоединили. Так я очнулся в другой палате, без своего родного тела, но в сознании.

– Ты, – сказал доктор, – Не волнуйся, все страшное уже позади. Сейчас туловище подвезут, мы тебя снова усыпим и через десять часов родишься уже министром. Тебя для того разбудили, чтобы не забыл, кто тебя настоящим человеком сделал. И не забудь нас потом отблагодарить.

Сказав это, Веселов подставил к моему рту маску. Последнее, что я почувствовал, засыпая – запах газа. Сознание мое помутнело, и я уснул.

Если бы вы знали, как хорошо уснуть простым строителем, а проснуться великим министром! Такое бывает только в сказке, но иногда - и в нашей стране. Так вот, я на себе все это испытал. Большого удовольствия в жизни нет! Жизнь - это горячий и холодный душ одновременно, в котором сначала из тебя человека – барана хотят сделать, а потом в министра превращают.

Пролежав в больнице после операции два месяца, я приступил к новым своим обязанностям. Скажу откровенно - работа оказалась ненамного трудней предыдущей. А через полгода у меня еще двое «трансплантаторов» в кабинете появилось: садовник и кочегар. Мы с ними сразу общий язык нашли – как-никак, с низов все вышли. Да и своих «эскуаторов» я не забыл. Первые дни после операции злился страшно на них, но

когда вошел во вкус новой работы - сжалился. Веселов теперь у меня при министерстве занимается изменением пола – из мужчин женщин делает и наоборот. Все это официально и за деньги. Инночка со мной на Канары отдыхать ездит – теперь она моя личная секретарша. Все у меня в жизни отлично! Дом, машина, жена, дети, друзья. Денег море, уважение и почет в родной стране. Вот только иногда, когда вечером спать ложусь, тревога одолевает. Где там мои родные органы, как им живется в инородном теле? В этот миг из глаз капаят на подушку слезы министра. И я про себя шепчу:

– Лучше бы я был строителем, но со своим сердцем!

Лиго

Я все время размышлял, почему газеты пишут, что наша страна стремится вступить в НАТО и в Евросоюз? Но наконец-то до меня дошло. Не мы стремимся туда попасть – они стремятся с нами слиться. Для чего? Для того, чтобы вместе с нами праздновать Лиго! Ни в одной стране мира нет такого праздника. Лиго – наша гордость! И куда там русским и белорусам со своими Иванами и Марьями против наших Яниса и Лиги! Причем этот праздник интернациональный. Он сближает все народности, проживающие в Латвии. Пьют пиво и жгут костры в эту ночь в Латвии все: евреи, русские, белорусы, украинцы, чеченцы, грузины и, естественно, сами латыши. Да мы, все неграждане, за то, что нам они подарили этот праздник, обязаны за неделю латышский язык выучить и на гражданство сдать. Где вы еще сможете увидеть у костра пьяную компанию из разных национальностей, целующихся между собой и поющую на государственном языке: «Лиго!Лиго!». Нигде не увидите! Ни в одной стране мира. Только у нас. Нам есть, чем гордиться.

Как я не объяснял это своей жене в преддверии этого праздника, она все равно, внимательно выслушав меня, пошла и куда-то спрятала ящик с «Лачплесисским» пивом. Я ж его специально заранее купил, чтобы успеть за три дня до Лиго распробовать. Но, видно, не судьба! Пришлось водку соком запивать. Понимаете, такую вещь - и соком! Надо мной все мои соседи смеялись, когда узнали. В общем, встретил я праздник в очень нехорошем состоянии, можно сказать, в депрессивном. От этой депрессии у меня даже язык еле-еле шевелился, не говоря уже про ноги. Лыко не мог связать. Спасибо друзьям. Они мое состояние увидели, посадили к костру и рюмочку коньяка дали выпить, чтоб голос восстановить.

Скажу честно – восстановили. И я запил. То есть, запел. Петь стал так громко, что вся рыба в Даугаве всплыла – оглушилась. Но мы не растерялись – быстренько уху состряпали, и давай дальше веселиться. Компания у нас веселая собралась. Просто так никто никогда не пил – обязательно что-нибудь веселенькое придумывали. Вот и в этот раз эстонец Арво турнир придумал – кто через костер перепрыгнет, тот за это лишний бокал пива получит. А чтобы интересней прыгать было, он в костер пять покрывшек положил. Арво, оказывается, пошутил насчет конкурса. Но я-то, дурак, все это серьезно воспринял. К тому же подумал – лишняя кружка пива мне не помешает. Ну и прыгнул через костер. Когда приземлился, почувствовал, что что-то не так. Горелым мясом почему-то запахло. Не успел разобраться, в чем дело, как уже в речке очутился – опять друзья помогли. Они почему-то после моего тройного прыжка меня за ноги схватили и в воду потащили. А все жена виновата – пиво ей это понадобилось прятать! От кого прятать? От меня? Я же её вторая половина, а от себя разве спрячешь? Но как это ей объяснишь? Женщина - она и на Лиго женщина. Хотя она меня, после того как обгорел (вот почему мясом горелым пахло!), соусом от шашлыка помыла – чтобы боль снять. Но вместо боли почему-то кожа стала сниматься. Я уж было решил домой пойти. Думаю: раз так плохо все началось, лучше не продолжать. Уже, было, встать решил. Но друзья! Нет, вы не понимаете, что такое настоящие друзья! Это большая редкость! И вот этой редкостью я как раз и обладал. Конечно, не в прямом смысле этого слова. У меня просто изумительные друзья, такие прямо «Дружищи» с большой буквы. Только я дернулся, они тут же мне штрафную – за то, что обгорел, когда прыгал. Водки дали, а пива нет. Сказали - условия конкурса не выполнил. Ну, пришлось мне опять водку «всухомятку», без пива пить. Если бы запил нормально,

не случилось бы того, что мне на утро друзья рассказали. Я, говорят, как рюмку опрокинул, тут же танцевать побежал. Причем - один. Так, говорят, плясал, что они не заметили, как я растворился в огне соседних костров. Вы-то знаете, что на Лиго к какому костру ни подойдешь (даже к украинскому), тебя все равно заставят пить и песни петь. Поистине благородный этот праздник Лиго – Новый год ничто по сравнению с ним. На Новый год все как крысы дома сидят и втихаря шампик глушат. А тут раздолье, простор. Иди куда хочешь, пей, с кем хочешь – ну разве я не прав? Против этого дня даже самая грозная партия в Латвии – «Зеленых» – и то не восстает. Да пусть попробует восстать! Из нее мой народ быстро партию «Голубых» сделает. Коммунисты во главе со Сталиным не смогли эту дату запретить. Я вам отвечаю! Через лет десять Лиго будут праздновать и в Америке, и в Канаде, если уже не празднуют. Ирбе с Озолиньшем, думаю, время там зря не тратят. За такие миллионы, которые они получают за бугром, могли бы объяснить обманутому народу, что День Независимости Америки – ничто по сравнению с праздником Лиго.

Я тоже пытался объяснить это возле каждого нового костра, где меня его хозяева выпить заставляли. Что я, виноват, что напился? Ты попробуй не выпить с ними на Лиго! Кто пробовал, тот уже – история. Я же, как и все, выжить хочу! У меня дети... Где-то есть! Жена третья, без детей, но зато первая третья. Второй третьей не будет! Это точно!

Ну вот, так я и блуждал всю ночь среди костров, как заблудший монах. Друзья про меня только на утро вспомнили. Потому что через час, как я ушел, они уже все забыли. Даже забыли, что они друзья, и стали драться. А жены забыли своих мужей. Но мужья не обиделись – потому что они не догадывались в эту ночь, что у них есть жены. Короче, хаос вышел. Но, как говорят ученые (а

ученым и газетам надо верить) – хаос породил вселенную. На утро все собрались. Ну, почти все. Стали меня искать. Часа три искали, не сдавались. Чем не спасатели. Как говорилось в одном фильме: «Бороться! Искать! Найти! Не сдаваться!». Они не сдались!

Нашли меня под утро. Совершенно голого, обгоревшего, спящего в папоротнике. В зубах у меня, говорят, был зажат настоящий, никем не виденный цветок папоротника.

Принесли меня друзья домой, положили рядом с женой и удалились. Проснулся я только к вечеру 24 июня. Жена разбудила. Причем, не как мужа, а как любовника – любовно так. Открываю глаза. Ба! Передо мной ящик пива стоит! Оказывается, она его для меня же и спрятала! А я-то думал... Нет, женщины непредсказуемый народ! Даже на такой праздник, как ЛИГО!

23.06.03 (11.45)

Парогре. Пока еще трезвый! Но, боюсь, пока.

Nebrauc bez biļetes, noķers!

Нет, латышский юмор - это что-то! Вы думаете, почему все великие юмористы жили в Латвии? Просто так, что ли? Не могли они просто так жить в этой веселой стране! Не могли! Если кто не помнит их фамилий и имен, то я напомню – Аркадий Райкин, Ефим Шифрин, Михаил Задорнов! Хватит для начала? Из скромности не называю себя. Мне до них - как до созвездия Кассиопеи. Я уверен, что если бы они жили в другой стране – никогда бы не стали теми знаменитыми людьми. И очень обидно, что никто из этих товарищей не сказал спасибо моей стране. Кто-то говорил: «Мы родились в Латвии – Латвия хорошая страна! Мы любим в ней отдыхать». Но никто не сказал спасибо её народу за то, что он помог сделать из них знаменитых артистов. Именно латышский юмор, как и акцент – неповторимы. Многие певцы пели про Юрмалу, очень хорошо пели, но потом почему-то забыли про эту самую Юрмалу. Было время, когда жизнь в Латвии приобрела сероватый оттенок, но теперь это время прошло. Наступила Эра Великого Латышского Юмора. А столицу этого государства – город Ригу можно спокойно назвать Нью Васюки Сатиры.

Ну представьте, в какой еще такой стране вы, сидя в электричке, увидите рекламный плакат, на котором написано на одном из языков мира, то есть латышском: “Nebrauc bez biļetes, noķers”. В переводе означает: “Не ездите без билета, поймают!” Еще не смеетесь? Молодцы! Я тоже, когда прочитал, не смеялся. У меня реакция сработала мгновенно – рука потянулась в задний карман за этим злополучным билетом. Руки затряслись, а в голове одна мысль – где мой любимый, спасительный билет? Но билет, на радость, оказался в кармане. На сердце сразу стало легко, а на душе весело – не поймают, значит. Немного осмелев, я стал рассматривать это

произведение современного дизайна повнимательнее. И что вы думаете я увидел – никогда не угадаете. Нет, я увидел не злого красноармейца, призывающего вступить в добровольцы. Не могучего ревизора с повязкой на руке! Я увидел на плакате маленького пушистого зайчика, чье серое тельце нежно держали добрые, волосатые руки кондуктора. Мне стало невыносимо жалко это беззащитное животное. Какие добрые, оказываются, у нас в стране кондукторы. Они не высаживают несчастных «зайцев» подальше от той станции, где эти «животные» живут. Наоборот – добрые работники железной дороги нежно держат «зайчиков» в своих справедливых руках. Какая забота о пассажирах! Какой добрый плакат! Еще больше меня развеселило, что на этом плакате был адрес сайта и телефон, где так бескорыстно любят безбилетников. Глядя на это произведение компьютерного дизайна и умные слова, напечатанные над рисунком, мне захотелось выкинуть свой билет в окно и почувствовать себя настоящим «зайцем», которого нежно возьмет в свои руки какая-нибудь симпатичная кондукторша. Кто-то когда-то мне сказал, что мысль материальна – нельзя её засылать в подсознание. Я никогда этому не верил – никогда! Но теперь поверил. Едва я подумал о кондукторе, как буквально через минуту это симпатичное создание открыло двери моего вагона. Девушка была одета в униформу, и строгость костюма придавала ей грациозность. Кондукторша, не обращая на меня внимания, стала проверять билеты у пассажиров. Делала она это так уверенно и красиво, что мне показалось, эта девушка ангел, а не человек. Я стал внимательно разглядывать ее. Боже, что я увидел! Вы не поверите – у девушки за спиной действительно виднелись два белоснежных крыла. Ангел! Это был ангел в облики кондуктора! Бог послал мне знак! Пока девушка проверяла билеты, я стал про себя повторять

«Отче наш», дабы доказать господу, что выбор он сделал правильный и не зря отправил ко мне это небесное создание. Пока я читал молитву, девушка успела проверить всех пассажиров и подошла ко мне. Сказав ласковое «Лабдиен», она попросила предъявить билет. Я с улыбкой протянул заветную бумажку. Девушка посмотрела на него, достала печать и приготовилась её поставить. В это мгновение я посмотрел в ее глаза. Добрые, веселые глаза кондукторши ответили тем же. Взгляд её прошел сквозь меня и стрелой Амура пробил бешено стучащее сердце. Рассудок мой помутился, тело стало падать в бездну. И когда до этой самой бездны оставалось совсем немного, я вдруг услышал радостный голос кондукторши:

– А у вас билет до станции Парогре? – спросила девушка улыбаясь.

– Да, до Парогре.

– Ха, ха, ха! – засмеялась она, – а поезд в Парогре не останавливается!

– Ну и что, что не останавливается, – вернувшись в реальность, ответил я, – выйду в Циемупе (станция перед Парогре)! Подумаешь, проблема!

– Большая проблема, очень большая проблема! – лицо кондуктора засияло злорадной улыбкой, – в Циемупе тоже остановки нет! Придется покупать билет от Парогре до Огре! И покупать по нашей цене – с наценкой!

После этих слов девушка отбила своими стройными ножками что-то наподобие чечетки и издала радостный крик. Крик, похожий на тот, какой в свое время издавали воины североамериканского индейского племени Сиу перед тем, как снять скальп с поверженного ими врага.

Я понял, что проиграл.

– Сколько мне надо заплатить? – угрюмо спросил я у «амазонки».

Она, продолжая улыбаться, ответила:

– Двадцать сантимов! зайчик!

– Двадцать сантимов? На, подавись! – я протянул ей требуемые деньги.

Кондуктор взяла деньги и выписала мне новый билет. Все это время улыбка не сходила с ее лица. Потом она равнодушно отвернулась и пошла на поиск новой жертвы. Я зло посмотрел на удаляющуюся от меня девушку. То, что я увидел, было ужасно – вместо белых нежных крыльев ангела за спиной висели два черных крыла, а из головы торчали острые рожки. Но самое страшное – я увидел настоящий хвост, который висел у кондуктора сзади!

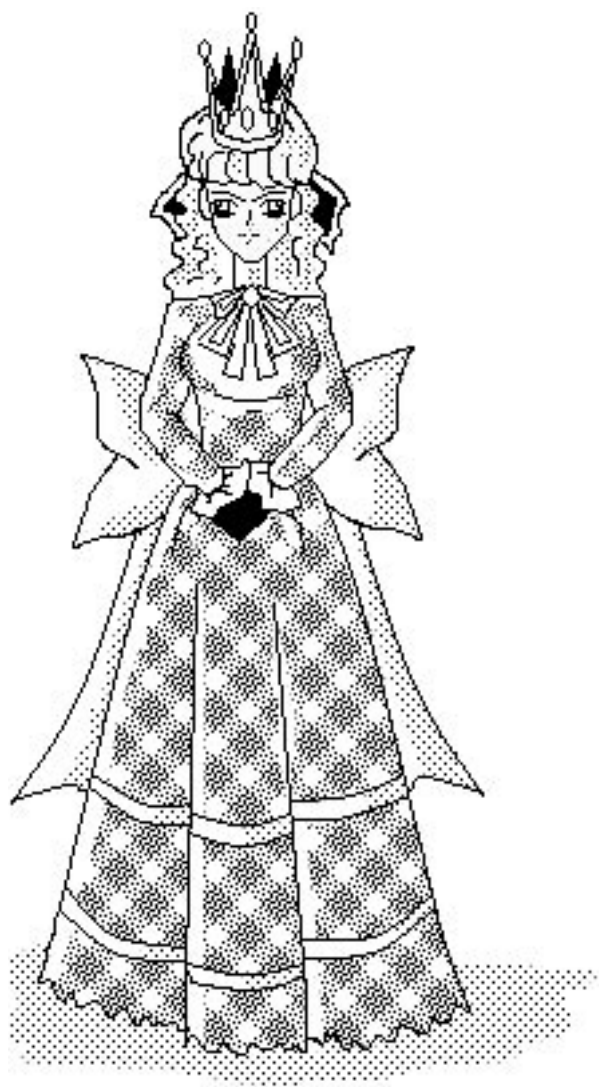
– Она дьявол! Она не ангел! – прошептал я про себя.

В это время электричка остановилась, из динамика раздался голос:

– Огре! Следующая станция Яуногре!

Я рванул к выходу, чтобы успеть выскочить из вагона. На бегу взгляд мой упал на рекламный плакат Латвийской железной дороги с тем самым зайчиком. И тут я остановился. Еще раз посмотрев на зайца, на руки кондуктора, я стал хохотать. Я смеялся так громко, что входящие люди стали в испуге меня обходить. Некоторые из них даже вертели указательным пальцем у виска, тем самым давая понять остальным, что я сумасшедший. Вдоволь насмеявшись, я поспешил к выходу. Но двери электрички закрылись перед самым моим носом. Несколько секунд спустя я услышал стук каблуков, так похожий на стук копыт. Затем почувствовал за спиной чье-то дыхание. Сразу же после этого раздался до боли знакомый веселый голос:

– Лабдиен!

Новые русские

Новые русские, новые русские – надоело! Нет, не они надоели, а анекдоты про них. Честное слово, был бы я новым русским, заказал бы всех тех, кто про них анекдоты рассказывает. За что над ними так издеваются? Тупыми и некультурными представляют перед народом. Да если бы они были такие тупые, у них никогда бы столько денег не было. Ну, подумаешь, не могут они на фотографии Мону Лизу от Моники Левински отличить. Да и скажите мне, как их отличить – улыбки у обеих загадочные. Просто первая Леонардо надула, вторая Билла, поэтому они так сказочно улыбаются. А насчет культуры - тут можно и поспорить! Именно они эту самую культуру сохранили в нашем современном мире. Кто из вас помнит, сколько на земле до появления этих людей музеев искусств было? Не напрягайтесь. Скажу честно – мало, очень мало. До них произведения искусства хранились как попало, многие ценные вещи исчезли бесследно. Но вот появились они – **НОВЫЕ РУССКИЕ**. Нет, эти люди не стали строить музеи, они из своих домов сделали настоящие музеи. Вы хоть раз слышали, чтобы где-то обворовали дом нового русского и украли коллекцию картин? Никогда, слышите? Никогда этого не было и не будет! А вот из этих самых музеев воруют все подряд – никакая современная охрана не помогает. Вся наша цивилизация должна быть благодарна этим скромным людям, они все наши исторические ценности сохранили для потомков. А мы? Что мы им в ответ? Анекдоты! Придуманные рассказы от дяди Миши! Неблагодарный мы народ. Я могу понять иностранцев. С ними все ясно, они новых русских из зависти ненавидят. Для этого придумывают русскую мафию, авторитетов. Сами выдумывают, а потом сажают. Для чего? Ясно, для чего – чтобы деньги у них отобрать. Каждый иностранный капиталист только об одном и

думает: не дай бог кто-то его богаче станет! Поэтому наши новые добродушные земляки так легко и попадаются в их сети. А эти буржуи как пауки – сидят в своей норе и ждут, когда очередная жертва к ним в сети попадет. А когда увидят, что к ним забрел добродушный богатый новый русский – моментально на него набрасываются. А какие суды они над своими жертвами устраивают? Одно дело о подкупе судей по фигурному катанию чего стоит. Вы подумайте, зачем русским людям подкупать судей по ФИГУРНОМУ катанию. Всем и так ясно: круче фигуристов российских не было и не будет. Да если наш человек и дал денег бедному французскому судье, так это же не за то, чтобы лишний балл россиянам поставить. Человек просто увидел, что судья по фигурному катанию на машине марки «Рено» ездит. Ему больно стало оттого, как французы к своим соотечественникам относятся. Ну а когда новому русскому на душе больно - он тогда другим подарки делает. Человек взял и подкинул несколько тысяч баксов на нормальную машину. А они – “взятка”! Вот Александр, можно сказать, подарил Америке Аляску. Ну и что? Его судили за это? Хотя самый дорогой подарок оказался. Никто не рискнул назвать это взяткой. Русские всегда страдали из-за доброты души своей, а новые страдают еще больше. Потому что душа у них самая ранимая из всех существующих душ на этой планете. И никто им не поможет. Ладно иностранцы, а россияне что делают? Смеются над ними! В открытую смеются и издеваются! Мало им государственной думы во главе с секс-символом Владимиром Вольфовичем, так они позарились на самых святых людей – новых русских. Все эти юмористы – хамелеоны. Днем с ними водку пьют, оды читают, а вечером про них гадости на сцене рассказывают. Нехорошо все это, ой не хорошо! Я удивляюсь терпению и выносливости этих мужественных, героических людей. Над ними смеется весь мир, хотя в любой момент

они могут весь этот мир поставить на колени. Могут, но не ставят, потому что когда слышат над собой смех, улыбаются и про себя произносят сакраментальное: «Над кем смеетесь, господа? Над собой смеетесь!»

Двери

В студию передачи «Двери» входит ведущий.

– Здравствуйте, дамы и господа! В эфире передача «двери»! Перед вами Дмитрий Нагуев! Нет, вы неправильно поняли, не Нагишов, а Нагуев! Чувствуете разницу? Кто сказал Геев? Я что, похож на гея? Фамилия похожа? Чем вам моя фамилия не нравится? А, геи не нравятся? Мне они тоже не нравятся, особенно в грязных рубашках и пьяные, тогда даже мои охранники с ними справиться не могут. Они с ними уходят из передачи. Кто уходит? Охранники уходят! Нет, я остаюсь – охрана ко мне равнодушна! Ну и что, что у меня рубашка прозрачная, они все равно с ними уходят. На меня никто внимания не обращает, кроме оператора. А она женщина. Да и вообще, что это мы все о геях, что, другой темы нет? Тем более, у нас сегодня в студии – очень странный гость! Человек, который ни разу не был на нашей передаче. Можно сказать, живьем не выступал. Я приглашаю в студию мужчину с очень странной судьбой. Судьбой, которая до неузнаваемости изменила его жизнь, и не только его!

Встречайте Сергея!

В студию заносят гроб, в котором лежит мертвец. Гроб ставят на пол, лицом к залу.

– Дамы и господа! – обращается Нагуев к залу, – вы заметили, что лицо этого человека не похоже на живое лицо? Заметили? И я тоже заметил. Когда первый раз увидел его в студии, спросил: «Расскажите, что у вас на душе?» Но этот человек молчал. А когда человек молчит, значит, у него есть тайна. Я приглашаю в студию тайну Сергея. У нас в гостях Татьяна!

В зал входит симпатичная блондинка в мини-юбке и с сигаретой в зубах. На левом плече девушки татуировка: крест и вокруг надпись «Смерть мужикам». На правом надпись – «Все мужики – собаки».

– Татьяна! – раздается голос Нагуева, – Девушка, которая прожила с этим человеком три... долгих дня! Может, вам это покажется странным – прожить три дня с человеком в браке. Три долгих невыносимых дня! Это не каждой женщине под силу! Глядя на Татьяну, можно сказать, что она - героиня нашего времени! И я удивляюсь, почему Таня до сих пор не участвует в передаче «Последний Герой». Слушаем Танечку!

Девушка садится в кресло. С презрением смотрит в сторону покойника, потом бросает жалобный взгляд в зал и говорит:

– Эта сволочь мне изменяла!

– Стоп! – прерывает ее Дмитрий, – Расскажите залу подробности, как эта сволочь вам изменяла. Интересно, с кем?

– Подробности пусть этот козел рассказывает. А то все молчит и молчит. Молчать мы все умеем, а говорить кто будет? Вы посмотрите на него – посинел как. Это оттого, что я ему призналась, что забеременела. Подумал, наверно, от него. Да я быстрее от динозавра рожу, чем от этого уroda. За все время, пока с ним была, он мне ни одного ласкового слова не сказал. Молчал как рыба. Холодный он какой-то. Я руки у него потрогала - они тоже холодные.

– Таня, а как вы с этим субъектом познакомились, если не секрет? – перебил девушку Нагуев.

– Мы с ним на кладбище познакомились, когда с подружкой Светой цветы собирали поздно вечером. Ну и задержались немного. Смотрим, мужчина одинокий идет навстречу. Подумали - мент, но потом присмотрелись – нет, нормальный человек. Он сначала к Светке подошел, обнял ее и в шею стал целовать. И так долго ее целовал, так страстно, что она сознание потеряла. Я после этого в него по уши влюбилась. Но если бы знала, что этот гад днем такой извращенец, я с ним бы рядом не села.

Нет, ночью он молодец – очень активный, а вот под утро почему-то в подвал спускается и в гробу спит.

– Спасибо! – прерывает Нагуев девушку, – Сейчас мы выслушаем бывшую лучшую подругу Татьяны – Светлану.

В студию заходит молодая девушка в купальнике и садится в кресло напротив Тани.

– Меня Светкой-Одуванчиком зовут, – представляется она.

– Почему Одуванчиком? – спросил Дмитрий.

– Потому, что я мужиков долго не держу, я их с себя сдуваю! Понятно?

– Еще как понятно, я же мужик.

– Мужики на стройках работают и в тюрьмах сидят, а не в студиях! Ясно?

– Ясно! Ясно! Скажите, это правда, что нам поведала ваша бывшая подруга, или это плод ее фантазии?

– Часть правды, – ответила девушка и улыбнулась залу.

Зрители в ужасе застыли в креслах. В верхнем ряду зубов у девушки отчетливо вырисовывались два клыка.

– То, что он муж моей подруги, – это ничего не значит. Я люблю этого человека всем телом и душой. Тем более, он меня первой поцеловал и сделал бессмертной. Вы бы видели его взгляд. Это кайф! А как он целуется! Просто супер! Ничего, скоро зайдет солнце, и все в этой студии испытают на себе его чудесный поцелуй. И вы тоже его почувствуете, мистер клоун.

Последние слова были обращены к Дмитрию.

– Я не клоун! Я ведущий этой передачи! – запротестовал Нагуев, – И на правах ведущего хочу спросить мнение зала.

– Дамы и господа! Что вы думаете об этом? Десять секунд пошло!

Микрофон берет пожилой мужчина в первом ряду.

– Они все придурки, однозначно! Кто вечером по кладбищам ходит?! Ни один уважающий себя человек туда так поздно не пойдет. Там же темно! Цветы надо днем на кладбище собирать. Днем народу больше и никто не заметит, как ты собираешь. Подумают, что могилку пришел посмотреть. Да и днем можно получше выбрать. А эти придурки – вечером! Болваны они, это однозначно. В Кресты их, в Бутырку, на Колыму! В Антарктиду отправить за цветами!

– Спасибо, спасибо! А теперь дайте другим слово сказать! – Нагуев пытается отобрать у мужчины микрофон.

– Ты куда руки тянешь, идиот? Младший брат младшего Буша! Я сейчас тебя из твоих «Дверей» на лестницу выкину! Я сказал, идиот – однозначно! Кому ты хочешь слово дать? Посмотри, парень, кругом одни болваны сидят! Ирак бомбят, а идиоты сидят. Они лежать должны! В окопах лежать, а не в креслах сидеть! Всех на фронт – однозначно! И охранников твоих безмозглых тоже туда! А тебя на кол посадить с этим твоим микрофоном, понял меня, засранец?

– Все понял, только, пожалуйста, отдайте микрофон, – ответил Дмитрий.

– На, подавись! – Мужик бросает микрофон в лицо Нагуеву.

Микрофон едва не попадает ему в голову. Только отменная реакция спасает ведущего от травмы.

Дмитрий поднимает микрофон и передает в зал. Микрофон оказывается в руках женщины из третьего ряда.

– Мы слушаем вас, уважаемая, – обращается к ней Нагуев.

– Вы знаете, мне кажется, что этот человек коммунист. Только коммунисты могут так долго неподвиж-

но лежать. Я одного такого знаю, он уже больше 70-ти лет так отдыхает, а дело его живет. Но кому нужно дело без тела. А девушек мне жаль, их ждет настоящий семейный ГУЛАГ.

– Спасибо! Спасибо, госпожа...!

– Не госпожа, а товарищ! Обижаете, Дмитрий.

– Извините, но я бы не хотел быть вашим товарищем.

– Итак, слушаем мнение другого человека! – говорит Нагуев.

Микрофон берет мужчина и говорит:

– Мочить их надо! В сортире!

– Всех? – спрашивает Нагуев.

– Всех без исключения! А за компанию можно и вас!

– Понял! Переходим дальше. – Микрофон попадает к мужчине преклонного возраста.

– Что нам скажет дедушка? – обращается Нагуев к очередному выступающему.

– Я вам так скажу, – медленно говорит старичок.

– Это семья! Но наша семья была лучше! Она цветы на кладбищах не собирала.

– И что же ВАША семья собирала?

– Она все приватизировала.

– Что именно она приватизировала?

– Все! Все, что плохо лежало и стояло – то и приватизировала.

– Спасибо! Желаю, чтобы у вас не стояло, а то и это могут туда же – приватизировать.

– Только что мы выслушали мнение зала. Теперь можно подвести итог!

Перед нами типичный любовный треугольник, с гипотенузой и двумя катетами. Как эти катеты будут делить эту гипотенузу, остается загадкой. Но я не хочу применять к этому треугольнику теорему Пифагора.

Да будет мир в их доме и спокойствие! Хотя бы днем!
Спасибо! И мой вам совет – не ходите вечером по
кладбищам собирать цветы. Делайте это днем! Иначе
можете попасть не в те двери! С вами был Дмитрий
Нагуев и передача «Двери». Пока!

СОДЕРЖАНИЕ

Средиземка

«Виктор Котельников»	4
Средиземное море	37
Крейсер «Жданов»	52
«Федор Видяев»	82
Крейсер «Киев»	102

Миниатюры

Хамлет	127
Гуркитис	131
Пьянство – норма жизни!	137
Гороскоп под углом 40 градусов	139
В кровати с Дедом Морозом	142
Сказка о глупый женский обезьян	144
Феминизм	147
Трансплантация	149
Лиго	155
Nebrauc bez biļetes, noķers!	159
Новые русские	164
Двери	167

«СНЕЖНЫЙ КОМ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

<http://books.snezhny.com/> | +371 26826806

Любое использование материалов данной книги без
разрешения правообладателя запрещено

СРЕДИЗЕМКА
Генрих Залтанс

Иллюстрации: А.Пустовит- www.pustovit.ru
А.Носков - www.voyage.narod.ru
Г.Залтанс -www.rasmys.narod.ru
Ева Залтане

Издано при содействии студии S-Logics™
www.s-logics.com